БЛАГОУХАННОСТЬ

К.М.Верагин

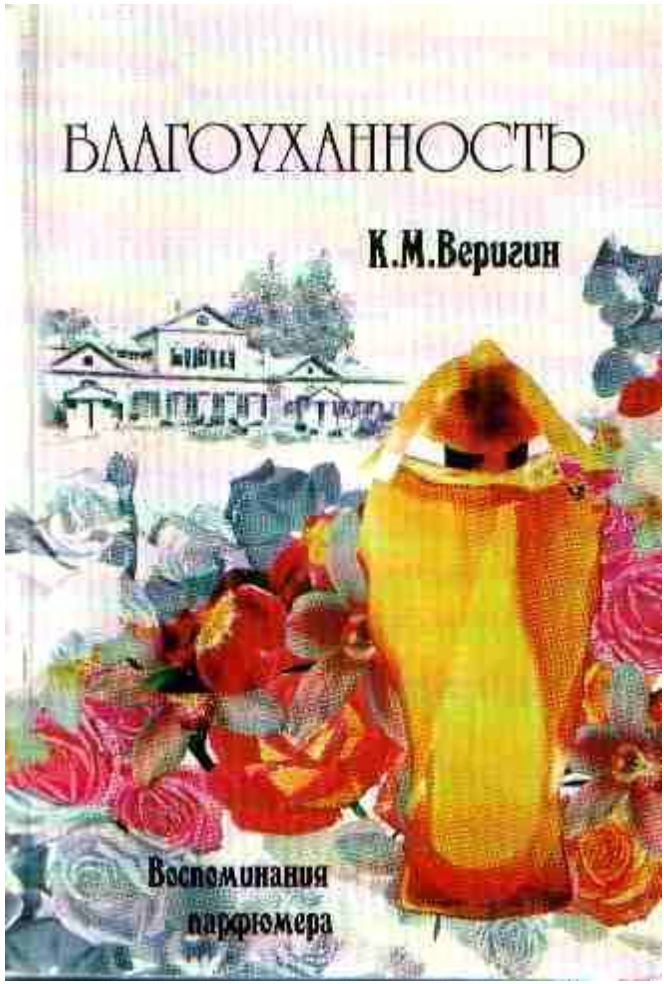
Воспоминания
аэрофлориста

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Константин Михайлович Веригин (1898-1982) заканчивал Ялтинскую гимназию, когда вихрь Октября разрушил волшебный мир его детства и юности, проходивших в северных губерниях России и в Крыму. Воспоминания об ароматах детства, которым посвящена первая часть его книги, остались с ним на всю жизнь. Прослужив два года в Белой Армии и пережив ее поражение, К. Веригин вынужден был покинуть Россию. Он прожил некоторое время в Константинополе и Белграде, а затем уехал во Францию - уже навсегда. Там, в Париже, он и реализовал свое природное дарование - стал парфюмером. Во второй части книги автор вводит нас в царство духов, полное тайн и поэзии, знакомит с родиной французской парфюмерии - городом Грассом, знаменитым Домом "Шанель", великим Эрнестом Бо - создателем самых известных в мире духов "Шанель № 5". Как создаются духи? Какие вещества входят в их состав? Как они получают свои имена? Как лучше выбрать духи? На эти и многие другие вопросы, связанные с таинственным искусством парфюмерии, ответит эта книга, полная ностальгической нежности, поэзии и ароматических воспоминаний. Книга была написана в 1965 году, в России была издана один раз очень маленьким тиражом и давно стала библиографической редкостью.

•



К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Константин Михайлович Веригин (1898-1982) заканчивал Ялтинскую гимназию, когда вихрь Октября разрушил волшебный мир его детства и юности, проходивших в северных губерниях России и в Крыму. Воспоминания об ароматах детства, которым посвящена первая часть его книги, остались с ним на всю жизнь.

Прослужив два года в Белой Армии и пережив ее поражение, К. Веригин вынужден был покинуть Россию. Он прожил некоторое время в Константинополе и Белграде, а затем уехал во Францию - уже навсегда. Там, в Париже, он и реализовал свое природное дарование - стал парфюмером.

Во второй части книги автор вводит нас в царство духов, полное тайн и поэзии, знакомит с родиной французской парфюмерии - городом Грассом, знаменитым Домом "Шанель", великим Эрнестом Бо - создателем самых известных в мире духов "Шанель № 5".

Как создаются духи? Какие вещества входят в их состав? Как они получают свои имена? Как лучше выбрать духи?

На эти и многие другие вопросы, связанные с таинственным искусством парфюмерии, ответит эта книга, полная ностальгической нежности, поэзии и ароматических воспоминаний.

Вступление.

Не знаю, может ли ваятель писать о скульптуре, художник о картинах, композитор о музыке. То, что они скажут, будет всегда беднее того, что можно почувствовать в красоте их произведений. Не знаю, могу ли я — парфюмер — говорить о запахах. Но меня всегда поражала легкость, с которой люди, живя в мире запахов и благоуханий, не замечают и не ценят их. Если в мире насекомых запах имеет огромное значение и животные руководствуются им, то люди не заметили еще роли аромата в своей жизни. Они не знают ни о влиянии его на формирование характера ребенка, ни о возможности защищаться с его помощью от болезней, ни об излечении его волнами больных, ни о роли его в людских симпатиях и антипатиях, ни о помощи в мире воспоминаний, фантазии и творчества, ни об отображения им возвышенности души человека. Наука не умеет еще зафиксировать запах, записать гамму его нот, зарисовать цвета его радуги... А вместе с тем не здесь ли кроются новые возможности в мире медицины, психиатрии и воспитания? Не сюда ли должны быть обращены все силы ученых? Уметь преобразовать вредные для людей запахи городов, заводов и природы и зафиксировать благоухания, возвышающие и излечивающие людей...

Я лично с самого детства ощущал жизнь, все проявления ее в ароматах и умел их заметить, оценить и запомнить. Оттого и тянуло меня с ранних лет, наперекор семейным традициям, стать парфюмером. И книгу эту я написал и решаюсь выпустить в свет не для себя, не из эгоизма. Я считаю нужным не только радовать людей, создавая новые ароматы, но и обратить их внимание на глубокое значение запаха в нашей жизни, в нашем мире, который

весь проникнут волнами благоуханий.

На страницах этой книги приведено немало названий известных духов различных марок. Сделано это, любезный читатель, не в целях рекламы, а из-за того, что большая часть из них сыграла видную роль в развитии ароматического искусства.

Но прошли годы, и многие из них, к сожалению, стали не тем, чем они были при жизни их создателей. И был совершенно прав тот остроумный парфюмер, который как-то сказал: *"Да, название этих духов все то же, но их качество, увы, изменилось непонятным образом!..."*

Книгу эту посвящаю сестре моей, Ольге, в память нашего детства, нашей Ялты. Благодарю за ту помощь, которую она оказала мне в этой работе. Моему учителю и другу Эрнесту Эдуардовичу Бо — "величайшему парфюмеру Франции", создателю прославленных и безупречных "Шанель № 5" и других духов... А также всем читателям, которым дорога благоуханная прелесть цветов и понятна ароматичная тонкость духов.

Париж, 1953-1965.

ЧАСТЬ 1

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Первые годы. Тепло и холод.

Там русский дух... там Русью пахнет!

И я там был, и мед я пил;

У моря видел дуб зеленый;

Под ним сидел и кот ученый

Свои мне сказки говорил.

А. С. Пушкин.

Родился я в Петербурге и провел первые годы жизни то там,

то в имениях моих родителей на севере России, в Уфимской и Симбирской губерниях. Оттого все ранние мои воспоминания связаны с впечатлениями холода и тепла, с запахами мороза, снега, щиплющего ноздри легкого ледяного воздуха.

Но один есть в мире запах,

И одна есть в мире нега,

Это русский зимний полдень,

Это русский запах снега.

Дон Аминадо.

Что может быть ярче воспоминаний детства! Вижу ослепительный блеск солнечного полдня, слышу скрип шагов по снегу, чувствую благоухающую невесомость морозного ветерка. Все вокруг — словно воплощенная сказка, и живительной бодростью наполняется мое детское сердце. Мишу, Ольгу, меня выводят на прогулку. Мы с братом следуем за гувернанткой-француженкой; сестру, крошку Ольгу, няня выносит на руках. Несмотря на мороз, нам тепло, даже жарко; пушистые меховые валенки и башлыки плотно укутывают нас, и мы чем-то похожи на маленьких неуклюжих медвежат. Марсалка — охотничий пес нашего отца — бежит тут же, прыгает, ныряет в снег и заливается радостным лаем. Нам так же весело, как и ему: хочется шалить, смеяться, кричать и кувыркаться, разбрасывая вокруг себя легкий, сияющий снег. Все искрится вокруг нас; иней на деревьях, ледяные сосульки и ледышки, воротнички наших шубок и кончики ресниц, и самое наше сердце, не знающее еще ни грусти, ни печали, сияет и искрится, все пронизанное светом.

А сколько вокруг ароматов! Ни с чем они не схожи, ничто бы не напомнили они сознанию южанина, но как они понятны, близки, родны всем тем, кто знает северную зиму!

В солнечный полдень они особенно сильны и ярки, и память четко сохраняет их на многие и многие годы.

Шопенгауэр называет обоняние основным чувством памяти,

воспоминаний, так как ничто не вызывает в нас так внезапно и отчетливо впечатлений давно прошедших событий, как запахи, связанные с ними.

Но час прошел. Прогулка закончена. Звонок — и парадные двери распахиваются перед нами. Мы входим, и мне уютно радостен контраст между морозом и мягким теплом домашнего духа. Нас раздевают, раскутывают, стаскивают с нас валенки, и свет, падающий из больших окон, кажется мне тусклым и как бы ватным после солнечных лучей на белом снегу.

День проходит в игре и мечтах, в удивлениях и восторгах по поводу всего нового, что так часто встречается в раннем детстве. Приходит вечер, а с ним и час укладывания в постельку. И опять с необыкновенной ясностью встают благоуханные воспоминания. Последние игры в жарко натопленной детской особенно шаловливы и оживленны; словно мы торопимся израсходовать, не оставить про запас последние оставшиеся силенки, словно хочется еще как-то проявить себя, сделать, выкинуть какое-то особенное коленце.

Няня ловит нас, умывает и переводит в только что усиленно проветренную спальню. И снова контраст тепла и холода и их запахов поражает меня. Дыхание слегка замирает, словно прислушивается и вдруг начинает наслаждаться переходом от жары к свежести, от запаха горящих дров к аромату зимнего вечернего воздуха. Я смутно чувствую какую-то тайну оттенков, дополнений, отталкиваний и дышу полной грудью, захлебываясь от восторга. И изо дня в день не ослабевает эта все повторяющаяся радость; то же удивление, удовольствие и счастье ожидали меня по вечерам до первого весеннего тепла.

Порой казалось, что комната наполнена благоуханно-поперечными волнами, пластами, течениями и что в них можно погрузиться, стоит только вырасти большим, достать головой потолка или стать совсем маленьким и лечь на коврик — "волка" на красной подкладке...

Мы молимся в рубашонках на расстеленных кроватках, глядя

на огонь лампадки. Чуть ощутим запах деревянного масла, чуть слышно потрескивание огонька. И вот последняя игра — радостное ныряние под ватное одеяльце.

Свежесть белоснежных, вкусно пахнущих простынок охватывает нас. Выстиранные хорошим мылом, без химических порошков и составов, просушенные, проветренные, пропитанные воздухом и светом, они снова напоминают нам о снеге, морозе и странным образом соединяют все эти впечатления в радостное сознание тепла и уюта.

Мы засыпаем, погружаемся в мягкую дрему. Тютчев запечатлел этот миг засыпания и перехода в иную действительность изумительными по тонкости стихами.

Тени сизые смесились,

Цвет поблекнул, звук уснул,

Жизнь, движенье разрешились

В сумрак зыбкий, в дальний гул.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Конец недели. Ванна.

Да здравствует мыло душистое,

И полотенце пушистое,

И зубной порошок,

И густой гребешок.

К. Чуковский.

Воспоминание о субботе — последнем дне недели — связано для нас с воспоминаниями об обязательной и неизбежной ванне.

Впрочем, мы, не любившие мыться по кусочкам, с радостью

думали о предстоящем купанье, о горячей воде, о брызгах и веселье.

В Ялте, где наша семья нередко проводила лето, наша ванная комната была небольшая и частью облицованная сосной, отчего дух в ней был приятный и немного смолистый. Во время теплых ванн впечатление душистости еще увеличивалось оттого, что печку, согревавшую воду, топили также сосновыми дровами, легко воспламеняющимися и дающими большой жар. К тому же в воду добавляли сосновый экстракт, придававший ей мягкость, душистость и приятный цвет.

Озонирующую благоуханность этого экстракта можно сравнить только с запахом хорошей лаванды, более знакомой в Западной Европе.

Мы очень любили следить, как экстракт погружался в воду, растворялся в ней и из нее вдруг поднималась живительная струя аромата, и вся вода меняла цвет, принимая флюоресцирующий оттенок.

Но и до этого любил я забежать в ванную комнату, послушать музыку капель только что встроенного душа и всей моей грудью надышаться влажными испарениями воды. Раздевались мы в соседней комнате, затем перебегали в ванную и погружались в теплую воду.

Прошли годы, я познал многие радости жизни, неведомые мне в детстве, но и теперь считаю этот миг погружения в теплую и мягкую воду одним из наибольших моих удовольствий. И такое чувство спокойствия, довольства наполняет меня, такой отдых чувствую я во всем теле, такую ясность в мыслях и мир в сердце, что хочется как можно дольше продлить этот миг отдохновения от всех волнений жизни.

Тогда же, в детстве, очарование это длилось недолго: слишком много было в нас энергии, потребности двигаться, шалить — и мы развлекались и плавающими игрушками, и

губками, и мочалками, и мыльной пеной. Час ванны пролетал, как минута, и мы не хотели выходить из воды, желая продлить удовольствие.

Миша очень любил купаться и шалил в воде не меньше меня. Смуглый и румяный, с веселыми глазами и белыми, яркими зубами, он весь светился милой шаловливостью. Как и я, он очень любил большие, мягкие губки и душистое розовое земляничное мыло или еще глицериновое, прозрачное.

Но оба мы относились с презрением к резиновым губкам, начинавшим входить в обиход. Нам не нравился их запах, мы считали, что такими губками нельзя прикасаться к лицу. Впрочем, и хорошее мыло, которое мы любили, казалось нам не приспособленным для лица, и мы энергично протестовали, когда нам намыливали наши мордочки.

Любили мы очень запах распаренной мочалки, но нисколько не ценили ее прикосновения. Впоследствии, когда я познакомился с настоящей русской баней, этот "мочальный" дух сразу же воскрес в моей памяти; но в бане был целый ряд чудесных благоуханий, которые так близки и родны всем истинно русским людям.

Хорошая, здоровая истома охватывала нас после ванны. Обед проходил быстро и как бы слегка в тумане. Ложились мы покорно, без шалостей и игры, и сон нисходил на нас мгновенно, лишь только наши головы касались подушек. Трудовая неделя на этом для нас заканчивалась.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Утро. Столовая.

В столовой нашей дух был благородно строг,

Как на гербах ее златой единорог...

Утро начиналось для нас в восемь часов, когда нас

поднимали, заставляли умываться и одеваться и затем приводили в столовую к так называемому утреннему кофе. Садились мы впятером: мой брат Миша и я с гувернанткой-француженкой да сестра Ольга, совсем еще крошка, со своей бонной Людмилой Михайловной Тарновской.

Людмила Михайловна, или Мила, как мы ее называли, была верной и давнишней воспитательницей нашей семьи. Она перешла к нам от наших двоюродных братьев Веригиных, которые были значительно старше нас и которых она тоже воспитала. Мы ее очень любили, хотя она нередко ворчала на нас за наши шумные игры; но зато не было более нежной и долготерпеливой сиделки во время наших многочисленных детских болезней.

Столовая была большая и довольно темная, несмотря на широкие застекленные двери, выходившие на чудесную террасу. Вся обстановка столовой была из темного дуба, и большие стулья, которые мы, дети, с трудом сдвигали с места, были обтянуты темной кожей с золотыми гербами на спинках. Вне часов еды в ней стоял особый, строгий, еле уловимый запах кожи и дуба, т.е. почти основы хорошего шипра.

При входе в столовую утром нас охватывал вкуснейший аромат горячего кофе — смесь мокко с ливанским. Его покупала и готовила с особым тщанием и по своей системе наша Мила, не доверявшая в этом прислуге. Вслед за ароматом кофе поднимался ряд других, менее сильных, но не менее приятных запахов.

Кофе наливали нам мало, почти вся чашка наполнялась молоком, но мы очень дорожили этой привилегией — пить кофе, как взрослые, — и были очень огорчены, когда в один «прекрасный» день нам решили давать какао. Оно, впрочем, скоро нам приелось и было отменено.

Итак, наиболее сильным, ярким, все покрывающим утренним запахом являлся аромат горячего кофе, но к нему примешивалось, радовало обоняние и вкус множество других ароматов.

Помню до сих пор запах теплых хрустящих баранок, разрезанных вдоль и намазанных чудным, холодным сливочным маслом. Между двумя половинками баранки можно было положить ветчины, чайной колбасы или красного голландского сыра, нами очень любимого.

Варенье и мед мало интересовали нас утром, но они все же стояли в красивых вазочках на столе и вливали свое дыхание в общий букет ароматов. Серебро, белоснежная скатерть, цветы, безукоризненная чистота во всем. Молитва до и после еды и требование строгой подтянутости создавали серьезное настроение. Мы знали, что надо следить за собой, что нас ждут уроки, что весь наш день пройдет по строго заведенному порядку, распространявшемуся на весь дом. Это давало нам душевное спокойствие, уверенность в том, что все хорошо и что иначе быть не может. И наше сознание крепло, развивалось и росло, не терзаемое никакими сомнениями.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера. Отец.

Янтарь на трубках Цареграда,

Фарфор и бронза на столе

И, чувств изнеженных отрада

Духи в граненом хрустале.

А. С. Пушкин.

Отец был для нас, детей, идеалом мужественности и благородства. Нас смущал его насмешливый взгляд, мы боялись его строгости, считались с его постоянной требовательностью к нам, но тянулись к нему всей душой и так радовались всякому его одобрению.

Мы любили в нем все: манеры, голос, осанку, запах его вещей и все то неуловимое, что создает единственный и неповторимый облик человека. Избалованный жизнью и, главное, разнообразием дарований, которыми природа его одарила, отец расточал их, не

считаясь ни с чем.

Царскосельский гусар и помещик, родившийся в Италии и проведший все детство во Франции, он соединял в себе черты Запада и Востока и, постоянно читая, а может быть, и думая по-французски, оставался в же время настоящим русским барином.

Блондин с правильными чертами удлиненного лица, с голубыми глазами, светлыми усами и бородкой а-ля Генрих IV, он был типичным северянином.

В его манере держаться и носить штатское платье всегда чувствовалась гвардейская выправка: сдержанная, элегантная подтянутость в сочетании со строжайшей внимательностью по отношению к окружающим.

Отец занимал три комнаты в нижнем этаже нашего ялтинского дома, и железная винтовая лестница соединяла наши две квартиры в одну. По утрам и вечерам спускались мы с братом здороваться или прощаться с отцом, и достаточно было пробежать по последним ступенькам и открыть дверь в столовую отца, как совсем иная атмосфера охватывала нас.

От кустов за окнами свет падал мягче, комната казалась темнее, воздух — ароматнее.

В спальне отца — в темных тяжелых шторах, в мягком ковре, в бархате кресел, в волчьей шкуре около кровати — был разлит и запечатлен аромат тонкого табака, дорогих сигар, вежетали от Пино и "Idйal" от Убигана да еще личный запах отца — его здорового молодого тела; и было что-то тонкое, хорошее и немного прямолинейное в этом сложном букете ароматов.

С тех пор прошло более сорока лет, но и по сей день с необыкновенной яркостью я чувствую этот запах и вижу спальню и в ней любимого отца.

И странно запомнилось на туалетном столе среди массивного хрусталя с гербами лиловое пятно маленького матерчатого футляра с белой костяной застежкой. Это "Idйal" от Убигана. Душился отец очень мало, но, так как он обладал на редкость тонко развитым обонянием, выбор его был безукоризненным. В начале нашего столетия "Idйal" был величайшим достижением в области ароматического искусства.

Созданные гениальным Парке, парфюмером Дома "Убиган", эти духи открыли новые горизонты и показали возможность полной гармонии между синтетическими и натуральными душистостями...

Рядом со спальней находился кабинет отца. Шкафы, полные книг, большей частью в старинных кожаных переплетах, темно-красные шторы, мягкая мебель, толстый ковер во всю комнату, картины, гравюры, фотографии по стенам, бронза на столах и на бюро и цветы, заглядывающие в окна из сада.

И аромат этой комнаты был более сложным. Запах шкафов из ценных пород дерева, кожаных переплетов книг, пергамента и бумаги, множество охотничьих принадлежностей — все это создавало мускусный аромат с тончайшим благородным оттенком юфти.

Ко всем этим запахам память прибавляет еще запах горячего черного кофе с коньяком "Мартель", который отец пил по вечерам. Очень часто на прощание мы получали от него вкусный canard — кусочек сахара, опущенный на секунду в его чашку кофе, который мы особенно любили. Мише и мне казалось, что этот кусочек взрослил нас на многие годы, вдохновлял на необычайные геройства, приближал чуть ли не к поступлению в любимый лейб-гусарский Его Величества полк...

Простившись с отцом и матерью, мы поднимались к себе, но долго еще, засыпая в своих постельках, чувствовали запах отцовской сигары, слышали его голос, чувствовали его взгляд...

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера. Мать. Брат. Сестра.

И время тихо, тихо шло,

Дни развивались и сливались,

И все, чего мы ни касались,

Благоухало и цвело.

М. Волошин.

К матери мы относились с очень большой любовью. И повседневной жизни она казалась нам близкой, простой и доступной, но все менялось, как только она начинала петь: тогда она казалась вышедшей из другого, высшего мира, в который нам доступа не было. Полная огня и любящая жизнь, мать была соединением двух стихий: огня и земли, и вся жизнь ее протекала под этими знаками.

Родилась она в ночь под Рождество, и судьба богато одарила ее, дав ей в первой половине жизни и красоту, и голос, и славу, и счастье... Когда же пришло раннее горе вдовства, в ее душе нашлось достаточно силы и крепости, чтобы нести свое горе, не изменяя им себе, ни памяти мужа, и посвятить всю себя нам - его детям...

Мать обладала изумительным здоровьем и всегда была полна кипучей энергии и стремительности и лишь в денежных вопросах проявляла медлительность и осторожность.

К людям относилась она как-то благожелательно-недоверчиво, но избранные ею друзья оставались верны ей на всю жизнь.

Сдержанные и строгие манеры не были в состоянии скрыть огня, наполнявшего все ее существо, и первая же улыбка выдавала ее. И столько в ней было шарма и притягательности, что раз видевшие ее, особенно во время пения, нередко запоминали

навсегда.

Новшеств мать не любила и в домашнем быту поддерживала порядок и обычаи, заведенные отцом. Только прислуги после его смерти стало немного меньше да автомобиль был отменен. Дом был построен хорошо, и занимали мы в нем два этажа, всего четырнадцать комнат. Расположение их было удобное; неперегруженность людьми, чистота и доброкачественность во всем: цветы, обилие воздуха и света — все создавало радостные условия для жизни. Кухня находилась далеко внизу, отчего никакие запахи из нее не могли проникать к нам и портить атмосферу дома. Окна были очень большие, двойные, пропускающие огромное количество света; зимой же они предохраняли нас от холода.

Множество цветов наполняли вазы и первыми встречали своим ароматом посетителей... Фиалки, ландыши, гиацинты, сирень, розы, глицинии, магнолии, акация, жасмин, гвоздики и целый ряд других цветов крымской флоры в зависимости от сезона украшали наши комнаты и чаровали нас... Только резеда и гелиотроп, особенно любимые матерью за их запах, редко появлялись у нас. Морской климат Ялты, видимо, не подходил им, и садовнику никак не удавалось вырастить их в нашем саду. Только позже, в Орловской губернии, пришлось мне вполне насладиться удивительным богатством и тонкостью их аромата.

Относилась мать к цветам бережно, но без большой любви. Я никогда не чувствовал в ней истинного их знатока и любителя, каким была ее сестра — тетя Леля.

И память о матери не связана у меня ни с каким ароматом.

Душилась она не менее других, но никогда не оставалась долго верна одним и тем же духам, не привязывалась к ним. В выборе их она доверяла сперва мужу, потом сестре, которая любила пробовать на ней интересные новинки сезона.

Среди множества духов, которыми она пользовалась,

вспоминается веселый флакон "Vera Violetta" от Роже и Галле и рядом с ним элегантный "Astris" от Пивера, за ним "Coeur de Jeannette", "Rose de France" и позднее "Quelques Fleurs" от Убигана, "Origan", "Rose Jacqueminot", "Jasmin de Corse" от Коти, "Rue de la Paix" от Герлена и некоторые английские духи, названия которых я не помню.

К материнским духам, стоящим на туалете из красного дерева среди различных хрустальных коробочек с серебряными крышечками, нам строго запрещалось прикасаться; но мы очень ценили, если нас допускали на последнюю часть ее одевания перед вечерним выходом. Миг выбора драгоценностей, и наконец долгожданный акт надушения платья, меха, рук, прически и шеи за мочкой уха. И столько шарма, женственности и очарования во всех движениях матери, что, полные тихого восторга, мы не сводили с нее глаз.

Но вот появляется огромная черная шляпа со страусовым белым пером, мать крестится и целует нас, давая последние наставления, и экипаж уносит ее.

Мать очень любила нас троих, но в ласках была сдержанна...

Константин Веригин (на первом плане) с братом Михаилом и сестрой Ольгой (Ялта, 1908).

Главным любимцем ее был мой брат Михаил — Миша, — всего более на нее похожий и лицом и способностями. Та же смуглость кожи, тот же овал лица, та же белизна зубов, те же темные улыбающиеся глаза. Он единственный унаследовал голос,

музыкальность и крепкое здоровье матери. Но и от отца взял он многое: лихость, насмешливость, остроумие, тонкое обоняние. Так, всякий дурной запах замечался им немедленно и вызывал его осуждение и насмешку. Он любил охоту, рыбную ловлю, автомобиль, деревенскую жизнь; науки же и чтение мало его интересовали.

Море притягивало его, и он мечтал, подобно деду, К. М. Веригину, стать моряком. Друзей у него было сравнительно мало. К людям он относился с осторожностью, но в гимназии и среди хорошо знавших его людей был популярен. Домашний быт он очень любил и мог часами развлекаться один в саду или в доме. Обладая верным и красивым голосом, он часто и много пел, особенно когда бывал весел. Так, получив в гимназии хорошие отметки, он почти всегда возвращался через парадный вход и еще с лестницы начинал громко петь; получив же скверные баллы, тихонько поднимался по черной лестнице и проходил прямо к себе. Играм, баталиям, дружбе он отдавался целиком и был верен им до конца...

Сестра Ольга была самой младшей из нас. Между мной, старшим, и ею было почти пять лет разницы. Она была милым существом, толстеньким и мягеньким; добродушная и уступчивая при малейшем проявлении ласки, она становилась угрюмой и надутой, как только замечала недоброжелательность и зло. Обладая незаурядными способностями и удивительной памятью, она училась с легкостью необыкновенной. К пяти годам она как-то сама выучилась и читать, и писать, а музыкальность в восприятии слов и рифмованной речи была у нее развита необычайно. Здоровье же ее всегда было слабым, особенно много болела она в раннем детстве, и тогда главной ее радостью и развлечением были цветы.

Как сейчас помню ее в беленькой постельке под пушистым розовым одеялом. Рядом с ее головкой стоит венский стул; на постели лежат подснежники и фиалки, и она часами втыкает цветы в дырочки плетеного сиденья. Надо было видеть, с какой нежностью, серьезностью, вниманием, похожим на священнодействие, подыскивала она разные композиции, выбирала и составляла их, вся отдаваясь этому занятию.

С годами эта любовь к цветам усилилась еще больше и перешла постепенно в светлый культ. Цветы стали для нее столь же необходимы, как законченность мысли в стихах, как прекрасная книга, как дети - самое полное откровение жизни. Ольга, подобно тете Леле Нечаевой, умела обращаться с цветами, чувствовать, понимать их...

И цветы в ее вазах долго сохраняли свежесть и яркость красок. Составленные ею букеты всегда столь же радовали взгляд, сколь были близки уму и сердцу. Каждый отдельный цветок занимал свое место, выделялся, не сливаясь с общей массой.

Цельность букета в вазе достигалась не красочной компактностью, а гармоничным соотношением отдельных цветов и веток. И в зависимости от выбранных цветов букет выражал совсем разные настроения: то легкость и яркость взлета, то нежное смирение полевых цветений, то вдумчивую холодность линий, то гордое великолепие красок... Но от всех этих букетов, как и от ее стихов, всегда веяло очарованием женственности. Рано понявшая, что жизнь полна поэзии и что сказка не бред, Ольга навсегда осталась верна чудесному и сумела воплотить его в своей жизни.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Тетя Леля. Двоюродные братья.

Но прежним тайным обаяньем

От них повеяло опять...

А. Фет.

Нечаевы были нашими двоюродными братьями по матери, четвероюродными по отцу, и все детство наше тесно связано с ними. До второго замужества моей тетки (она вышла замуж за Новосильцева) мы постоянно проживали вместе то в одном, то в другом имении. С нежностью вспоминаю я нашу славную семерку: четверо Нечаевых, трое нас. Я был самым старшим, за мной следовала моя двоюродная сестра Зина. С ней связаны мои первые шаги, первые речи, мечты, проказы, и не было у меня

лучшего друга, чем она.

После повторного брака тети Лели совместная жизнь прекратилась, но дружба между нами, детьми, еще более усилилась.

Поездки к ним на дачу в те месяцы, когда они бывали в Ялте, были нашим самым большим удовольствием. И наш дом, наши четырнадцать комнат казались нам такими маленькими и незначительными, когда мы сравнивали их с особняком тети.

Правда, это был один из самых больших и лучших домов Ялты и по постройке, и по внутреннему убранству: вся обстановка его была достойна музея. Но не это привлекало нас, а его такой родной и любимый нами дух. Он чувствовался всюду: и в вестибюле, и в детской, и в гостиных... И если каждому дому присущ свой особый запах (дух), то особенно характерен он для обширных и богатых особняков, построенных из хорошего материала, устланных ценным паркетом, убранных дорогими коврами, старинной мебелью и живущих красивой, барской жизнью.

Ездили мы к ним обычно в экипаже, реже в автомобиле, и нетерпение охватывало нас уже издали. На последней же ведущей к ним улице — Барятинской — мы уже не могли спокойно сидеть и ерзали на сиденьях. Но вот широкая аллея, посыпанная песком, по которой лошади бегут особенно весело. Вот просторный вестибюль с флердоранжевыми деревьями в зеленых кадках и рыцарями в тяжелых латах; и сразу запах приятной свежести летом и душистого тепла зимой охватывал нас. Всей гурьбой неслись мы по белой мраморной лестнице в большую светлую детскую, и до самого отъезда жизнь здесь била ключом. Однако как ни дороги были нам наши кузены и кузины — Зина, Андрей, Борис и Олег, — но светлой феей их дома была сама тетя Леля.

С ней, с ее теплой душистостью связаны мои первые шаги и игры; к ней прибегал я потом с моими мечтами и планами. Из всех взрослых только ей считал я возможным довериться, и она встречала меня неизменно ласково, понимала мои желания,

умиряла огорчения и неудачи...

Хрупкая и женственная, она воплощала в себе необычайное очарование; сдержанная красота вещей и строгий уклад жизни, окружавшие ее, как-то еще больше подчеркивали и оттеняли ее шарм. Врожденный вкус ее был безукоризненным, и, обладая крупными средствами, она легко могла осуществлять большую часть своих желаний.

Только с ней да еще с моим отцом любил я ездить по магазинам и видеть, как быстро, верно и элегантно они умели выбирать и покупать лучшее по замыслу и качеству.

Тетя Леля в те далекие времена была всегда полна милого задора, веселости, юмора, и добрая улыбка не сходила с ее лица.

Одной из главных ее страстей были цветы, а потому и дом и сад утопали в них. И в том, как она их выбирала и срезала, чувствовались настоящий культ и понимание, полные неизъяснимого шарма.

Чайные розы, темно-синие фиалки, ландыши были ее любимыми цветами за их тонкий аромат. Любила она также анютины глазки, и клумбы в садах были обсажены ими. Сад же и парк их орловского имения утопали в сирени и ландышах, несущих совсем иной, северный аромат. В конце апреля — начале мая ландышей было столько, что все многочисленные вазы и сосуды в доме были наполнены ими.

С этими именно ландышами попытался я сделать в 1915 году мой первый экстракт, закончившийся неудачей.

Таким образом, мои первые шаги и в жизни и в ароматическом искусстве связаны с тетей Лелей. Обоняние у нее было развито удивительно. Душилась она сама мало, но знала почти все лучшие духи своего времени; и все они перебывали на ее туалетном столике. Обонятельная память ее была

поразительна, и теперь, несмотря на обширные знакомства, я не знаю дам, равных ей в этой области.

У нее в будуаре, среди граненых хрусталей туалетного несессера, познал я впервые очарование душистых смесей. Здесь все можно было трогать, открывать, нюхать, всем можно было душиться и даже в небольшом количестве разрешалось смешивать, что доставляло мне огромную радость.

Запах с раннего детства волновал и притягивал меня, и здесь, в будуаре тети, приблизительно с семилетнего возраста я твердо решил, что сам буду творить духи.

Так в мечте был заложен тот фундамент здания, которое Провидение и моя настойчивость завершили двадцать лет спустя.

Для удачной жизни детство должно быть овеяно светлой и доброй феей, и такой светлой феей в моей судьбе была именно тетя Леля.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Осень.

Чувствую, что осень скоро будет,

Солнечные кончатся труды,

И от древа духа снимут люди

Золотые, зрелые плоды.

Н. Гумилев.

Конец августа. Начало сентября. Дни ранней осени. Убраны хлеба на полях. Паутинки носятся в воздухе. Деревья, кусты, травы светятся золотом, и желтые, засыхающие листья шуршат под ногами...

А в залах, в коридорах, на лестницах всех школ Российской империи снова видны оживленные лица детей, снова слышится гул шагов и разговоры, снова открываются классы и начинается учебный год. Лето кончено. Солнечная медовость летних ароматов заменена запахами осенне-землистыми. Горечь и прелость пробиваются с каждым днем все больше и больше, но воздух полон живительной влаги, вдохновляющей и бодрящей, призывающей к действию и работе. Эфирность весенней влажности, оживляющая землю и пробуждающая к жизни растения, вдохновляет и пробуждает людей. Множество новых замыслов, чувств и проектов зарождается в душе весной, но большинство из них вспыхивает и гаснет, обрывается на красивой ноте и смелой мысли, а желания сменяются желаниями, сжигая самих себя.

Осенью мир растений замирает, засыпает, и вся его энергия передается человеку. Часто задуманное весной творится осенью, начатое осенью обычно доводится до конца. Не оттого ли и начало учебного года, как и начало года церковного, совпадает с первыми осенними днями...

Для нас, детей, конец августа был полон новых впечатлений. Магазины, подарки, школа, встречи — все радовало и развлекало. Мы любили запахи новых вещей, и теперь, вспоминая мои детские резинки, карандаши, перышки, тетради и книги, я не только вижу их форму и цвет, не только помню их твердость под руками, но и ясно чувствую все запахи, которые исходили от них.

Помню маленький магазин в Ялте, у самой набережной. Чуть отворишь дверь — и сразу густой запах новых тетрадей и только что отпечатанных книг охватит тебя. Запах, слегка напоминающий амбру или, вернее, лауданум в его хорошей выделке; и когда, много лет спустя, работая у Шанель, я встретился впервые с запахом лауданума, я вдруг почувствовал себя перенесенным в мои детские годы, в маленький писчебумажный магазин, где приветливый хозяин никогда не забывал класть между листьями каждой купленной тетради яркие, выпуклые, вырезанные изображения цветов и животных.

А как любили мы запах резинок с изображением слона; и

запахи карандашей и вставочек, которые как-то невольно попадали на зуб в минуты, когда задача оказывалась слишком трудной или не давался латинский перевод!.. Помнится, мы особенно ценили карандаши из кедрового дерева, пахнувшие четко и приятно.

Помню едкий химический дух ученических чернил, так привлекавших нас своим густым зеленым блеском. Помню новые перышки, их металлический вкус и запах, холодящий ноздри. А клеевые ароматы книг и тетрадей давали нам ощущение чего-то интенсивного, жизненного, толкали к действию, заставляли работать.

Первый учебный день. Раннее утро. Свежесть. Запахи новой кожи ранца и пояса. Встреча с детьми нашего возраста, такими же веселыми, задорными, свежими, как и мы. Как часто первое впечатление, первые симпатии и дружба оказывались верными на протяжении всей жизни. Что может быть лучше этих ясных дружб далекого детства!

Но вот мы входим в само здание гимназии. Шум и шутки затихают, фигурки учеников подтягиваются, на лицах появляется вдумчивое и серьезное выражение. Мы сознаем свою ответственность. И более строгие запахи окружают нас. За летние месяцы гимназию красили заново, чистили, натирали полы. Все светилось, горело, блестело и пахло чистотой, красками, воском; вспоминались белая медуница, пасеки на опушке леса, солнечные дни.

В большом, главном зале все классы выстраивались на молитву. Впереди, в синих мундирах, директор, инспектор и весь учебный персонал. Стройное пение. Тонкие струйки ладана, способствующие сосредоточенности и приподнятости настроения. Благословение священника. Краткая, четкая, ясная речь директора. И мы выходим в широкие коридоры, идем в предназначенные нам классы. Замечаешь дорогу, оглядываешь стены, а в сердце радостное сознание, что ты справился с работой, не остался на второй год.

Все наши классы были веселые, светлые, большие, и пахло в них так славно: и деревом парт, и бумагой книг и тетрадей, и натертым до блеска паркетом, и даже черной доской и кусочками белого мела.

И во всех классах дети жили весело и интересно, но особенно милы были крошечные приготовишки, неподражаемо важные и гордые сознанием того, что и они — гимназисты славной ялтинской Александровской гимназии. Весело было глядеть на них, слушать их разговоры, чувствовать их вкусный, совсем еще детский запах...

Увы, не от всех наших преподавателей пахло так приятно. У некоторых одежда казалась пропитанной табаком и каким-то нехорошим духом, нередко присущим людям лет сорока.

Думается, что подобные запахи, несущие в себе гнилость болезни или психического разложения являются опасными для окружающих, и особенно для молодежи, и на это следовало бы обратить серьезное внимание...

Волосы наши подстрижены коротко, особенно младших классах, так как всякие падающие пряди, вихры и кудри были строго запрещены. Любили мы запах фрикциона и отмечали его тотчас на головках товарищей; и наши детские вкусы были очень правильны. Так, мы любили всего более в те детские годы тот еле заметный, тонкий аромат, который оставался на волосах от одеколона от Роже и Галле, или от "Violette des Bois" от Пино, или еще от вежетали Санкт-Петербургского химического общества.

Все эти жидкости были составлены из душистостей мира растительного, натурального, с самым незначительным процентом химических ароматов.

Хороший одеколон сделать нелегко, так как он должен вызывать чувство свежести, воздушности и чистоты, а не впечатление душистости дешевой и назойливой.

В настоящее время от одеколона все больше требуют многочасовой крепости, забывая, что для этого существуют лосьоны, туалетные воды и, наконец, духи. Цель же одеколона совсем иная: освежить, разрушить дурные запахи, задержаться в еле заметной, тончайшей ароматичности. Настоящий одеколон этим требованиям полностью отвечает, так как он состоит из натуральных эссенций, обладающих и приятной свежестью, и могучей силой дезинфекции. И если с 1806 года одеколон "Jean-Marie Farina" от Роже и Галле пользуется таким успехом, то это именно потому, что он особенно хорошо отвечает этим требованиям, не претендуя ни на что другое.

В счастливые годы юности нам были понятны лишь ароматы молодости, свежести, чистоты и здоровья. Ко всему же иному мы относились с недоверием и сдержанностью, и в этом мы были правы.

Так, и к старшим мы обычно подходили и с обонятельной точки зрения, и как часто дети замечают хорошие и дурные запахи людей. Старшие не знают этого и не понимают, почему дети избегают некоторых знакомых, чуждаются их, считают нехорошими...

В ученье, забавах и беседах дни и недели проходили необычайно быстро.

Всего более любили мы большую перемену с ее завтраком и играми. Завтракали мы в большой столовой, вблизи кухни, откуда так вкусно и соблазнительно пахло. Запахи были все простые, знакомые, но от них удивительно разыгрывался наш молодой аппетит. И как весело играть на свежем осеннем воздухе после этого легкого завтрака!

На крымском побережье ветер пронизан ароматом моря, сосен, елей, кипариса и лавра. В этом букете было еще немало летней солнечности; он был менее пропитан духом земли и увядания, чем воздух северной осени.

Помню эти осенние запахи в Симбирской губернии. Мне шел тогда восьмой год, и отец решил, что настала пора приучить меня к прелестям охоты. Я получил высокие сапожки, маленькое, но настоящее ружье, ягдташ и стал сопровождать отца. В начале не было предела моей радости. Я чувствовал себя настоящим охотником и гордился этим. Все радовало меня: и длительные приготовления, и прогулки по осеннему лесу, и шорох листьев под ногами, и золото и янтарь деревьев, и запахи, глубокие и бодрящие, и прозрачные ветки на фоне синего неба. Хруст сучьев, падение листка или желудя особенно слышны в тишине леса. Легко дышится. Идешь окрыленным. Чувствуешь себя пропитанным воздухом. Сливаешься с ним. От каждого шага из-под ног поднимаются ароматы земли. Словно силы свои отдает она тебе, словно самую глубину свою тебе открывает. Это не окрыленная свежесть первых весенних дуновений с их воздушностью, освобожденностью, неясностью. Запахи осени почти осязаемы: прель, сырость, капли неиспарившейся росы, что сверкают на листьях и траве крупными бриллиантами, мох, мягкий и бархатный; даже и в аромате своем они являются лишь фоном, низкими тонами еще более яркой и сильной благоуханности осенних деревьев.

Помню особенно ярко запах дуба, его влажной коры, листьев... И вдруг все пронизывается ароматом грибным, полным, родным и могучим. Почему русский человек так любит грибы? Что они говорят его сердцу?.. Но вот и опушка. Выстрел. Тяжесть падения... Я добежал до дерева раньше собаки и заслонил собой жертву. На траве, смертельно раненная выстрелом отца, лежала красивая большая птица — тетерев. Грудь ее тяжело вздымалась; глаза, полные страдания и укора, то открывались, то задергивались пленкой. Она умирала.

Беспомощно стоял я перед ней. Было жаль ее. Стыдно за себя, за отца, за всех людей. Ужас застыл в глазах птицы, а вокруг было так тихо, спокойно, ясно. Я впервые почувствовал грех, страдание и смерть. Памятным остался мне этот день моей жизни к сыграл в ней решающую роль...

На обратном пути весь мой ягдташ оказался заполненным лишь одной этой птицей, и благоухания леса перестали

существовать для меня: я чувствовал лишь острый запах пороха и дичи...

Чем-то тонко хмельным, слегка звериным дышит начало осени, и после летней сладкой, медвяной истомы это чувствуется особенно ярко. Пахнет земля. Без предела отдавала она себя и весной и летом: растила, поила, истощала свои соки, но не истощились они, не уменьшились, и весь преизбыток их, все силы свои вкладывает она теперь, перед зимним отдыхом, в осенние мощные ароматы. Оттого-то хмельной дух ее так полон вдохновляющих сил, оттого-то и работается осенью так легко и радостно. Для поэтов, артистов, художников осень — благоприятная пора. Она вдохновляет своей золотой красотой, утишает своей тихостью, дает художнику и желание и силу запечатлеть красоту, им пережитую. Может быть, в будущем человечество поймет силу осенних ароматов и сумеет использовать их. Пока же одна парфюмерия заметила и поняла их ценность. В искусстве аромата одним из самых талантливых выразителей осенних душистостей стал Андре Фресс, знаменитый парфюмер Дома "Ланвен". Он удивительным образом сумел уловить и передать в своих лучших духах неизъяснимую прелесть осенней благоуханности. Благоуханности тех осенних дней, когда вся природа как зачарованная и в то же время дышится так легко и радостно. Дней, о которых так хорошо сказал Тютчев:

Есть в осени первоначальной

Короткая, но дивная пора:

Весь день стоит, как бы хрустальный,

И лучезарны вечера.

Эта же хрустальность, живительная и светлая, веет в духах "Arpige", "Scandale" и "Rumeur" от Ланвена. И оригинальность их душистости, даже в "цветочных моментах", необычайно приятна благоуханной тонкостью своей сладости при полном отсутствии приторности, и чувствуется в них благородная сухость ясного солнечного осеннего дня.

И нравятся эти духи не только женщинам, всегда более неожиданным, более широким в своих вкусах, но и многим мужчинам. И на этом зиждится одна из причин их огромного и все возрастающего успеха.

Все "Peau d'Espagne" прошлого века и "Cuir de Russie" нашего столетия следует также отнести к циклу осенних душистостей. Так, от "Cuir de Russie" от Шанель хотя и веет сперва почти весенней свежестью, но аромат этот быстро переходит к иным нотам и останавливается, стабилизируется на них. И они вызывают в нас видения осеннего леса, осенних красок, осенних чувств.

Еще более поздней, багряной осенью дышит "Bandit" от Пиго, пленяя дерзостным и могучим ароматом, как бы преисполненным радостей охоты.

Властвует осень и в духах с оттенком папоротника, где дышат травы и земля, пахнет лесом. Так, "Fougire Royale" от Убигана, созданные Парке, удивительным образом подчеркивает силу и мужественность осенних благоуханностей, отбрасывая всю недавнюю прелесть медовых цветочностей, женственную сладость, столь присущую летним ароматам.

К осени отношу я и все лавандовые воды, и в первую очередь прославленную на весь мир "Old English Lavender" от Ядли, в которой за первым взлетом крепчайшей свежести немедленно выступает осенняя светлая строгость.

Богатая гамма шипровых аккордов также ярко проникнута благоуханностями лесными, земными и осенними, но кроются в них и иные порывы, иная атмосфера. И уют пылающего камина, и прелесть зимы, и радость рождественских праздников и елки...

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Рождество. Елка.

И, открыв сокровища свои,

принесли Ему дары: золото,

ладан и смирну.

Евангелие от Матфея.

С первыми прохладными днями, поздними рассветами и длинными вечерами начинался и рождественский пост; в нашей семье его не соблюдали так строго, как пасхальный, и жизнь продолжала течь тихо и спокойно, тем же заведенным порядком. Однако это спокойствие являлось только наружным, на самом же деле с первых же дней декабря мы, дети, жили в постоянном ожидании чуда, чего-то неизвестного и такого прекрасного, что и говорить об этом можно было только шепотом.

И чем ближе подходило двадцать пятое декабря, тем больше мы задумывались, волновались и мечтали. Витрины магазинов и разговоры о них во время длинных-длинных зимних вечеров в нашей белой детской при мягком свете большой спиртовой лампы еще более способствовали этому напряженному ожиданию. Мы вступали в особый сказочный мир, хотя и переживали его по-разному. Одни мечтали о сказочном великолепии и исполнении всех своих желаний; другие таили от самих себя самые заветные желания, чтобы не сглазить их, чтобы они не засиживались в их головках, а пришли бы на ум тем, от которых зависело это счастье. Практичный брат делал какие-то фантастические расчеты; маленькая сестра ожидала, что все серое и скучное загорится ослепительным блеском и что все камешки сада превратятся в прекрасных принцев и красивых принцесс. Мы вступали в сказочный мир. Засыпая, во всех углах темной детской мы видели яркие елки, а сами сны были полны фантастических образов и чудных подарков.

Мне и теперь кажется, что декабрь является тем месяцем года, когда добрые феи сходят на землю и вмешиваются в жизнь людей. В детстве же праздник Рождества и волшебная елка подтверждали нам правду сказок, чудес, преображения мира — всего того богатства, понятного детям и святым, без которого жизнь людей была бы серой пустыней.

Из года в год с одинаковой яркостью переживали мы радость Рождества и сознание того, что в эти дни праздника, а может быть, и во весь этот месяц границы между взрослыми и малыми ребятами стираются, что они начинают понимать друг друга, радоваться общими радостями, ожидать общего счастья. Вокруг елки с такой ясностью ощущается это взаимное понимание, любовь и мир, эта тихая радость в сердцах, о которой поют Ангелы в Рождественскую ночь: *"Слава в Вышних Богу и на земле мир..."*

У нас в семье елку обдумывал, подготовлял и устраивал отец, и ему помогали в этом только очень нами любимая горничная Зина да верный лакей Климентий, умевшие оба молчать и не выдавать никаких тайн будущих наших восторгов. Потому-то для всех членов семьи и для всех вообще домочадцев елочные подарки становились настоящим сюрпризом.

Устраивали елку всегда на половине отца, находившейся на другом, нижнем этаже, совсем отдельном от всех помещений, и устраивалась она в первый день Рождества. Обставлено это было весело, но слегка торжественно, так как, кроме общего праздника, в этот же день праздновался и день рождения матери.

Приглашенные начинали обычно съезжаться к пяти часам вечера, и ровно в шесть по крутой винтовой лестнице все спускались на половину отца. Впереди, вприпрыжку, бежали дети, за ними, более спокойно, шла молодежь, а взрослые замыкали шествие.

Высокая елка до самого потолка освещала всю комнату сотнями свечей. Долгожданная сказка становилась прекрасной реальностью, но реальностью мира волшебного и чудесного. Вся елка была убрана гирляндами блестящих цепей, прелестными картонными игрушками, забавными зверюшками, блестящими карликами и дедами-морозами, прихотливыми домиками, бонбоньерками, хлопушками, золочеными орехами, фруктами и всякими безделушками. Все это благоухало и заливало присутствующих волнами тончайших ароматов и запахов.

Из старинной музыкальной шкатулки с металлическими пластинками доносились громкие, веселые мотивы.

В первые минуты от восторга мы ничего не могли разглядеть — все сливалось в общем блеске и свете. Мы стояли не двигаясь, без мысли и почти без дыхания, но постепенно первое оцепенение проходило, детали становились видны, появлялись желания, возвращался дар речи, только восторг оставался таким же возвышенным...

В те благодатные времена еще искали качества и красоты вещей, не думая о расходах, и, так как вкус отца был безукоризненным, елка выходила на славу. Все было красиво и интересно. Всякая конфета, шоколад, наполнявший бонбоньерки, всякий пряник, всякая пастилка — все было вкусно и тонко оформлено. И пахло так необыкновенно хорошо! Казалось, что в этой комнате вокруг темно-зеленой, разукрашенной елки сосредоточились все самые любимые нами ароматы и запахи, так как рождественская елка является одним из самых полных, законченных и удивительных ароматов, найденных человеком. Уже дерево само по себе полно живительного и исцеляющего запаха. А тут еще его переносят в сухую и теплую комнату и согревают свечами. Одна только елка из всех наших европейских деревьев может дать столь легко и быстро такую благоуханность. И душистость елки успешно способствует развитию всех других ароматов, соприкасающихся с ней. Особенно крепко пахнут мандарины, апельсины и крымские яблочки, создавая троичность одеколонного характера, душистую и свежую, так ярко дополняющую озонирующую бальзамичность самой елки.

К этим природным благоуханиям примешиваются вкусовые запахи грецких орехов, изюма, медовых пряников и пряников мятных, фруктовой пастилы и мармелада, конфет, шоколада и леденцов... Запахи яркие, знакомые, напоминающие о солнце и деревне и сливающиеся в легкий медовый аккорд летней поры.

Запах горящих или только что потушенных свечей усиливал это впечатление, подчеркивал его и выявлял, подобно могучему действию альдегидов в хороших духах. И ко всему этому примешивался запах елочных картонных игрушек, клея и красок;

он казался несколько звериным, тяжелым, амбровым. Но и этот амбровый дух говорил о жарком летнем дне в деревне, об изобилии плодов, о смоле, сочащейся по стволу и замирающей прозрачными каплями, об истоме самого воздуха, то неподвижного и застывшего, то разливающегося душистыми волнами.

Лопались пороховые ленточки в хлопушках, разливался яркий и терпкий запах пороха, и становилось еще веселее. Женственный аромат елки на мгновение покрывался началом мужским — почти что мускусным. От этого смешения диапазон елочной благоуханности еще более расширялся, обострялся и поднимался, а с ним вместе поднималось и общее настроение.

Но еще веселее, еще радостнее становилось, когда вокруг елки зажигали фейерверочные палочки и они превращали все дерево в яркую, сияющую и дробящую свет звезду. Казалось, что звук, цвет, вкус, аромат — все достигало сказочного совершенства. Хотелось остановить время, не упускать его, и точно, время останавливалось, так как эти минуты не стерлись из нашей памяти, мы сумели пронести их с собой через всю нашу жизнь.

Прошли годы. Я посвятил себя парфюмерии, и вот тут-то, изучая шипровые ноты духов, я был и удивлен и обрадован, открыв в них почти полностью всю ароматическую гамму рождественской елки. Особенно ярко и характерно выразилась она в знаменитых духах этой ноты, а именно в "Chypre" от Коти, "Mitsouko" от Герлена, "Crkpe de Chine" от Мийо, "Fruit Vert" от Флореля и в "Rumeur" от Ланвена. Во всех них замечательно ярко передана шипровая светящаяся и теплая душистость, такая знакомая нам от рождественских праздников.

Закроешь глаза и, как в детстве на елке, чувствуешь запах леса летней порой, душистость елей и сосен, бальзам стекающей смолы, крепкий аромат дуба, прель мха и грибов под вянущими листьями, влажную пряность трав и земли, яркое дыхание земляники; видится тропка, по которой только что пробежал дикий зверь, оставляя за собой мускусный ветерок; мерещится душистая опушка леса, утопающая в ковре полевых цветов.

И все это кажется новым, хотя и известным с раннего детства. Все это радует и живет, и всему этому мы причастны всем нашим бытием, нашей связью с землей, растениями и животным миром.

Хотя в шипровую ноту духов входит множество заморских ароматов, как-то: пачули, ветивер, сантал, мирра, мускус, цибет, иланг-иланг, перец, гвоздика и еще многие другие, — однако в конечном счете получается тонкая и светлая благоуханность чисто европейского типа. Только по-разному разрабатывали ее парфюмеры — создатели вышеназванных духов. Так, на тончайшей цибетово-амбровой базе, пронизанной солнцем и жасмином, основан гениальный "Chypre" от Коти; фруктовой

свежестью и пряностью дышит знаменитые "Mitsouko" от Герлена; аккордом ценных пород деревьев в букете роз и гвоздик является "Crkpe de Chine" от Мийо; звонкая крепость альдегидов и ландыша на фоне лесных ароматов различается в "Fruit Vert" от Флореля, и, наконец, в "Rumeur" от Ланвена сильный фруктовый аккорд выдается на могучем душисто-зверином фоне.

Однако, несмотря на все эти характерные различия, все эти духи одинаково четко и тонко усиливают солнечную прелесть женственности.

Вдыхая их, мы чувствуем тепло и видим свет, словно сидим у пылающего камина, словно душистость елки переносит нас снова в мир чудесной мечты...

И шипровый аккорд является благоуханностью зимнего толка. Зимней порой он достигает своего совершенства.

Как хорош он в мехе, у самого лица, согретого живым теплом! Мех и экзальтирует аромат, и удерживает его дольше тела, материи и даже волос; внутренняя же теплота человека, его дыхание развивают и распространяют волну задержанных в мехе духов. И, когда попадаешь зимой в волну шипрового аромата, забывается серость больших городов, видится солнечная, светлая радость...

Прославим же с благодарностью тех, кто силой своего таланта переносит нас в мир света, радости и сказки, подтверждая слова поэта:

Не помнил я, но в чудные виденья

Был запахом его я погружен;

Так превращало мне воображенье

В волшебный мир наш скучный серый дом...

А. К. Толстой.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Весна. Пасха.

Пришла она, желанная,

Пришла, благоуханная,

Из света дня сотканная

Волшебница весна!

К. Фофанов.

Весна всегда и радовала и восхищала человека. Ни одно время года не воспевалось столькими поэтами, не волновало стольких людей. Но в дружной северной весне, в полном преображении всей природы таится особая мощь. Зимой и земли не видно под глубокими снегами, и воды закованы льдом; самые стволы живых деревьев мало чем отличаются от сухих пней, от засохших ветвей. Только звезды сияют ярче, чем летом, но закутанные люди редко останавливаются любоваться ими. Сон зимней природы подобен смерти. На юге же или в мягких морских странах земля остается покрытой зеленью, угадываются на деревьях почки...

Среди холодных зимних месяцев бывают влажные, теплые дни. Веет весенний ветер. Весна подходит незаметно. Земля не успевает вполне заснуть, умереть, скрыться под саваном снега.

Весна на далеком севере, где и люди и звери ждут, со все возрастающим напряжением, появления первых теплых солнечных лучей, несет с собой болезненное, даже мучительное чувство. Но природа там так бедна, что бледная весна дальнего севера и не успевает преобразить ее.

Не то происходит почти во всей русской земле. Земля просыпается весной с мощью богатырской; она сбрасывает с себя покров снегов, ломает лед на реках, заливает и топит луга, притягивает к себе бесчисленные стаи птиц, будит заснувших на

зиму зверей, наполняет своей силой всякую былинку. Ледоход, таяние снегов, разливы рек, внезапно превращающихся в моря, где и берега противоположного не может увидеть око, — одни только и могут дать меру русской весны. В свежем же, но легком воздухе рождаются сонмы новых ароматов, а от обнаженных полей, на которых еще местами видны последние островки снега, поднимается могучий и живительный дух — дух, полный мускусной ароматности, крепкой, тонкой, яркой, все экзальтирующей душистости, незабываемой приятности, характерно присущей российской земле весной, особенно черноземной полосе ее.

Весна преображает чудо Воскресения, победу над смертью, вечную жизнь. Но весна не только окрыляет человека. Вместе со светлыми, добрыми силами в нем развиваются и темные, непросветленные страсти. Кровь бродит сильнее, недуги и болезни развиваются, смертность увеличивается, множатся и соблазны. Весна, радостная и светлая, нередко становится в жизни человеческой временем падений и борьбы. К весне надо готовиться.

Не потому ли и главный праздник христиан, Пасха, приходится на весну и к нему ведут длинные недели поста? Так было и в православной Руси. После широкой масленицы с ее блинами и разгулом, после прощанья с жирной пищей, после дней, связанных с языческими празднествами в честь солнца, разрешенными церковью как последняя слабость перед трудными неделями, — начинался Великий пост. По всей огромной стране, из края в край, от села к селу и от церкви к церкви, гудели унылым великопостным звоном бесчисленные колокола.

Они будили совесть, тревожили сердце, звали к покаянной молитве. Семь недель церковь не разрешала вкушать ни мяса, ни молочных продуктов; семь недель люди старались есть меньше, следить за мыслями, выстаивали длинные службы, били бесчисленные поклоны, от которых ломило тело. И душа становилась прозрачнее, вспоминались забытые ошибки, вся прожитая жизнь взвешивалась на беспристрастных весах. И не было больше сил нести в себе свою скверну. Тысячи, десятки тысяч людей шли каяться, искать разрешения грехов, получить силы в новой, возрожденной жизни. Начиналась весна.

Конечно, в богатых семьях, где хозяйки готовили не сами, постились меньше. Повара и поварихи, не желая заслужить упреки, подбавляли в постную пищу и масла, и молока; но все же всюду чувствовался пост как что-то необычное, особое. И пахло в часы еды по-новому: больше не царствовали плотоядные мясные запахи, острее пахло блюдами, приготовленными на постном масле, и в целом ряде великопостных кушаний грибной дух приятно щекотал обоняние, возбуждал аппетит.

Благодаря множеству заготовок постный стол отличался даже особой изысканностью. Россия — страна грибов; богатые и бедные заготовляли их, солеными, сушеными, маринованными, в великом количестве. Да и прочих заготовок, солений и варений, было немало. Рыба тоже считалась полупостным блюдом, и только особо строгие постники не употребляли ее.

Итак, вся страна готовилась шесть недель к великим и строгим дням Страстной седмицы. На эти дни дети выпускались из школ, работа теряла свой смысл, все ждали в церквях за нескончаемыми службами последних грустных дней радости Воскресения... Но не то было у хозяек. Со Святого четверга в домах начиналось оживленное приготовление всевозможной пасхальной снеди. К нам же, в детскую, приносили две сотни горячих яиц, сваренных вкрутую, пакетики с красками и большие круглые чашки. Сто яиц красились для стола, сто — для "людей". Многие заворачивались в цветные бумажки, дающие особые мраморные разводы. Умевшие рисовать расписывали настоящие писанки: вся яичная скорлупка расцветала церквями с яркими куполами, весенними полями и цветами, зайчиками и цыплятами... Раскрашивать яйца было большим удовольствием для детей, о чем долго вспоминали потом, когда Пасха была позади.

Хозяйки же и прислуга с четверга начинали суетиться на кухне, приготовляя особые пасхальные блюда. А дом весь мылся, натирался и украшался.

С четверга на пятницу начиналось великое приготовление

куличей и пасок. Чистилась коринка и смирнский изюм, толклась ваниль, размешивался шафран, и на тысячи кусочков разрезались цукаты, засахаренные фрукты, лимонные корки.

И к утру, по окончании выпечки, поднимался сдобный, теплый и веселый дух куличей, полный ванильной задорности и душистости, удивительно вкусной и праздничной. Казалось, он всюду проникал и вся страна начинала им пахнуть... В субботу столовая и гостиная наполнялись цветами. Вносились стройные деревца цветущей белой сирени, розовые тюльпаны, корзины гиацинтов. В киоте у матери и в наших детских перед иконами зажигались лампадки. Стол в столовой раздвигался для двадцати приборов, устилался тонкой ослепительно белой скатертью, уставлялся лучшей, в редких случаях употреблявшейся посудой. В доме наступало затишье. Мы уезжали к заутрене еще до того, как пасхальный стол заставлялся всевозможными блюдами.

Обычно на заутреню ехали мы в другой конец города, в домовую церковь Красного Креста, представительницей которого была в Ялте княгиня Барятинская. В эту Святую ночь туда съезжалось все общество города. Небольшая церковь была украшена белыми цветами и сияла огнями бесчисленных свечей. Нарядные дамы в светлых платьях, с ожерельями из драгоценных яичек, нередко работы Фаберже; мужчины во фраках и в парадных мундирах при орденах и отличиях. Радость службы. Счастливые лица. Все казались милыми и близкими в эту Святую ночь. "Христос воскресе!" Троекратные лобызания. Милое смущение барышень. Ночное непривычное небо. Отъезд на разговины. Пасха...

Среди целого ряда лет особенно запомнилась мне пасхальная ночь 1915 года. Погода стояла чудная, и вся Ялта утопала в цветах. В церкви были мы с матерью все трое, а рядом с нами стояли и наши кузены с тетей. Мы ехали разговляться к ним. Еще в экипажах мы обменивались маленькими подарками, наполнявшими наши карманы. Как радовали нас эти подарки! Не успевали экипажи подкатить к подъезду по мелкому песку аллеи, как входные двери распахивались и верный дворецкий, два лакея и старшая горничная тети выходили встретить нас и помочь выйти из колясок. Мы христосовались со всеми. Все это были люди, знавшие нас с самого рождения и которых мы любили как

родных.

Из большой прихожей переходили мы в залу. Все лампы на стенах и центральная люстра заливали нас светом. На всех столах стояли букеты цветов. Запахи роз, ландышей, сирени, фиалок, гиацинтов сливались в чудесный аккорд. Но из столовой лились другие волны ароматов, которые казались нам крепче, громче, стремительнее запахов весенних цветов. И мы не задерживались в зале — нас притягивал пасхальный стол. Столовая была такой же длины, как и зала, но значительно уже ее. Огромный стол был заставлен множеством яств. Казалось, все, что мы любим, находилось на нем. И подавалось все так красиво, средь гербового серебра, граненого хрусталя и цветов, что было даже жаль нарушить это великолепие, приступая к еде. И как все это пахло! Повар тети был настоящим виртуозом. Все приготовленное им было не только отменно вкусным, но и безукоризненно представлено. Для пасхального же стола заготовлено было такое количество блюд, что и попробовать все было невозможно. Успокаивало лишь сознание того, что стол оставался накрытым целую неделю и что за это время можно было узнать вкус всего.

Посреди стола возвышался огромный кулич-баба с сахарным барашком и хорувью над ним. С обеих сторон от кулича блестели груды веселых яиц всех оттенков и красок. На углах стола стояли куличи поменьше и четыре творожные пасхи — заварная, сырная, шоколадная и фисташковая, чудесного светло-зеленого цвета. Куличи были и домашние, очень сдобные и вкусные, и заказные — легкие, шафрановые. Тут же были выставлены два окорока, украшенные глянцевой бумагой, и множество мясных и рыбных блюд. Помню цельного молочного поросенка, окорок телятины, индюшку, пулярду; помню дичь в брусничном варенье; помню заливную рыбу, и осетрину, и семгу, и балык осетровый и белорыбий, и тут же копченый сиг — величайшее достижение русской кулинарии. Помню блюда с паюсной и зернистой икрой, окруженной прозрачным льдом. Были и обычные закуски: грибы, огурцы, редиска, сардины, фуа-гра. В двух местах стола возвышались высокие хрустальные вазы на серебряных подставках, полные редких для сезона фруктов, и другие вазы, поменьше, с шоколадными конфетами, пастилой, тянучками, мармеладом, изюмом, орехами и миндалем. На двух же концах стола, чередуясь между блюдами, стояли бутылки и граненые графины с разноцветными винами. Сколько было одних водок,

настоек: польская старка, белая, рябиновая, перцовка, лимонная, зубровка и настоянная на душистых почках черной смородины!.. Для дам же были более легкие вина: мадера, херес, портвейн, шато-д'икем и старый барсак. И благородные бургундские вина для любителей-знатоков.

Что за незабываемый пасхальный аромат поднимался от такого стола! Был он и легким, весенним, словно пронзенным сиренью, и таким вкусным, съедобным, щекочущим ноздри. Ванильный дух куличей и свежесть сырных пасок ярко выделялись на басовом фоне мясных блюд и более высоких тонах рыбных запахов. И что-то детское чувствовалось в аромате шоколада и сладостей; диссонансом взлетала вверх благоуханность свежего ананаса. От водок же и вин поднимался легкий хмель, особенно подчеркивающий каждое блюдо. И во все это вливались аромат весенних цветов, и духи дам, и дыханье нашей молодости.

От непривычно бессонной ночи, усталости, еды начинала кружиться голова. Ночь проходила, наступал ясный рассвет, и ты казался себе переполненным светлым блаженством, когда голова касалась наконец белой и свежей подушки.

В 1915 году гимназии закрывались раньше. Множество офицеров выбыли из рядов армии из-за ранений, были убитые; ускоренные курсы спешно готовили молодых прапорщиков из только что закончивших средние учебные заведения. В младших же классах детей переводили без экзаменов, по годовым отметкам.

Это лето моя мать и тетя Леля решили провести вместе в орловском имении Нечаевых-Войне. Из Ялты мы выехали рано утром на нескольких автомобилях. Дорога лежала через Алушту в Симферополь, где для нас был подготовлен целый вагон первого класса, последним прицепленный к поезду. Погода стояла ясная, и мы с жадностью смотрели на чудесные виды Крыма и радовались нашей свободе и возможности провести вместе длинные летние месяцы. В вагоне нас было девять детей и тетя, гувернантки, прислуга, и так весело было сознавать, что весь вагон занят нами и что можно "ходить в гости" из купе в купе и

чувствовать себя всюду своими. Только мать и сестра Ольга были не с нами — они приехали две недели спустя. Два дня пути прошли незаметно. Вот полустанок Отрада, где поезд задержался на полминуты, чтобы отцепить наш вагон. Мы выглядываем из окон и видим веселые лица кучеров, экипажи, тройку и фуру для багажа. Пахнет северной весной, лошадьми, деревней. Пока люди проверяют багаж, старший кучер подает первый экипаж — нарядный, удобный, вместительный. В нем размещаются тетя с дочерьми — старшей, пятнадцатилетней Зиной, и крошками Таней и Ириной. Туда же садится английская гувернантка, тонкая и сухая, мисс Теннисон.

Вслед за первым экипажем подкатывает тройка со вторым кучером, молодым красавцем Никитой. Синяя шелковая рубаха, черный бархатный жилет с серебряными пуговицами, шапка с павлиньими перьями. Видно, что и сам Никита горд собой, своим нарядом, конями и что ему весело везти нас. Все мы, мальчики, размещаемся вместе: Андрей, Миша, Борис, Олег и я — самый старший. Быть одним, без взрослых, кажется так приятно, и мы боимся лишь того, что тетя может еще передумать и велеть сесть с нами молодому гувернеру моих кузенов.

Но вот и остальные разместились по коляскам. Раздается милый голос тети Лели: "С Богом, Никита, трогай!" — и веселой рысью отъезжает от полустанка наш караван.

Теперь, в век аэропланов и автомобилей, мало кто знает наслаждение от езды на лошадях. Надо любить деревню, поля и леса, и живительный воздух, и мерное покачивание, и близость земли.

Быстрота смены пейзажа за толстыми стеклами автомобиля дает теперь лишь радость передвижения да опьяненье скоростью — люди не знают счастья чувствовать землю, замечать всякий поворот, радоваться цоканью копыт по дороге. А как удивительно несется тройка! Нет на Руси запряжки красивее ее! Сколько в ней удали, и собранности, и мощи, и лихости, и размаха!

Мигом проносятся шесть верст, отделяющие станцию от

имения. Вот и ворота с каменными львами. Вот и широкая аллея, полукругом ведущая к крыльцу. Кучер натягивает вожжи, тройка подкатывает и картинно останавливается.

Большой дом в строго выдержанном александровском ампире смотрит на нас своими окнами. Челядь встречает нас, окружает коляски.

Я был здесь в последний раз девятилетним мальчиком, семь лет назад, но достаточно мне было переступить порог парадных дверей и вдохнуть в себя благородный запах дубовой, монументальной лестницы, как ожили все забытые воспоминания. Знаю, что сейчас же за дверью откроется первая "чайная столовая" и налево будет большой кабинет, а направо еще столовая, и гостиная, и спальни. Все воскресает во мне от одного лишь запаха дубовой прихожей. Быстро прохожу по дому, любуясь парадными комнатами, их стильной мебелью, картинным видом из окон. Сзади парк подходит к самому дому, и только длинная терраса, сплошь уставленная декоративными растениями в кадках, отделяет нас от него. Спереди дома большой цветник роз, и среди них — художественный вензель тети из крупных анютиных глазок, столь любимых ею. В каждом доме есть свой неповторимый запах, но в старинных усадьбах, где на стенах есть еще шелковые штофные обои, все ароматы удерживаются крепче, словно дома дышат как живые. Особенно любил я прелестный будуар тети да большой кабинет с книгами в тяжелых шкафах, откуда можно было выйти в зимний сад, примыкавший к самому дому. В дождливые дни мы могли играть и в бильярдной, но ничто не могло заменить нам стодесятинного парка с его широкими аллеями и куртинами яблонь и груш.

Старших мальчиков, Андрея, Бориса и меня, с молодым гувернером поместили в небольшом флигеле среди парка. Старая гончая, Забавляй, встретила нас на аллее. Верный собачий нюх позволил ей сразу узнать и меня и брата. Меня всегда поражала радость собак в дни приезда хозяев и даже гостей. Собаки, особенно большие, не любят пустых домов; им дорого присутствие человека, даже не занимающегося ими. Дети же — их особые друзья, и как грустно встречать детей, не понимающих и не любящих животных.

Забавляй вертится вокруг нас, старается лизнуть в лицо, морщит в улыбке морду. За эти годы он отяжелел и состарился, но любовь его к нам все та же.

Мы быстро раскладываем вещи, переодеваемся в легкие одежды и, обгоняя друг друга, бежим на конюшню. Обширные помещения ее находились недалеко от дома, по правой стороне. Более сорока великолепных лошадей помещались в ней. Тут же, в отдельном помещении, стояли экипажи, коляски, кареты, дрожки, шарабаны, линейки и различные сани; на стенах висели упряжь и седла; на полках лежали кнуты и потники, теплые меховые пальто и пледы. При входе сразу же охватывали живительный аромат лошадей, душистость сена и овса, могучий запах дегтя и кожи, дерева колясок и еще целый ряд других запахов, присущих конюшне... Аромат, удивительно приятный, мускусный, мужественный, необычайно ярко отвечающий мужской психике с ее вечным желанием властвовать. Он, как будто из тьмы веков, воскрешал в памяти первую и самую благородную победу человека, победу над лошадью, и все то, что с ней связано...

Кузены мои особенно интересовались лошадьми. Они переходили от стойла к стойлу. Лица их разгорелись. Вопросы сыпались один за другим. И конюхи охотно отвечали им. Чувствовалось, что и думали они о лошадях теми же словами, и жили теми же интересами.

Из конюшни, веселые и довольные, бежали мы в парк. Высокие, стройные деревья, беседки, пруд, мостики с резными перилами, перекинутые через живописный овраг, тонувший в густом орешнике, широкие аллеи, усыпанные светло-желтым песком.

Летом на куртинах, в еще не скошенной траве, было множество цветов и полянки клубники; у самых стволов деревьев росли чудесные белые грибы. Чего только не было в том парке! Встречались лужайки, сплошь покрытые цветами иван-да-марьи, почти такими же крупными, как садовые анютины глазки. Были поляны лиловых колокольчиков и нескончаемое море ландышей; пруд же казался окруженным голубым ковром незабудок. Можно

было часами блуждать среди деревьев, открывая все новые и новые богатства. Хорошо, что звонкий охотничий рог, призывавший нас в часы еды, слышался во всех углах парка, а то мы нередко забывали о ней. Пахло в парке не садом, а солнечным лесом. Множество птиц гнездилось в деревьях, кустах, высокой траве, и весенние ночи звенели соловьиными трелями... А в некоторые годы орловские соловьи ничем не уступали курским.

Весна 1915 года была особенно хороша. Дни стояли солнечные и тихие. Все росло и расцветало на наших глазах, утопая в волнах бесчисленных ароматов. С раннего утра и до поздней ночи я наслаждался ими. На заре и на закате солнца влажно пахло душистой росой, в полдень сад благоухал легко и сухо чуть хмельным ароматом тепла. Днем начинали дышать травы и хотелось еще больше двигаться, бегать, играть. Ночью властно пахло ночными цветами и землей, и мечталось, и грезилось...

В Орловской губернии ландыши были замечательны. Надо было собрать воедино все богатство земли, солнца, континентального климата, чтобы вызвать такую благоуханность цветка. Нигде в Европе не пришлось мне потом встречать в ландышах подобной силы и одновременно тонкости аромата. Он как бы искрился душистой свежестью, холодком недавнего снега, чистотой, воздушностью. Для меня лишь благороднейший аромат простой темно-синей фиалки да тончайшая прелесть чайных роз может быть сравнима с ним. Полноценной, натуральной эссенции из ландыша добыть еще не удалось, и все многочисленные химические композиции очень далеки от оригинала. Но все же в целом ряде первоклассных духов есть "ландышевые моменты", и эффект их очень хорош.

В искусстве аромата одним из самых талантливых выразителей весны является Эрнест Эдуардович Бо, творец духов "Шанель". Все его лучшие произведения искрятся весенней радостью, ее порывами, ее настроениями. Так, непревзойденные "Шанель № 5" могуче преисполнены духом весенним, мускусным, черноземным, как бы после таяния снегов, которым дышишь и не можешь надышаться. В нем и сила, и крепость, и яркость, и звонкость, и легкий хмель молодости.

"Gardйnia" от Шанель не менее красочно проникнута весной, особенно в начальном взлете своей душистости, но ее весеннесть говорит об иной весне, весне более южных и знойных стран. "Cuir de Russie" тоже удивительно свежи в начальном своем порыве и лишь потом переходит в благоуханность осеннюю, как и бывает с духами такого типа. "Soir de Paris" от Буржуа — произведение того же автора, и оно целиком основано весенне-мускусных аккордах, и в этом одна из главных причин его мирового успеха.

К весенним духам относится прославленная "Vera Violetta" от Роже и Галле, которая так долго считалась бальным ароматом для девушек, начинавших выезжать в свет. В знаменитом "Idйal" от Убигана тоже немало весеннего, но то уже самый конец весны, начало раннего лета. "Paris" от Коти — одно из последних творений великого парфюмера, словно букет из сирени и ландыша, словно гимн молодости и весны.

В чудесных "Aprиs l'Ondйe" от Герлена не меньше весенней ярчайшей свежести и воздушности. Да и в "Hamman Bouquet" от Пенгальона, как и во многих лучших английских духах начала нашего столетия, тоже немало весенней свежести, но она обычно не удерживалась и быстро переходила к более знойным летним или к осенним землистым ароматам.

Хороший же одеколон хотя и полон освежающего холодка, но за ним почти всегда чувствуется тончайшая сладость амброво-летнего характера, а не эфирно-мускусная воздушность, присущая исключительно весне.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Лето.

Чернеют гребни гор, в долинах ночь глухая,

Как будто в полусне журчат ручьи впотьмах,

Ночная песнь цветов - дыханье роз в садах

Беззвучной музыкой плывет благоухая.

И. Бунин.

После яркой, теплой и нарядной весны наступило лето. Время горячей работы закончено; сданы последние экзамены; закрыты и сложены книги; наступили долгожданные каникулы. Легкие летние одежды позволяют нам чувствовать всем телом и тепло, и солнце, и свежесть утренней росы, и чуть заметную ночную прохладу. Да мы и не заперты больше в четырех стенах наших классов; весь день проводим мы в садах, у моря, в горах или на деревенском просторе среди лесов и полей. Весь день дышим светлым теплом и все не можем им надышаться. Хорош летний воздух, ласковый, благоуханный, солнечный! Недаром радуемся мы ему. И ароматы цветов, зелени и земли растут и крепнут. Душистость в природе достигает своего максимума, но это не мускусная эфирность весенних ароматов, а почти осязаемая сладость медовых благоуханностей с ярко выраженным амбровым духом...

Особенно силен он на юге, но и в средней полосе России властвует, смущает чувства этот же тончайший аромат. Необычна благоуханность амбры, особенно ценной серой амбры.

Есть в ней, и лишь в ней одной, не только удивительная глубина аромата, но и троичная полнота его, ни с чем не сравнимая... Так, если мускус, другое ценное вещество животного мира, до отказа ярок лишь благоуханностью мужского начала, а цибет, наоборот, — душистость могуче-женственная, то амбра соединяет в себе многие черты обоих ароматов, но образует третий, уводящий нас еще далее. Есть в ней благоухание первичное, дух, полный жизни, с вольным дыханием безбрежных морей, солнца, воздуха, земли.

Легче живется летом. Правда, в больших городах, где пахнет пылью и копотью, где люди задыхаются в подвалах и на заводах, летняя жара утомляет и забирает последние силы. Но достаточно выйти за город, приблизиться к природе и земле, чтобы почувствовать себя сильнее и бодрее, а главное, радостнее. Недаром доктора по нервным болезням нередко советуют лежать на земле, прижиматься к ней, пассивно черпать ее силы. Недаром старинные былины, описывая богатырей во время горя,

опасностей, смертельной тоски, приводят нам их молитвы, обращенные к Матери-сырой земле...

А как спокойно думается, как хорошо мечтается, лежа летом на спине где-нибудь в поле или в лесу с тонкой травинкой во рту. И такая полная, безбоязненная близость к земле возможна только летом.

Помню, как однажды, в жаркий день июля, возвращался я с прогулки по царскому имению Ливадия. Была чудная погода. Синее яркое море да цепь зеленых гор поддерживали свод голубого неба. Ни облачка не было видно. Еле-еле бледнело оно к горизонту. Вокруг меня, на кустах, деревьях, куртинах, — всюду пестрели цветы. Пахло южным солнцем, южным морем, южной землей. Жизнью пахло. Мне захотелось продлить это мгновенье. Я лег на спину в душистую, чуть суховатую траву. Я трогал землю рукой, чувствовал под головой острые крымские камешки. Казалось, можно остаться здесь навсегда, превратиться самому в теплоту земли, остроту камня, сухость трав, понять какую-то последнюю тайну творения, слить свое дыхание со славословием их ароматов. Замечательно в летнее время славить своего Творца, полной грудью, всем дыханием вознося Ему хвалу. Не передать этого словами, как и вообще не можем мы передать незнающим всего затаенного, глубинного.

Другое воспоминание лета связано со средней полосой России, с Орловской губернией. Это одно из чудеснейших мест нашей земли, где картинно чередуются леса, луга и поля, перерезанные глубокими оврагами. И есть в черноземности ее духа удивительная сила, вдохновляющая и укрепляющая; недаром эта земля дала нам целый ряд поэтов и писателей.

Я был тогда в имении моих двоюродных братьев Нечаевых. Только что крупными светлыми каплями прошел короткий летний дождь. Он как-то одновременно начался и остановился... Весело было смотреть с балкона, как на дороге перед домом поднималась тонкая пыль, соединялась с дождевыми каплями и образовывала забавные серые шарики.

И вдруг поднялся исключительно приятный аромат свежести, земли и чего-то еще... Это был веселый, светлый, задорный аромат молодости. Вызвал он в нас (детях) сильнейшую экзальтацию, ощущение удивительной земной радости и желания как можно глубже прочувствовать ее. Выразилась эта радость в том, что, разувшись, понеслись мы по влажным аллеям парка и до отказа насладились бегом по ним среди со всех сторон поднимающихся благоуханий. Казалось, что душистость за душистостью отрывались от земли, трав, деревьев, цветов, сливаясь в чудный гимн, близкий телу, понятный душе. Герлен в духах "Aprиs l'Ondйe" ("После ливня") замечательно выразил эту прелесть благоуханности воздуха после короткого летнего дождика, и мало духов так верно, так хорошо отвечают своему названию.

Там же, Орловской губернии, насладился я ландышами и сиренью. В большом парке, окружавшем дом, было такое обилие ландышей, что собрать их не было никакой возможности. Сколько бы их ни приносили в дом, сколько бы ваз ни наполняли — в светлой зелени парка белели все новые и новые склоненные чашечки цветов.

Сирень же цвела целым лесом, пушистыми, нежными, густыми ветками, и запах ее превосходил и силой и тонкостью аромат южной сирени. Аромат сирени стоит на самой грани весны и лета, весенних и летних цветов. Что-то горячее и сладкое уже кроется в ее дыхании. Правда, это еще не благоуханная пряность гвоздик, не тонкая медовость роз, не душистая крепость жасмина, но в ней уже отсутствует холодок весенней эфирности, столь ярко присущей ландышу.

Летние ароматы многообразны, гамма их очень велика, но все же медовая прелесть является главной чертой большинства летних цветов, словно сила солнечных лучей вызывает в них эту сладкую душистость. И медовость эта всего сильней в жаркий полдень. К пяти часам дня аромат цветов начинает звучать по-новому, словно бы очищается от душной сладости, и после заката солнца и ночью под теплым звездным небом принимает другую, более строгую или, наоборот, ярко страстную ноту.

Да, летом не только цветы — вся природа благоухает. Самые камни пахнут, и горячий песок у моря, и самое море, и лес, и реки, и горы...

В одном из своих рассказов Куприн говорит о море: *"... и какой чудный воздух; дышишь, и сердце веселится. В Крыму, в Мисхоре, прошлым летом я сделал изумительное открытие. Знаешь, чем пахнет морская вода во время прибоя? Представь себе, резедой..."*

Летом в жаркие дни ездили мы нередко в горы, главным образом на водопад Учан-Су. В моем детстве автомобилей еще было мало, мы ездили на лошадях, в экипажах. Весь темп жизни тогда был медленнее, серьезнее; путешественники не проскакивали мимо новых впечатлений, а приближались к ним, угадывали их, переживали и расставались с ними, сохраняя в душе. Все восприятие жизни было глубже и основательнее.

При выезде из Ялты, как и во всем городе, чувствовалась близость моря. Соль, йод и свежесть проникали везде; но лошади поднимались все выше, побережье удалялось, и вдруг, за каким-то поворотом, лес, придвинулся к самой дороге, скрыл от нас синий ковер моря и погрузил в свое легкое, свежее дыхание. А вместе с тем и запахи оказались более низкими, более глухими. Мы дышали дыханием гор.

А как хорош запах летнего поля гречихи или южного цветущего табака! Как хорош аромат скошенного луга, увядающей травы и цветов, сухой земляники, затерявшейся среди травы!

Каждый час дня имеет свой запах, свои особые душистые гармонии. Дневные цветы засыпают к вечеру, сжимают свои лепестки до первых светлых лучей; ночные — раскрываются, оживают...

Лес же переполнен разными запахами. Все породы деревьев имеют свой особый запах, и те же деревья благоухают по-иному в

зависимости от почвы, на которой растут. А тут еще и малина, и земляника, и грибы разливают и переливают свой собственный аромат.

Заканчивая описание летних дней и чудесных переживаний, связанных с ними, нельзя не вспомнить прославленные духи, посвященные этой поре года.

Лету человек обязан неисчислимым количеством ароматов, оттого и духи на тему о лете всего больше притягивают парфюмеров.

Наиболее обильно и характерно выражена знойная и яркая нота южного полдня духами с так называемой восточной нотой. В них на фоне амбрового начала разливается смолистая пряность, крепко душистая и сладкая. Сладость эта чувствуется издали, но она не приторна, а суха и приятна. Приятность эту можно сравнить с сухостью некоторых очень хороших вин самых урожайных лет.

Они являются первой и, вероятно, самой древней группой духов, и успех их был и всегда будет велик. В наши времена Герлен первым выразил этот тип аромата, и многие из его духов удивительно пленяют и чувства и воображение. Так, его "Jicky", "Heure Bleue", "Shalimar" полны летней солнечной душистости, знойной, пряной и сладостной.

Значительно позже появился великий Коти, сумевший выразить и передать всю трепетную прелесть и ласку солнца и юга. Его "Ambre Antique", "Origan" и "Emeraude" горят и смущают душистым теплом своих ароматов. Человечество во все века стремилось к югу, оттого и понятен успех духов, отвечающих южному типу.

Не менее летними, но совершенно иными являются "Quelques Fleurs" от Убигана, созданные гением Парке. В них смешиваются, дополняют друг друга и переплетаются естественные качества с искусственно-химической фантазией, создавая новый, красочный

и крепкий аромат. На фоне ландыша, сирени, роз, фиалок и ванили разливается заморский иланг-иланг. "Quelques Fleurs", выпущенные в 1912 году, оказали очень большое влияние на последующее развитие ароматического искусства.

Говоря о духах летнего цикла, нельзя не вспомнить "Trifle Incarnat", "Помреп" от Пивера, "Rose Jacqueminot", "Jasmin de Corse" от Коти, "Oeillet Fanй" от Греновилля, "Narcisse Noir" от Карона, "Tabou" от Дана, "Toujours moi" от Кордея, "Je reviens" от Ворта, "Shocking" от Скиапарелли и, наконец, "Femme" от Роша, "Joy" от Пату и "Miss Dior".

Вероятно, это перечисление неполно и есть еще духи, целиком отвечающие летней поре, но таковых немного. Другие же, отвечая лету некоторыми компонентами своей душистости, в целом кажутся мне относящимися к иной поре года, отчего и речь о них пойдет в других главах.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Спорт.

Ведь там, за обрывом отвесным,

Желтели родные поля,

И чем-то до боли чудесным

Родимая пахла земля.

Г. Лахман.

Энциклопедия "Ларусс" определяет спорт как систематическое упражнение, необходимое для укрепления не только тела человека, но и духа его, так как в спорте развивается энергия и настойчивость, решимость и лояльность. И это определение кажется мне очень верным.

Как и все молодые зверьки, ребенок в игре выражает свою радость. Затем от него, еще совсем маленького, начинают требоваться усилия, ловкость и выносливость в забавах. Радость

его увеличивается, когда маленькие приятели разделяют его молодечество. Он приучается ценить и свои успехи, и успехи товарищей. В нем заложена уже та спортивность, которая вполне расцветает в школьном, юношеском возрасте. И если история показывает нам примеры великой силы духа у больных и умирающих людей, тем не менее в мудрости Древней Греции звучит трезвый и разумный голос, утверждающий: "В здоровом теле — здоровый дух". И часто это здоровье дают телу хорошие спортивные упражнения. Даже усталость, вызванная ими, благотворна: с ней появляются аппетит и крепкий сон, внутреннее равновесие и уверенность в себе. Но еще лучше то, что спорт требует от юноши умения отказаться от себя в пользу команды, отдать все свои силы и, если нужно, стушеваться, уйти на задний план.

Теперь и школа и семья понимают пользу спорта, но в дни моей юности еще многие родители препятствовали детям принимать участие в спортивных состязаниях и даже интересоваться ими.

В моей же жизни целый ряд благовонных воспоминаний связан с разными видами спорта. В гимназические годы я особенно увлекался футболом. В Крыму мы играли в футбол круглый год, но самым горячим временем состязаний были весна, конец лета и начало осени.

Наша игровая площадка находилась в ближайших окрестностях Ялты, в царском имении Ливадия, перед самым домом милейшего нашего губернатора генерала Думбадзе. Двое сыновей его, Алеша и Володя, были игроками нашей команды, в которой я состоял. Помню, бывало, идешь в клуб и жалеешь, что нет крыльев, чтобы поскорее попасть туда. Сладкое волнение зажигалось в крови, когда из-за кустов начинал доноситься глухой звук удара бутсы по мячу. Но вот и поле, по которому летает мяч. Быстро бежишь переодеться. Толстые чулки, бутсы, фуфайка, трусики, затянутые ремешком, — и я уже на поле среди моих милых друзей. Новый мяч туго надут. Каждый удар по нему радует слух. Пахнет кожей и от него, и от бутс, и от ремешка. Не это ли дает нам такой экзальтирующий и мужественный подъем настроения?!

Футбол — типично мужская игра, и женщине даже неуместно принимать в ней участие. Нам же так радостно чувствовать под ногами упругость земли, бежать и дышать полной грудью...

Вспоминается наша первая игра против команды другого города. Кончалось лето. Было воскресенье. Много молодежи сошлось посмотреть на нас. Толпились солдаты ближайшей казармы, и среди них — мохнатый медвежонок, любивший и сам поиграть в мяч. Мы же все собрались уже давно: нам так хотелось поскорее выйти на поле, побороть свое волнение, начать игру.

И назначенный час наступает. Команда выходит на поле, приветствует противников. Бросается жребий, кому выпадает первый удар, и выпадает он на нас. Свисток — и пять наших форвардов сразу же несутся навстречу противнику. Мяч точными пассами переходит от одного к другому. Вот он на левом крае, потом у центрфорварда, который, обведя полузащитника, передает его мне. (Я играю, как обычно, правого инсайта.) Получив мяч, я не задерживаю его, а пасую правому нападающему, который уже может бить по воротам. Однако левый защитник противника успевает помешать удару, и оба они падают. Левый полузащитник бежит на помощь, но я ближе, и, когда, поднявшись с земли, защитник старается выбить мяч, я в свою очередь мешаю ему, и мы оба, теряя равновесие, падаем... Этим немедленно пользуется наш освобожденный правый нападающий, который точно бьет. Первый гол забит, забит после двух минут игры, и это благодаря нашей сплоченности, быстроте, дисциплине.

Тот же темп продолжается до конца первого тайма, мы забиваем еще. Пятнадцать минут перерыва — и снова игра, но теперь уже нашей защите приходится серьезно поработать. Однако она доблестно парирует атаки и пропускает только один гол. Победа за нами, и мы выигрываем со счетом пять-один. Радость наша велика. Несмотря на усталость, от нас веет молодостью, силой, здоровьем... Мы пьем холодный хлебный квас и наперебой обсуждаем все подробности состязания. С соседнего скошенного поля пахнет сеном. Свежее и душистое тепло доносится до нас от длинных рядов полегшей травы, и что-то законченное, завершенное, чудесное кроется в этом аромате и как

нельзя лучше отвечает нашему настроению. Долго не можем мы расстаться. Весь обратный путь говорим о матче. Брат Михаил, игрок второй команды, снова обсуждает игру за обедом. Сестра слушает нас с блестящими глазами и, не понимая подробностей игры, переживает за нас. Весело видеть их праздничное настроение, чувствовать близость и дружбу. А после обеда меня зовут к телефону. По хитрой улыбке брата знаю, кто будет со мной говорить, чей ласковый голос станет задавать вопросы. Я отвечаю, рассказываю подробности и снова благодарю за подаренную мне на счастье ленту. Милый наш разговор — последняя радость этого светлого дня...

Велосипедным спортом занимались мы тоже круглый год в этом благословенном краю, где не было снежных зим; моментами увлекались мы им чрезвычайно, потом остывали, чтобы снова, через месяц-другой, начать носиться как безумные по отличным крымским шоссе. И признавали мы велосипеды только в горах, так как плоские дороги казались нам слишком легкими и лишенными интереса. Ценили мы трудность подъема, настойчивость, выдержку, силу; не позволяли себе вести велосипеды за руль; "давили" всегда и везде. А на спусках ценились лихость и быстрота, повороты, взятые без снижения скорости, пренебрежение опасностью. И ездили мы все по-гоночному, с низко опущенным рулем. Думается, что любили мы велосипед за чувство легкости, окрыленности, зависевшее от нас самих. Мотор уничтожает это чувство — чувство собственной силы. Впрочем, велосипед давал нам тоже немало эстетических наслаждений. Все, что связано с быстротой езды, контрастами запахов, сменяющихся за каждым поворотом, переменой ландшафта, близостью к земле, относится и к поездкам на нем...

Летом выезжали мы к концу дня, когда солнце палило меньше. Сбор происходил у нашего дома, на боковой Чукурларской улице, в тени деревьев, посаженных нашим отцом. В Крыму называли их мимозами, и точно — листья их сворачивались к вечеру, как у некоторых пород мимоз, только цветы были иными, розовыми пушками в форме маленьких помельев, смотрящих в небо. Глядя из нашего дома на аллею этих мимоз, видели мы лишь сплошной розовый ковер различных оттенков. Душистость же этих цветов была прелестна: нежная, тонкая, невесомая, словно девственная мечта.

И вот в тени мимоз обсуждали и вырабатывали мы планы наших поездок, и, быть может, дыхание пушистых цветов влияло на наши решения, учило нас благоразумию, которого так не хватало нам в эти годы.

Одной из любимейших наших экскурсий была поездка в горы, к водопаду Учан-Су. Ехать надо было всего километров восемь, но подъем был крутой и почти постоянный. Зато дорога шла лесом. Пахло сосной и дышалось легко, несмотря на нагрузку и усталость. Временами сосны сменялись грабом и дубками; появлялись заросли кизила, запах смолы казался разреженным, в нем звучали новые нотки. Но это длилось недолго: снова преобладали сосны; на склонах дороги шины скользили по ковру опавших игл... Мы замедляли ход, но не останавливались, не сходили с велосипедов.

Есть что-то дружественное, бодрящее в летнем лесу. Кто не любит уйти в его чащу, лечь на спину, смотреть на кроны деревьев? Кто не чувствует себя счастливее и сильнее, надышавшись его ароматом?...

Несмотря на крутой подъем, мы ехали быстро; кое-кто даже вырывался вперед и исчезал из виду, желая показать нам свое превосходство; остальные же держались вместе и молча, сохраняя силы, жали на педали. Я особенно уставал в начале поездки; первые два километра казалось, не выдержу, остановлюсь, поверну назад. Потом дыхание налаживалось, мускулы привыкали, и я ехал спокойнее, увереннее. Воздух становился легче, прозрачнее; мы поднимались все выше и выше. Но вот и водопад. Теперь велосипеды оставлены, и мы идем по тропинке к самой воде. Там можно посидеть, закусить, отдохнуть и, главное, напиться. (Ничего нет лучше стакана холодной воды после большого физического утомления; потом уже можно перейти и на другие напитки, но в первый миг ничто не заменит воды.) Мы сидим, говорим о поездке, любуемся белоснежной волной, падающей с гор. Учан-Су не поражает воображение своей грандиозностью, но какая свежесть вокруг него! Как сверкают брызги на солнце! Мы сидим на простых, грубо обтесанных скамьях за такими же столами. Шумит водопад, шелестят листья, и вместе с тем как-то тихо вокруг; или это в нас самих такая

тишина? Мы едим сандвичи, захваченные из дома, потом малину, собранную здесь татарчатами, которая стоит так дешево. Нам приносят тарелки душистых ягод, поливают их густыми сливками, посыпают сахаром. Мы едим молча; на лицах написано полное наслаждение; внизу, в городе, малина — лакомство редкое и дорогое. "И вкусно и ароматно", — говорит кто-то. И точно, аромат малины, только что сорванной и зрелой, ни с чем не может сравниться. Эта душистость звонкая, певучая, целая симфония душистости. Есть русское выражение "малиновый звон колоколов". Пусть люди культурные знают, что идет оно от чудесного колокольного звона бельгийского города Малин, но народ, говоря о малиновом звоне, думает о ягоде малине и о ее радостном запахе, о волне ее благоухания. Да и в парфюмерии также высоко ценится малиновая душистость. Она всегда является показателем великолепного качества эссенции или прекрасного уровня духов. Так, много лет спустя, в Париже, мы покупали масло болгарской розы. На столе было немалое количество различных образцов, и вдруг раздались памятные слова Эрнеста Эдуардовича Бо: "Смотрите, нюхайте — ведь этот пассаж розы малиной пахнет". Действительно, в начальном развитии аромата розы звенела малиновая душистость во всей ее характерной прелести. Среди семи образцов лишь один имел этот запах, и душистость его во всех стадиях благоуханного развития намного превосходила все остальные своим качеством.

День кончался; надо было думать о возвращении, чтобы засветло вернуться домой. Один за другим вскакивали мы на велосипеды и, не думая об опасности спуска и поворотов, неслись полным ходом. До самого въезда в Ялту мы не сбавляли скорость. Она сливалась с запахом пыли, тепла, сосен. Чтобы выиграть время и прийти первым, надо было брать повороты на всем ходу с большим креном. Нередко мы скользили и падали, но я не помню серьезных ушибов. Обычно одним из первых несся брат Михаил, не знавший страха и любивший показать "номера" на своем велосипеде... Но вот город приближается. Воздух становится морским, более плотным, менее эфирным. Мы несемся мимо виноградников царской Ливадии; встречается все больше автомобилей и экипажей. Надо быть осторожнее: город близко. Вот и первые сады... В этот час их поливают, и остро поднимается к небу запах мокрой земли, цветов, газонов. Поездка окончена. Все мы целы-здоровы. Все надышались запахом гор. Все нагуляли себе аппетит, сон и воспоминания... А как укрепляется наша дружба от таких поездок! Вот где соперники не знают ни зависти,

ни недоброжелательства!.. Не потому ли в профессиональном спорте так часто встречаются неспортивные отношения?

И свободные от занятий летние месяцы мы проводили обычно на море большую часть утра, и тогда нее виды морского спорта были доступны нам. Брат Михаил часто уходил с рыбаками на шхуне ловить рыбу. Сестра предпочитала греблю. Я нырял и прыгал, но всего более любили мы плавать часами в открытом море. Обычно солнце уже стояло высоко и громко трещало множество крымских цикад, когда мы с братом выходили к утреннему кофе. Подавали его на большой веранде, обращенной к морю и окруженной с трех сторон садом. Глицинии и чайные розы обвивали ее колонны, и в конце июля можно было обрывать чудесные персики, не выходя в сад. Высокие темные кипарисы защищали нас от палящего солнца, и море было так близко, что с его стороны всегда веял легкий ветерок с примесью запаха йода и соли.

Утренний кофе длился недолго: мы торопились на пляж. На улице нас охватывал жар, ярко синело небо; сверкало многоцветное море... Встречались нам разносчики — турки или татары — с живописными двойными корзинами, полными фруктов. На пляж мы шли обычно с хорошим запасом персиков, груш или абрикосов, но это не мешало нам все же "нюхать" вкусную корзину разносчика и прикупать еще, если были деньги... После пыльной улицы дорога шла парком и виноградниками и спускалась до самого моря. Пахло жимолостью, обвивавшей кусты и стены, розами, левкоями, а также фруктами, которые мы несли. Для меня аромат цветов говорит всегда о любовной мечте, а запах фруктов — о любви разделенной. Так, во вкусе и запахе только что сорванного, пропитанного солнцем абрикоса остро чувствую я прелести телесные, а в персике — благоуханную нежность поцелуя; мускатный виноград заключает в себе и негу и радость жизни; аромат лимона могуче действует на чувственность некоторых женщин, а дыня силой своего запаха говорит мне о южных, низменных страстях...

Как ярко помню я все дорожки, ведущие к морю! Вот аллея кипарисов, бросающая тихую синюю тень и не пропускающая солнечный свет; строгое их дыхание и стремительный взлет в небо. Вот белая дача, увитая розами и окруженная

разноцветными гвоздиками, солнечный аромат которых полон благоуханной теплоты. Вот круглая площадка, обсаженная цветущим жасмином. Вот виноградники, подступившие к нам вплотную. А вот и пляж. В Ялте он не песчаный, но наши ноги привыкли к его круглым, гладким камням. Море — как зеркало. Вода теплая, светлая. Все друзья уже тут. Через мгновение мы у самой воды. Здесь только мужчины. Дамский пляж рядом, но отделен от нас белой парусиной. В море же можно встречаться и плавать вместе не запрещено. Мы еще не в воде, а уже тихо и радостно на сердце. Чудесно пахнет море, обещая простор, волю и чистоту. И так отдыхаешь здесь, так забываешь все жизненные трудности, так много набираешься сил! Водоросли, соль, ветер, йод — все радует обоняние. Мы играем на берегу, прыгаем в воду, ныряем. Утро проносится незаметно. По вот и последний заплыв. Мы все плаваем с раннего детства и не боимся расстояний. Радостно чувствовать, что каждый новый взмах руки уносит все дальше в море, что это легко, что не надо прилагать усилия, что держишься на воде так же просто, как дышишь... Справа от меня плывет брат Михаил, слева — верный друг Митя Хорват. Тут же сестра Ольга и милейшая Лёка Ревишина. Всем нам весело и хорошо, а берег все отдаляется. Если нас оттуда и видно, мы кажемся только точками на воде. Но пора возвращаться. Мы плывем теперь ближе друг к другу. Быстрота остается та же, значит, все хорошо. Очертания берега вырисовываются все четче. Уже виден пляж и люди на нем. Скоро прибрежные волны подхватят нас. Сегодня они не опасны, не унесут нас обратно, а тихонько положат на камни. Утомленные, но счастливые выходим мы из воды, лежим на солнце, закусываем тем, что еще осталось в мешках; нередко это арбуз, вкусный, красный, такой, какого после Крыма мне нигде не приходилось есть. Однако пора расходиться. Обратный путь идет в гору. Жарко. Печет. Но веселость нас не покидает. Хорошо говорить; хорошо и молчать; а дома ожидает вкусный обед... Не я один думаю о еде. Брат замечает задумчиво, что вкус арбуза напоминает чем-то вкусный запах летнего моря. Мы обсуждаем его слова. Соглашаемся с ними. Солнце печет. Скоро два часа дня. Все деревья сочатся смолой; в воздухе разлита истома; ищешь тени и тишины; одни цикады трещат не умолкая. Вот и дом. Все маркизы опущены. В комнатах полумрак. На веранде задернуты парусиновые шторы. Нарядно накрыт стол, и посередине букет чайных роз, срезанных рано утром, когда солнце еще не палило. Тонкий-тонкий их аромат, и нежность в нем, и свежесть...

Аппетит у нас волчий. Мы рады, что тут же, с нами, наша милая мать, что у нас нет ни забот, ни тревог, которые бывают зимой во время учебы, что на сладкое — рассыпчатый пирог с лесной земляникой. Что может быть вкуснее! Если белый гриб всем грибам царь, то маленькая земляника с ее волшебным ароматом — не милая ли царевна всего царства лесного?

После обеда хорошо полежать в кресле-качалке, почитать интересную книгу, подумать, помечтать, а там станет не так жарко и тебя потянет, как обычно, на теннисную площадку к милым друзьям.

Теннис тоже был нашим любимейшим видом спорта. Ценили мы в нем силу, точность, быстроту да еще присутствие и обаяние наших партнерш, их оживление, веселость, грацию. Собирались мы на площадке в большом саду у наших друзей; к четырем часам дня и до самого вечера, до темноты не прекращались веселые возгласы и звуки ударов ракеток. В начале игрались "сингли", потом "дубли" и "миксты". И эти "миксты" радовали не только девиц, но и нас, и нередко, заглядевшись на красиво взятый нашей "противницей" мяч, мы не успевали вернуть его...

Темно-красный грунт площадки, темная зелень деревьев вокруг нее создавали великолепный кадр, на фоне которого как-то особенно рельефно выделилась хрупкая прелесть играющей молодежи. Белоснежный цвет наших костюмов усиливал это впечатление, подчеркивая невинность юности. Нельзя сказать того же о цветах белой окраски, ибо их аромат большей частью любовный и страстный и не следует доверять ему. Особенно ярко он выражен в белой лилии с ее очень сильным, смущающим ароматом, и мне кажется, что присутствие ее на иконах является недоразумением. Возможно, что слово Христа о красоте лилии относится не к ним, а к разноцветным анемонам, которых так много на палестинских лугах.

В обширном саду, окружавшем теннисную площадку, было очень много этих белых лилий, и достаточно было легкого дуновения ветерка, чтобы все площадка прониклась их ароматом. Тяжелыми волнами разливалась бальзамическая его сладость, и что-то резкое, дерзостное, дразнящее, страстное было в ней.

Мысль одурманивалась, кровь загоралась сильней, и мы усиливали темп игры, стараясь рассеять дурман; игра спасала нас...

Но вот новая волна воздуха, и новый аромат заливает площадку. Это где-то рядом цветет липа. Ее цветы пахнут медом и солнцем, и дыхание их, более прозрачное, чем аромат лилии, все же пьянит... Но нам не до него. Мы полностью отдаемся игре. Сильная подача, драйв, удачный удар слева, и... восхищенный взгляд партнерши переполняет все бытие интенсивной радостью... Сет окончен. Уступив площадку другим игрокам, я ухожу с Верой в глубь сада. Нам нужно обсудить все подробности пикника на Ай-Петри, вершине Крымских гор. Вера организует этот пикник в честь своего семнадцатилетия, и ей так хочется, чтобы все было удачно, весело и хорошо. Мы сворачиваем с широкой аллеи на узенькую тропинку. Густая зелень обступает нас. Удивительно хорошо в этом зеленом царстве, полном душистого покоя! Но вдруг чем-то сильно пахнуло, так сильно, что кажется, всем существом воспринимаем мы этот аромат. Большой белый цветок магнолии на уровне наших лиц. Красота его завораживает. Что может быть прекраснее распускающейся магнолии! Да и запах ее сперва необычайно приятен своей лимонной душистостью, но скоро головы наши начинают кружиться, и аромат кажется тяжелее и глуше. Словно спугнутые им, его темной страстью, возвращаемся мы на площадку. Сет еще не кончен. Те же белые силуэты, тот же взлет мячей... Но многое уже изменилось. Мы не сразу понимаем, в чем дело. Тени немного длиннее... нет, не то. С двух сторон садовники поливают цветы. Высокая струя воды, дробясь и играя, освежает кусты и деревья, сбивает пыль с трапы, наклоняет цветы. Воздух полон влажной свежестью, и по-новому пахнет сад. Это не душистый аромат жаркого времени, он не льется по земле, не спускается к ней. Как фимиам, поднимается дыхание земли к вечернему небу, и по-новому пахнут цветы. Особенно те, что днем почти не напоминали о себе, начинают благоухать все сильнее. Царит над всем аромат жасмина.

Удивительна прелесть этого небольшого белого цветка! Естественно, что все современные первоклассные духи содержат его в себе, хотя эссенция, из него добываемая, стоит немалых денег. Аромат его то доминирует над всеми ароматами, то сливается с ними, то как бы вторит им. То, опять отрываясь,

возносится, доминируя, дразня, чаруя, лаская своей благоуханностью...

Домой возвращаемся мы по главной аллее, обсаженной лавровишней. Она тоже в цвету, и одуряюще пахнут ее бело-желтые цветы; но что-то назойливое, дешевое кроется в их аромате. Мы невольно ускоряем шаг... Вот и огни дома. Возле него, вокруг "бабушкиной" беседки, растет белый табак. Мы идем теперь в волнах его мускусного, тонкого, солнечного и в то же время свежего, чудесного запаха.

День окончен. Мы сидим на веранде за холодным ужином. На столе — свечи в зеленых колпачках. Беседа тиха и благодушна. Вокруг огней носятся ночные бабочки, букашки падают, опаляя крылья. Мы умолкаем, жалея их, но отогнать не можем.

Усталость чувствуется все больше и больше; расходимся мы рано. В спальне, на ночном столике, горит маленькая лампа. Приветливо манит постель. Настежь открыты окна. Лунная крымская ночь во всем своем южном великолепии. Море, горы, сад кажутся сказочно застывшими в голубом серебре.

Трудно оторваться от окна — так хорошо дышится всей грудью, так упоителен воздух! Вся комната пронизана волнами различных ароматов. В кровати я стараюсь определить их, отличить один от другого, но глаза закрываются, затемняется сознание, и последним видением встает милый облик, ласковый взгляд.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера. Бал.

Сиянье люстр и зыбь зеркал

Слились в один мираж хрустальный,

И веет, веет ветер бальный

Теплом душистых опахал.

И. Бунин.

Молодость неисчерпаемо богата яркими чувствами и переживаниями. Кажется порой, что с годами многое забывается, но, чем старше становишься, тем более выступают из глубины сознания свежие, молодые воспоминания, и среди них во всех своих милых подробностях сияют первые наши балы. Сколько грез, волнений и мечтаний они вызывали. К ним готовились неделями, месяцами, и в воспоминаниях они кажутся чудесными, нереальными, выхваченными из обычной жизни, овеянными музыкой, сказочными встречами прекрасного принца и задумчивой Царь-Девицы. Само ожидание бала было чудесным, наполненным грезами; каждый новый день увеличивал радость будущего, манил и звал. И вот наконец просыпаешься с чувством, что ждать остается лишь до вечера, что день бала уже наступил.

Платья, вызывавшие столько размышлений, разговоров и примерок, готовы. Легкие, светлые, воздушные — в них та же девичья прелесть, что и в их юных хозяйках. Сшитые обычно не в больших домах, а местными швеями по моделям модных журналов, они были все же полны милой фантазии и скромной простоты, так как о больших декольте у барышень и речи быть не могло.

Конец первой мировой войны связан для меня даже не с настоящими балами, а с нарядными танцевальными вечерами, уютными, семейными, такими же, вероятно, какие устраивали наши отцы в дни своей молодости. Уклад жизни тогда еще не менялся так быстро, как он меняется в наши дни. Люди были гостеприимны и просты; принимали широко, но поразить никого не хотели, хотя и готовили все на славу. Танцевали еще старинные польки, венгерку, мазурку и краковяк, полонез, кадриль, падекатр и падеспань, и новшеством являлись танго и фокстрот. Однако высшим достижением бальных танцев, уносивших нас на крыльях, опьянявших своей воздушностью и быстротой, был вальс. И музыка его, веселая, разнообразная, легкая, певучая, всегда особенно ярко отзывалась в душе.

Фокстрот тоже танцевался легко и весело, но настоящим танцем его не считали; роль же танго была тогда еще не столь значительной, как стало позже. О нем рассказывали немало анекдотов, порой не совсем скромных; но мы, молодежь, еще не

ощущали его задумчивого ритма, таинственных замедлений, страстности.

В жизни молодежи танец занимает всегда большое место, и, быть может, это объясняется тем, что ничто так быстро, приятно и легко не сближает, как он. Не надо думать о теме разговора, не надо угадывать мысли партнера, уметь заинтересовать его, достаточно отдаться музыке и знать, что всем танцующим так же весело и легко, как тебе.

В нарядном, залитом светом зале танец имеет свою особую магию. Как часто вызывает он увлечение, влюбленность и даже любовь. Хорошо танцующая дама вся отдается его ритму и вверяется своему кавалеру; он же, попадая под власть музыки, теряет свою отчужденность и незаметно для себя, в благоуханной близости своей дамы, попадает во власть ее очарования...

Бальный зал казался мне всегда волнующей оранжереей, чудесным зимним садом, в котором, как яркие и нежные цветы, в переливах огней, в волнах музыки мелькают благоуханные девушки.

Роль духов на балу особенно велика. Нигде условия для их полного аккорда не являются такими благоприятными. Все содействует этому: температура в зале и теплота тел танцующих, свет и музыка, движение и желание нравиться, уверенность в своем очаровании и молодость и, вероятно, еще целый ряд других причин... Роль духов, их увлекающую силу женщина поняла раньше мужчины и прибегает к ней все чаще и чаще. Правильно выбранные духи, их постоянство — и женский облик встает в памяти с особой силой, полный власти, шарма и обаяния. И когда через многие годы вспоминается прошлое, то не ярче ли всего милого и ушедшего воскресает в памяти веяние аромата!...

И вот сейчас, переносясь мыслью на первые мои балы, в благоуханной прелести духов я вновь вижу милые лица, слышу молодые голоса.

На этот памятный вечер приехали мы с небольшим опозданием. Из зала неслись лихие звуки мазурки, и пара за парой мелькали перед нами. Дамы казались легкими, воздушными, как птицы, а кавалеры, полные мужественной отваги, гремели шпорами и каблуками.

Вот пролетает Милочка — общая наша любимица... Невысокая, тоненькая, прелестная шатенка с огромными темными и яркими глазами. Она весела до озорства. Все притягивает в ней, волнует, захватывает, и она не скрывает своего желания взять от жизни все радости. Восторг ее передается окружающим и пленит их, как и она сама. Кажется, есть в ней что-то южное, вакхическое, хотя она и русская без всякой примеси иной крови. На ней коричневая туника под цвет ее глаз, и надушена она недавно появившимся, замечательным "Chypre" от Коти. Задорность ее юной благоуханности как нельзя лучше дополняется и подчеркивается искристой душистостью "Chypre", создавая незабываемый облик.

Немало на балу девушек красивее ее, и все же она остается одной из его цариц; и много юных поклонников окружают ее и мечтают танцевать с ней. "Chypre" и она, она и "Chypre" кружат голову, манят счастьем, весельем, молодостью...

Напевный вальс сменяет мазурку. Плавно, легко скользят пары. Близость танцующих рождает мечты, мечты переходят в надежды, сливаются с музыкой, танцем, слегка пьянят.

Золотая головка, нежно-голубое платье — это проносится первая красавица бала — Надин. Ее родители, крупные коммерсанты из Балтийских провинций, малопривлекательные люди. Как случилось, что их единственная дочь воплотила в себе такую чудесную античную красоту? Все в ней безукоризненно. Маленькая головка на красивой, точеной шее, большие глаза, нежный овал лица, чудесная кожа, тонкое сложение, породистые руки и ноги, но холодом веет от нее, даже вальсирует она безжизненно и невесело. Я часто встречал ее и знал, что у нее немало хороших, дорогих духов, но на ней они теряли свой аромат, разрушались. И хотя и думала она и читала не менее других, разговаривать с ней было трудно. Она казалась нам

статуей, лишенной прелести, благоухания, теплоты живого существа, и, несмотря на редкую красоту, успеха она не имела.

Закончился вальс, но мы не успеваем сесть и обменяться впечатлениями, как задорная мелодия падекатра зовет нас опять в зал.

Быстро наполняется он парами, стремительно несущимися в танце, исполняющими несложные фигуры с детства знакомого танца. Да и есть в нем что-то детское, наивное.

В паре с высоким, стройным брюнетом проносится Люся. Ей только что минуло семнадцать. Она, высокая, стройная, длинноногая, кажется еще подростком, большой девочкой, случайно попавшей на бал. Люся прелестная, голубоглазая, с золотистыми, светящимися волосами и очень светлой кожей, к которой никогда не пристает загар, так огрубляющий кожу блондинок. На ней простое, но очень милое платье под цвет ее глаз. Взор ее затемнен длинными, загнутыми ресницами, а на левой щеке очаровательная ямочка дополняет правильный овал ее милого лица. Она напоминает мне полевой цветок или едва раскрывшийся бутон розы. Танцует она весело и живо, как-то по-детски; настоящей женственности в ней еще нет. Танец радует ее — и только, она не переживает его, и танцующие с ней понимают это и ценят в ней милую партнершу, с которой не желательно танцевать более задушевные танцы...

Надушена она не духами, а чудесным лосьоном "Violette des Bois" от Пино. Тонкая нежность ее девичей благоуханности ярко сплетается с благородной свежестью лосьона, и создается незабываемый образ в акварельно-голубых тонах восемнадцатого века.

Потушены главные люстры. Освещение зала стало интимнее; медленно, замирая и плача, пропели скрипки первые аккорды танго. Танцующих стало меньше, легче следить за скользящими парами, наблюдать и делать заключения...

Танго выдает взаимоотношения людей более других танцев. Вальс зовет к полету, веселью, жизни. Он выражает силу, самостоятельность. Танго же полно тихой грусти, задушевности, слабости... Впрочем, в 1918 году для исполнения этого танца еще требовались сложные па, и это несколько смягчало беспомощную грусть сопровождавшей его музыки.

Но вот одна из самых красивых пар этого вечера. Они оба — восточные люди, смуглые, крупные, с тонкими талиями. В его улыбке таится что-то хищное и неспокойное. В ее огромных миндалевидных глазах горит опасный огонь, во взгляде — притупленность и страстность. Смуглый цвет ее кожи привлекателен, прелестен правильный овал лица и маленький, яркий, чувственный рот. В семнадцать лет она уже настоящая женщина в полном расцвете своей красоты, но кажется, что пройдет совсем немного времени, и она пополнеет, расплывается и огрубеет... Танцует она превосходно. Видно, что они станцевались, ибо каждое их па, каждый поворот полны тончайшей согласованности. Но моментами держится она слишком близко, и в эти мгновения она отдается власти своего партнера и не скрывает этого.

Темно-красное шелковое платье оттеняет ее смуглую кожу и иссиня-черный отлив волос, и льется от нее могучей волной смущающий и дразнящий аромат. Это "Heure Bleue" от Герлена; у нее эти знаменитые духи достигают максимальной силы. Уже и без духов — на прогулках, у моря и особенно под вечер — запах ее вызывающе крепок, и есть в нем что-то от восточной пряности, и присущий ей от природы аромат могуче дополняется духами того же тона.

И прелесть ее совсем не семнадцатилетней девушки, а настоящей женщины; вероятно, такое же очарование было у нашей прародительницы Евы после вкушения от древа познания добра и зла...

За танго опять следует танго. Бал достиг своей кульминации. В замедленном повороте красиво проходит Анна со стройным, интересным юношей, совершенно ею очарованным. Маленькая, стройная, чудесно сложенная шатенка с зелено-коричневыми

глазами, она невольно притягивает взгляд. Ее небольшая красивая рука с несколько удлиненными ногтями грациозно лежит на плече кавалера. Прелесть ее тоже нерусская. Много сотен лет назад ее предки пришли из Азии на служение Русской земле и, потеряв всякую связь с Востоком, стали совершенно европейцами. Она же словно сошла с древней гравюры, чтобы напомнить о связи своего рода с бесстрашными завоевателями Чингисхана, покорителя вселенной...

Замирают движения танго, плачут скрипки, сближаются головы танцующих, и в глубокий плен тонкой благоуханности Анны заключается стройный паж. Она надушена только что прибывшими из дамского Парижа "Mitsouko" от Герлена, который как бы создан для нее. У нее этот шипр амброво-фруктового характера приобретает необычайную прелесть, и аромат его то тонко сплетается с ее собственной благоуханностью, то вдруг ярко и мощно отрывается и развивается в собственной душистости...

Танцуют они такой трудный танец, как танго, безукоризненно: сдержанно, строго и легко, и вместе с тем как полна она прелестной женственной грации и как хорош ее кавалер!

Оркестр отдыхает. Приносят угощения, напитки. Молодежь — кто стоит, кто сидит. Все оживленно разговаривают, ожидая новый танец; антракт продолжается недолго. Музыканты рассаживаются, настраивают инструменты и для начала играют веселый фокстрот. Пара за парой вступают в танец, доступный всем своей простотой.

Среди массы танцующих резко выделяется новая пара, вызывая невольное восхищение. Он — высокий блондин, северный красавец с серыми глазами и милой улыбкой. Его дама тоже высокого роста, чудесно сложенная, с копной великолепных рыжих волос и удивительно нежной, чистой кожей. У нее правильный овал лица, большие зеленые глаза и четко очерченный рот. Огнем веет от ее красоты и аромата, который притягивает мужчин и не нравится женщинам. И кажется, что благоухание это близко древнему хаосу, что таится в душе

каждого смертного. Страшно приблизиться к нему. Надушена она прославленным "Origan" от Коти, который так ей идет. Элен знает свою власть, но не злоупотребляет ею, так как дополняет ее красоту и ум, и доброе сердце. Только ложь да клевета заставляют вспыхивать ее глаза, загораться зеленым светом, и она умеет оборвать, остановить и смутить виноватого...

Блестящим мигом проносится танец за танцем, но вот наконец и последний — полька-бабочка.

Весь зал наполнился танцующими, и все лица искрятся улыбками и задором. Наблюдения мои закончены, так как и я в золотом плену. Ласково светятся карие глаза моей дамы, и мне кажется, что кругом весна, хотя за окнами декабрь...

Имя Веры горит во всех моих помыслах и мечтах, а тут и она сама со мной в нежной близости танца. Счастьем веет от нее, от ее духов, от милого образа. Танцует она легко и музыкально, и чудится мне, что мы составляем одно целое.

Вера — светлая шатенка с золотистым отливом и чудесной кожей. Нежная прелесть ее благоуханности напоминает мне аромат чайных роз. Зная, как дорога мне, она лишь слегка надушилась своими любимыми духами "Quelques Fleurs" от Убигана. *"За ушком только"*, — мило сознается она мне. Это так хорошо оттеняет ее!

Близость, аромат, танец дают мне такую полноту счастья, что слова бледны это выразить...

Константин Веригин - доброволец лейб-гвардии конно-гренадерского полка (1919-1920).

Полькой-бабочкой заканчивается вечер. Мы выходим. Горы, море, сады утопают в лунном сиянии. Экипаж ожидает нас у подъезда. Быстро уносят нас добрые кони, и сказочность продолжается в поездке в горы, по дороге в Учан-Су.

Лесков в "Островитянах" дает замечательное определение духов. *"Понюхай-ка*, — сказал, завидя меня и поднимая муфту, Фридрих Фридрихович. — *Чем, сударь, это пахнет?* Не понимая, в чем дело, я поднес муфту к лицу. Она пахла теми тонкими английскими духами, которые, по словам одной моей знакомой

дамы, сообщают всему запах счастья. *Счастьем пахнет,* — отвечал я, кладя на стол муфту. *Да-с, вот какие у Роман Прокофьича бывают гости. От них счастьем пахнет..."*

Эти слова были написаны в прошлом столетии. С тех пор, пользуясь открытиями химии, ароматическое искусство сделало огромный шаг вперед и дало миру целый ряд замечательных духов. С начала нашего столетия гегемония в искусстве аромата перешла во Францию и утвердилась в ней благодаря исключительному таланту ее парфюмеров, сумевших наиболее тонко, гармонично и оригинально слить искусственные и натуральные благоуханности. И французские парфюмеры, создавая свои духи, увеличивая красоту мира и радуя человека, подтверждают слова Лескова о счастье. Они дают его. Они приносят счастье, которое так необходимо каждому из нас, особенно теперь, когда жизнь в больших и душных городах все больше лишает человечество чистого и благовонного воздуха лесов и полей. Действие аромата на человеческий организм сложно и многообразно, но особенно сильно способствует оно полету фантазии... Так благоуханность духов как бы окрыляет мечту, преображая жизнь, унося от повседневной серости.

Если же переживаемый момент сам по себе полон яркости, то, обрамленный ароматом, он особенно сильно запечатлевается в памяти. И годы не только не могут его стереть, но, наоборот, в старости он становится еще ярче и рельефнее, подобно последним цветам осени. Но аромат осенних цветов всегда как бы пронзен землистой горечью, тогда как воспоминания овеяны сладостной грустью. Беззлобность, бестелесность этих воспоминаний помогают стареть, спокойнее уходить от жизни. Вспомним Тютчева, который полагает, что сама природа в своих звуках, красках и благоуханиях готовит человека к переходу в иной мир. Голос природы и дыхание ее даже утишают смертную муку, услаждают само расставание с жизнью.

Как ведать? Может быть, и есть в природе звуки,

Благоухания, цвета и голоса,

Предвестники для нас последнего часа

И усладители последней нашей муки.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Благоуханность. Конец первой части.

Цветов и неживых вещей

Приятен запах в этом доме.

А. Ахматова.

Предыдущей главой хотел я закончить первую часть моей книги и начать во второй ее части разбирать саму работу в парфюмерии. Но воспоминания бала вызвали во мне целый рой иных воспоминаний, длинную вереницу забытых лиц и событий. Памятные встречи, знакомства, переживания кажутся особенно значительными в молодости, и, вероятно, основным фундаментом нашей жизни являются впечатления, накопленные до двадцатилетнего возраста. Тогда даже мимолетные знакомства не лишены значения. С каким вниманием дети, особенно самые маленькие, разглядывают новые лица, словно взвешивают их на весах, определяют свое к ним отношение. Впрочем, и у взрослых первое впечатление часто является верным. Симпатии и антипатии людей, как и инстинкты животных, предупреждают их, ограждают, и считаться с ними следует как с неведомой нам, но реальной силой. От чего зависят эти симпатии? С какими чувствами связаны они? Думается мне, что со всеми: голос человека, движения его, выражение глаз, улыбка не воспринимаются ли нами так же остро, как пожатие его руки или запах его одежды? Нередко женщины как существа более восприимчивые, доверяющие непосредственному чувству, инстинкту разбираются в людях лучше мужчин, особенно молодых, еще лишенных опыта, но привыкших анализировать свои чувства. Все мы принадлежим по рождению к определенной расе, народности, общественному кругу; все одарены различными физическими и душевными особенностями. Но во всех условиях жизни, во всех расах и народностях человек может искать мир душевный и открывать истиную, глубинную красоту жизни. Как найти ее? Думается, что отсутствие гармонии в музыке, нервные, резкие движения, крикливое сочетание красок, ломаные линии, терпкий и горький вкус да неароматные, неприятные запахи никак не вяжутся с чувством красоты. И если человечество начинает любоваться ими, не является ли это признаком неблагополучия, общего упадка?

Правда всегда прекрасна, тиха, гармонична и благоуханна. Ложь, эгоизм, скупость, жестокость и разврат несут в себе запахи разложения. Никакие ароматы, никакие духи не могут скрыть их и уничтожить, и не в дуновении ли тихого ветра открылся Бог Моисею!

Итак, воспринимая ароматы, разлитые в природе и людях, мы незаметно подошли к самой сущности нашей жизни, к внутреннему благоуханию души. Материалистический мир, весь погруженный во внешнюю, шумную жизнь, забыл собственную душу. Да и не только те, кто из всего человечества хочет сделать бездушный материал, навоз для удобрения будущего утопического мира, но и те, кто, веря в иные ценности, все же ищет оправдания себе, своим слабостям и грехам в условиях окружающей жизни, — все они забывают о великих возможностях всякой души человеческой. Войти в себя, смириться, познать собственные недостатки — и весь мир Божий откроется нам в свете любви. Окружающим станет легко с нами, и сами они захотят мира и любви, так как тот, кто преобразил свою душу, преображает и близких ему людей.

Оттого-то так хорошо искать дружбы со светлыми людьми, молитвенно связанными с Богом.

Увы! Нередко внешняя воспитанность, внимательность и просто тонкая лесть не позволяют нам видеть истинной сущности человека, и мы вверяем себя тому, кто живет совсем другой, чуждой нам жизнью. Но как же сделать правильный выбор? Не является ли путь инстинкта, симпатии, притяжения самым простым и верным? Каждому человеку присущи своя аура, своя атмосфера, свой аромат. Эта аура может притягивать или отталкивать, и наша душа, отдаваясь непосредственно своему чувству, без умственного осуждения, без сухости сердца может почувствовать радость от общения с близкими по духу людьми. В чем только не выражается эта атмосфера! Уже при самом входе в жилище мы чувствуем его обитателей. Светлой, теплой благожелательностью дышит передняя добрых и милых людей. Если они небогаты, эта бедность не бросается сразу в глаза и не замечается нами. Помещение же людей эгоистичных и

неприветливых, даже красиво и богато убранное, встречает холодно, сдержанно и как-то скучно.

Конечно, и чисто материальные, бездуховные условия имеют также огромное значение в ароматической приятности помещения. И первым из них является чистота. Однако в соблюдении ее нужна осторожность. В прошлом столетии чистота была всегда благоуханной, но в настоящее время это не так. Рынки и магазины наводнены таким количеством дешевых химических продуктов: хлорных вод, феноловых мыл, мастик для полов и мебели на дурно пахнущих керосиновых основах, различных дезинфицирующих жидкостей и порошков, — что большинство этих продуктов постоянно отравляют атмосферу домов.

Впрочем, свежее дыхание дома зависит главным образом от самой постройки его. От подвала до чердака, от канализации до тяги печной трубы — все должно быть сделано добросовестно и из хорошего материала. Освещенность, размер и количество комнат в отношении к населяющим их людям тоже имеют немалое значение. От расположения их и особенно кухни, от ее изоляции от других комнат и хорошей тяги очага зависит в наибольшей мере вся благоуханность квартиры. К сожалению, даже в новых, удобных и хорошо построенных домах на эту сторону дела обращается недостаточно внимания и нередко уже в передней вас встречает ужасающий запах жареной рыбы или вареной капусты.

Одной из главных комнат квартиры является спальня — комната для сна и накопления новых сил. Никогда не следует преображать ее в салон для приема гостей или в помещение, где проводится большая часть дня. Атмосфера спальни должна быть пронизана духом чистоты, свежестью и полумраком в яркие летние дни, светом и легким, сухим теплом в холодную зимнюю пору. Вечером белоснежные простыни должны манить ко сну своим ароматом. Выстиранные простым и хорошим мылом (типа марсельского), без всякой примеси хлорных или других химических продуктов, просушенные на свежем воздухе и в лучах солнца, они сами впитывают в себя свет и воздух и способны дать отдых и сон спящему на них человеку. Как радостно бывает в деревне ложиться на такие свежие, славно пахнущие простыни и

как малопривлекательна постель, отдающая химией. Увы! Даже в зажиточных домах и дорогих отелях это приходится испытывать все чаще...

Атмосфера квартиры связана и с деревом ее лестницы, паркета, дверей и окон, и с качеством обстановки, и с облицовкой стен и потолков.

Так, дух дубового вестибюля с дубовой лестницей необычайно прятен. Дуб — благороднейшее дерево Европы, и запах его полон тончайшей, строгой благоуханности мужского характера. Однако это первое впечатление строгости быстро сменяется чувством благожелательного радушия, чем и объяснится неизъяснимый шарм старинных дубовых столовых, где так славно пролетело немало часов моей жизни среди близких сердцу людей.

Иное чувство вызывает гостиная из карельской березы с окнами и дверями того же дерева. Веет от нее чем-то солнечным, девственным, светлым, чем-то веселым, как и сам цвет ее обстановки.

А сколько прелести в будуаре из ценного розового дерева с дорогими шелками пастельных тонов, где на фоне аромата цветов и духов чувствуется милая благоуханность хозяйки!

И как замечательно дыхание кабинета-библиотеки с его мягким ковром и массивными шкафами, в которых дремлют многочисленные фолианты в тяжелых кожаных переплетах. Вокруг на стенах висят портреты и картины в ценных рамах, и от них веет особой музейной душистостью. Перелистаешь страницы, и поднимается знакомый сухой запах, близкий сердцу всех любителей книг. Большой письменный стол с бронзой, канделябрами и несколькими фотографиями или миниатюрами; большая тахта, укрытая ковром, что-то мускусное в воздухе, призывающее к действию, вдохновляющее мысль; тонкий запах табака и сигар в часы беседы; аромат пылающего камина в зимние дни; благоухание черного кофе, коньяка, ликеров... Мужской угол, на фоне которого женская прелесть еще

обаятельнее.

И вот, удаляясь в глубь детства, еще одна яркая величественная картина встает передо мной. И вся она пронизана ароматом. Вижу себя маленьким кадетом Второго Петербургского корпуса при посещении Зимнего дворца. Анфилада великолепных комнат. Но не великолепие залов и гостиных сохранила моя память, а удивительный аромат, царивший в них. Это был живительный еловый запах на фоне чего-то драгоценного и утонченного. Словно пахло всем богатством великой Империи, всеми произведениями искусств, собранными здесь. Могучей, великодержавной приветливостью был преисполнен аромат, и во все время посещения дворца это впечатление не покидало нас.

А вот и другое воспоминание, более скромное, но полное очарования. В Ялте нашими близкими соседями и друзьями были княжны Елизавета и Вера Петровны Багратион. Их небольшая, всего в восемь комнат, деревянная дача была очень красиво и уютно обставлена. Несмотря на огромное количество кошек, собак и птиц, дом встречал благожелательным сдобным ароматом. Княжна Вера — младшая из сестер и покровительница всякой твари Божией — была чудесной хозяйкой: необычайно хлебосольной и гостеприимной и как-то вся светилась приветливостью и подлинной добротой. Княжна же Елизавета, деятельная, умная, горячая, прошедшая всю войну 1914 — 1918 годов на передовых позициях сестрой милосердия, отдавала всю свою жизнь больным и несчастным. Она тоже была приветлива, но с ноткой строгости, без женственной доброты княжны Веры.

Вспоминается их большая желтая гостиная с цельным окном во всю стену, выходящим на море, с родовыми портретами в золоченых рамах, среди которых выделялся своей работой портрет их деда, генерала князя Багратиона, героя войны 1812 года. Эта гостиная во всякое время года была полна цветов. Пахло ими, хорошим деревом обстановки и чем-то своим, очень светлым и благородным.

В маленькой же диванной царила совсем иная атмосфера. Низкие татарские тахты, столики с инкрустацией, ковры на полу и стенах (так ясно помню всадников с изогнутыми луками!) — все вещи, находившиеся в этой комнате, были подлинные, восточные. Здесь всегда стоял низкий, густой, пряный аромат, и так хорошо

звучала гитара, и тревожили сердце напевы цыганских песен.

А в большой гостиной мне не раз доводилось слушать серьезную музыку в прекрасном исполнении. Особенно запомнилась великолепная игра пианиста Николая Орлова.

И каждый уголок этого дома и большого сада дышал гостеприимством. Здесь всякий чувствовал себя на высоте, проявлял себя с лучшей стороны под лучами улыбки милой, доброжелательной княжны Веры да под внимательным и ясным взглядом старшей княжны. (Мне приходилось и потом встречать совсем особое очарование пожилых барышень-сестер, проживших всю жизнь вместе и дополнявших друг друга. Замужние женщины часто не успевают читать, думать, развивать свою душу. Они уходят с головой в семью и застывают в семейном эгоизме. Девушки же, умеющие стареть без горечи и скуки, бывают такими добрыми друзьями, такими сокровищницами духа.)

Душилась княжна Вера модными в то время духами "Vera Violetta" от Роже и Галле. Этот свежий и веселый аромат очень шел ей. Он как бы передавал ту непосредственную живость, какой искрилась она сама, дополнял ее и сливался с атмосферой этого милого дома.

Совсем иное впечатление производили дома некоторых других моих знакомых. Помню чопорную старуху лет шестидесяти и ее племянника под пятьдесят. Мать очень их уважала и несколько раз в год возила нас к ним, несмотря на наши протесты. Племянник был милый, простой человек, но тон всему дому задавала она, дама, любезная на людях, но всегда всем недовольная среди близких. Людям этого типа свойственно все критиковать, делать всем замечания, придираться к мелочам, не допускать мира в своей семье. Занимали они обширную квартиру, окруженную тенистым садом, но казалось, что воздух не проникал в нее. Гнетущая атмосфера охватывала нас у самого порога, и не хотелось улыбаться, говорить, дышать... Вполне приличная обстановка казалась застывшей. Умирание брюзжащей старости покоилось на всем. С нами, детьми, она была любезна, но мы только и мечтали об окончании этого визита, о свежем воздухе улиц... Другой дом был еще нестерпимее. Там жили люди

знатные и богатые, но все же определенно (для меня) неблагородные. Они часто и долго путешествовали, многих встречали, но единственным их интересом были сплетни и пересуды. Многие знали об этой их страсти, и все же появление их в городе являлось началом ссор и недоразумений между многими семьями, прежде дружными между собой. Богатство и положение в свете спасали их от бойкота, но, несмотря на изысканность обстановки, дух их дома был невесел. Пахло сплетнями, недоброжелательством, и приличные люди не засиживались у них.

Совсем исключительное место среди моих знакомых и друзей занимала семья Мещеряковых, Состояла она из матери-вдовы, трех сыновей и дочери. С младшим из сыновей — Владимиром — пришлось мне пройти весь курс ялтинской гимназии, и я сохранил о нем самую светлую память. Чудесный товарищ, лихой гимнаст, один из первых учеников класса, он имел открытое, интересное лицо, и весь класс любил его за выдержанность, услужливость и приветливость. Он и ввел меня в свою семью, когда мы уже почти заканчивали гимназию. Жили они небогато, но все же с достатком. Мать была настоящим другом детей, всю себя им отдававшим и всегда умевшим разговаривать с ними и понимать их. Да и дети относились друг к другу с таким же вниманием, интересом и уважением. Никогда ни в какой семье я не встречал такого благожелательного уважения друг к другу, и вся квартира их благоухала глубокой и светлой молодостью.

Мир, наполненный светом, дружелюбие, но не обращенное на себя, а открытое всему возвышенному и прекрасному — жизни, науке, искусству, святости.

В их доме бывали лишь друзья, и у них всегда было весело, интересно, занимательно...

К чаю не подавалось дорогих тортов, все было домашним, вкусным и разнообразным. И подано было хорошо, а на буфете, между блюдами с едой, всегда стояли изюм, миндаль, орехи и пастила для молодежи дома. И пахло так приятно! Перед праздниками в спальнях теплились лампады; слышалось потрескивание фитилей, чуть пахло маслом с примесью тонкой

душистости церкви...

Вера, единственная девочка в семье и самая младшая из детей, была блестящей ученицей, но это не мешало ей быть милой, простой и приветливой. Но самым выдающимся был старший из братьев, Александр, человек высокой души, светлого ума, обладавший абсолютной памятью. Он был много старше нас, и я хорошо узнал его лишь в 17-м году, когда, по слабости здоровья, ему пришлось приостановить учение в Московском университете и переехать к матери в Ялту. Он был высокого роста, с правильными чертами лица, с незабываемыми глазами. Говорил он замечательно сжато, ясно, убедительно. Все прочитанное навсегда им запоминалось, и так как в эти годы все его интересовало, то эрудиция его была огромна. Он был так же силен в математике, физике, химии, как в философии, истории, литературе; был блестящим шахматистом, любил и понимал серьезную музыку. Получив классическое образование, он был большим поклонником античного мира и античной красоты.

В его устах жизнь Эллады оживала перед нами, и, казалось, ее солнечная благоуханность нисходила на нас. Он любил прогулки в горы, и среди скал и сосен мы часто просили его почитать нам стихи. Он помнил и знал наизусть и классиков и новейших поэтов и часто завораживал нас ритмичной гармонией слов. И было в нем особое понимание нас, своих друзей, так как умел он прочитать именно то, что нам хотелось услышать... Читал он стихи просто, без эффектов, но каждое слово жило, звучала музыка строф, и мысль выделялась ясно и глубоко.

Во время ночных прогулок, когда так сильно благоухают земля и ночные цветы, он любил говорить о звездном небе, показывая нам созвездия, рассказывал связанные с ними легенды, и, слушая его, мы жили глубокой, полной и такой красивой жизнью.

Многим обязан я этой семье, и особенно тем, что только у них я понял, что значит мир, любовь и взаимное уважение членов семьи между собой. Только такие отношения рождают полную гармонию семейного очага, но встречаются они нечасто.

Революция уничтожила семью Мещеряковых. Владимир не пережил 20-го года, Александр — 26-го, но память о них неизменно ярка в моей памяти.

Среди многочисленных знакомых матери особое место занимала госпожа Х. Жила она в Ялте не круглый год, ни от кого не зависела, визитов не придерживалась, бывала лишь у милых людей. Тонкая, сухая, всегда в строгом костюме, уже немолодая, но энергичная и живая, она была отличной наездницей, и я часто любовался ее великолепной посадкой в седле, когда она выезжала в горы в сопровождении татарина-проводника, который ехал от нее на почтительном расстоянии. Дом ее находился на самом высоком месте города, и вид из него был замечательно красив. Все в доме было продуманно и удобно, так как строился он по ее собственным планам и указаниям. Сад был полон роз, за домом расстилался виноградник... Попал я к ней впервые холодным зимним днем, и сразу же обдало меня радостным и приветливым теплом: вся середина вестибюля была занята монументальным камином из темно-красного гранита и в нем весело пылал огонь. Пахло горящими дубовыми дровами — тончайшим ароматом зимы. Большинство деревьев, сгорая, пахнут живительно и приятно, но дуб особенно тонок в своей благоуханности. Впрочем, хорош бальзамический запах солнечного дня елей и сосен, трескучесть березовых дров, восточный кадильный аромат кипариса...

Ко всем этим древесным сгораниям наше сознание относится доверчиво; мы замечаем их, входя в помещение, радуемся их теплу и душистости и потом спокойно их забываем, привыкая к ним. Совсем иное чувство вызывает в нас темный запах горящего угля и кокса: наше обоняние настораживается, подсознание как бы с недоверием следит за огнем, так как в запахе угля таится постоянная опасность, возможность отравления.

Как-то поздней осенью зашли мы с матерью к госпоже Х. Было еще не холодно, но день был сырой и туманный. И опять встретил нас веселый огонь и уют камина, только на этот раз горела виноградная лоза и пахло бодрящей осенью. И не только вестибюль, но и все комнаты, которые мне пришлось увидеть в этом доме, были хороши. Окна, двери, мебель, рамки картин и

фотографий — все было из светлого дерева. Вся обстановка поражала своей прямолинейной легкостью, и везде стоял удивительно приятный аромат. В светлой дубовой столовой, с несколько массивной мебелью, не висело никаких картин, но облицовка стен была из дуба; по стенам комнаты шла дубовая же полка, уставленная великолепной коллекцией серебряных кубков, чаш и ковшей. В выдержанном стиле этого дома преобладало мужское начало, что казалось странным для одинокой женщины. Быть может, в этой исключительной наезднице сказались черты амазонок древней Тавриды, гордых и мужественных. Да и легкий аромат, обвивавший ее, был скорее мужского типа: пахло смесью кожи, лаванды и табака, то есть именно запахом, который так хорошо дополняет облик элегантного мужчины.

Совсем еще недавно мало кто интересовался ароматами; говорить же о запахах человеческих считалось неуместным и невоспитанным. Не умея и не желая бороться с ними, человечество уподоблялось страусу, который думает, что никто не заметит его, если он сам не видит себя, спрятав голову под крыло. Доктор Монен был первым европейцем, посмевшим заговорить об этом. В своей книге "Les odeurs du corps humain" ("Запах тела"), выпущенной в 1885 году, он обстоятельно и интересно показал связь запаха с болезнью и дал в некоторых случаях советы о способах борьбы с этим злом. Но работа его пришлась многим не по душе и не имела заслуженного успеха. Лишь с открытием свойств хлорофилла американцы посмели заговорить о неприятных человеческих запахах и необходимости борьбы с ними. Коммерция подхватила это открытие, чуя возможность наживы. Официальная же медицина заняла выжидательную позицию, вместо того чтобы серьезно заняться этим вопросом. К сожалению, изыскания эти не могли быть доведены до конца, несмотря на очень большие затраты. Объясняется это тем, что до сих пор неизвестно, что есть запах и каковы законы его.

Вероятно, как только это будет выяснено, люди найдут способ улавливать и запечатлевать любой аромат или запах, возможность вызывать его вновь, как кинематографическая лента вызывает образ или граммофонная пластинка музыку. Это открытие будет иметь огромное значение для человечества, ибо оно позволит дать наконец оценку истинной сущности человека.

Аромат будет создан как некая духовная ценность, с которой прежде всего будут вынуждены считаться правители народов. Медицина же сможет наконец опереться на точные и ясные данные для успешной борьбы с болезнями, имея возможность следить за здоровьем человека с колыбели до глубокой старости.

ЧАСТЬ 2

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера. За границей.

Выхожу один я на дорогу.

Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит.

М. Ю. Лермонтов.

Прошло несколько лет, и моя веселая, беззаботная юность под влиянием пережитых ужасов войны и революции перешла в преждевременную зрелость. В октябре 1920 года началось наше изгнание из родной страны, которое не окончилось до сих пор. Константинополь — древняя Византия, турецкий Истамбул, русский Цареград — был первым городом, встретившим нас. Как радовался бы я великолепию его зданий, пастельным его тонам, красоте заливов и окрестностей, если бы не гнетущее воспоминание всего пережитого перед недавней эвакуацией! А вместе с тем и в ней была своя радость, нежданная и большая. На корабле, предоставленном остаткам корпуса генерала Барбовича, к которому я принадлежал, удалось мне встретиться с матерью и сестрой. Посадка происходила в Ялте. Ярким, солнечным осенним утром любовался я в последний раз красотой родного моего города, его дачами, садами, парками, лесистыми склонами гор.

Шесть месяцев провели мы в Константинополе. Есть ли еще какая столица в Европе с таким чистым, прозрачным, живительным воздухом? В нем запах моря и цветов, как и на южном побережье Крыма, но с оттенком иным — восточным, пряным...

О запах пламенный духов!

О шелестящий миг!

О речи магов и волхвов!

Пергамент желтый книг!

А. Блок.

Константинополь был переполнен тогда союзными войсками, оккупировавшими Турцию, и многочисленными частями Добровольческой русской армии. Казалось, что турок даже меньше, чем иностранцев, но в то время они еще носили красные фески, и их нельзя было не признать и не выделить взором. Нам они очень понравились благообразием, чистотой, сдержанностью; о других жителях города это не всегда можно было сказать.

Среди целого ряда ярких воспоминаний о Турции всего более запомнились мне ее чудные мраморные бани, полные чар востока. Приятный запах душистого пара и струящейся воды встречает вас у самого входа. Пахнет ценным заморским деревом с легким пряным оттенком, благоуханностью бензойного ладана, тонким ароматом кожи... И когда, раздевшись, я оказывался в самом помещении бани, меня охватывали атмосфера удивительного благорасположения, тишины, приятности да еще чувство чего-то очень настоящего, словно находишься у самых истоков жизни. Мрамор согрет потоками горячей воды; сидишь на нем, и лень двинуться, повернуть голову; истома охватывает душу, но тело кажется легче, и мускулы играют под кожей. Заканчивается баня традиционной чашечкой крепкого турецкого кофе. Я стараюсь пить маленькими глотками, как настоящий правоверный турок. Навсегда запомнился мне запах этого кофе, смешанный с душистым паром...

Теплая осень, мягкая зима с двумя-тремя полуснежными днями, начало чудесной весны, Пасха — и мы уезжаем втроем в Югославию, в Белград, новую страну наших скитаний. Помню дорогу в теплушках с настежь открытыми дверями. Поезд движется медленно, стоит на всех полустанках, среди поля. Сестра сидит со спущенными на ступеньку ногами, выбегает на насыпь, рвет охапки цветов. Зажатые между сундуками и чемоданами, отгороженные семья от семьи перекинутыми через

веревки одеялами, мы все же радуемся и этой новой весне, и теплому ветру Балкан.

Но в Белграде остаемся мы недолго: друзья находят нам квартиру в Панчеве, банатском городке на берегу Тисы. В то время почти вся Югославия жила сельским хозяйством, заводов было мало, автомобили встречались нечасто и дышалось вольно, всей грудью. Девять месяцев прожил я в этой гостеприимной стране, ожидая французскую визу. Во Франции хотел я закончить свое высшее образование. И вот в самом конце 21-го года виза пришла. Оставив мать и сестру в Банате, уехал я в Лилль, где поступил на химический факультет Католического университета. Начинался новый период моей жизни.

Лилльскую группу русских студентов создала и возглавила Варвара Николаевна Лермонтова. Содержание наше было оплачено частично католической иезуитской организацией, частично американским комитетом, во главе которого стоял мистер Томас Вайтмор.

Лилль поразил меня своей мрачной серостью, металлической сыростью, неприятными запахами угля и бензина. Мне, жителю южного Крыма с его садами и парками, трудно было поверить, что все деревья этого города, несмотря на постоянные дожди, покрыты густым слоем копоти... Как-то перед пасхальной заутреней поручили мне нарезать веток и цветов, чтобы украсить нашу домашнюю церковь; как же потом, слезая с дерева, я был озадачен своими черными от сажи рукам...

Днем жизнь в городе кипела, но оживление это было каким-то невеселым; к десяти часам вечера все улицы вымирали и только в самом центре города продолжалась какая-то жизнь. Но для серьезного учения лучшей обстановки не следовало и желать.

Мы жили все вместе в большом доме, окруженном садом. Католическое окружение и местное общество относились к нам внимательно и хорошо. Вероятно, этим мы были главным образом обязаны Варваре Николаевне Лермонтовой, ее такту и умению обращаться с людьми.

Пожилая, высокая, белоснежно-седая, с благородным лицом и сдержанными манерами, была она гранд-дамой и умела использовать это. Те же, кто знал ее ближе, не могли не ценить ее бесед, шарма и сердечности.

Многочисленные лекции и практические занятии в университете, многочасовые сидения за рабочим столом дома заполняли все наши дни и вечера. Лабораторные занятия меня мало привлекали из-за царящих там химических запахов, но я работал почти ежедневно, надеясь, что это лишь ступени, ведущие меня в желанный мир духов.

В часы отдыха, несмотря на то что почти всем нам было за двадцать, мы веселились, шумели и возились, как дети. У всех завязались знакомства с французами, переходившие порой в настоящую дружбу. Наиболее милое и теплое отношение встретил я в многочисленной семье Леклер. Анн, одна из дочерей, узнав, что во время летних каникул я мечтаю поработать в одном из парфюмерных Домов, напечатала и разослала мою просьбу в целый ряд парижских Домов. Один из них откликнулся. И меня взяли на месяц и даже предложили зарплату в 300 франков.

Этот Дом назывался "Marquize de Luzy" и находился в Нейи, почти на самом берегу Сены. Я переехал в Париж и поселился за 100 франков в месяц в маленькой гостинице возле завода. Оттуда я с большим воодушевлением начал ходить на службу. Как часто встреча с долгожданной мечтой разочаровывает нас! К счастью для всей дальнейшей моей жизни, со мной этого не случилось: работа меня сразу же захватила. Интерес мой к миру душистости рос изо дня в день, а у "Marquize de Luzy" встретил я такое милое внимание, что лучшего трудно было желать. С особой радостью и благодарностью вспоминаю я мадам Симону Гемонель, Алексея Александровича Березникова и мсье Фрайса.

Мадам Гемонель была молодой очаровательной женщиной, полной жизни и мечтаний. Ей обязан я знакомством с азами парфюмерного искусства, основными сведениями о духах и

различных душистых веществах, в них входящих. Она любила чтение, поэзию, верно чувствовала элегантность, угадывала направление моды, безошибочно разбиралась в лучших творениях парфюмерии, и ее замечания были красочны и забавны.

Алексей Александрович Березников был милым, душевным человеком. Революция лишила его состояния и положения, и на старости лет ему пришлось довольствоваться очень скромным местом; но ничто не изменило его благожелательного и приветливого характера. Его рассказы и воспоминания о прошлом были полны доброго юмора и тонкого знания людей.

Парфюмер Дома мсье Фрайс тоже был ровным и приветливым человеком, знающим и опытным; я очень ценил все его технические замечания. К сожалению, его посещения завода были весьма кратковременны. Моя работа по химической части была несложной, и я успевал помогать в приготовлении душистостей и знакомиться с различными ароматами, их составляющими.

Тогда же встретился я и с сыном мсье Фрайса — Юбером. Он скромно начинал в то время свое собственное дело, названное "Synarome". Мы сразу же почувствовали симпатию друг к другу, и наши добрые отношения продолжаются и поныне. Он был образованным химиком и очень открытым человеком. Его теория духов была глубокой и оригинальной; в работе был он настойчивым и терпеливым, и начатое им дело с годами блестяще развивалось. Началом его работы было создание синтетических ароматов ярко "звериного" характера: он предвидел, что передовая парфюмерия пойдет именно в этом направлении. После первых же бесед с ним я понял правильность его предложений и выводов и много лет спустя не раз вспоминал наши давние разговоры...

Месяц пролетел быстро, хотя жить мне пришлось нелегко на мои 300 франков среди всех парижских соблазнов. Вернувшись в Лилль, я с удвоенной энергией принялся за науки. Париж наполнил меня новыми силами, надеждами и мечтами. Зато пришлось оставить чтение всех посторонних книг и целиком отдаться занятиям. Июль 24-го года выдался жарким и грозовым,

что не облегчало нам сдачу экзаменов, но вот последнее усилие — и с дипломом инженера-химика я уехал из Лилля в Париж.

К тому времени мать и сестра тоже переехали из Сербии во Францию и поселились в предместье Парижа — Кламаре. Уже в то время там жило немало наших русских друзей. Моя встреча с родными была радостной. Наконец-то мы были вместе и, думалось мне, навсегда. Я сразу полюбил Париж и старался изучить его. Меня пленила легкость его пропорций, воздушность домов, манера жизни, элегантность женщин, их шарм, умение одеваться, носить меха, пальто и платья, удивить шляпкой, привлечь ароматом духов...

В том году были в моде "Paris" от Коти. Вся молодежь пользовалась ими. Это были недорогие духи, но в них с редкостным мастерством была разработана и выявлена весенняя звонкость душистости. Они искрились благоуханной свежестью ландыша в сочетании с тонким ароматом сирени, дополненным чем-то еще, светлым и радостным. Шли месяцы. Я старался найти работу в парфюмерных Домах, но тщетно. Надо было иметь надежные связи, а у меня их не было. Парфюмеры боятся брать новых людей, так как вся их работа основана на тайне; люди же непроверенные (особенно опасны химики) могут похитить формулы духов, передать их конкурентам или использовать сами. Опасно пускать нового человека в лабораторию Дома, его "святая святых". Только родственные гарантии или могущественная рекомендация могут открыть химику доступ к действительно интересному делу.

И счастье улыбнулось мне случайно. Как-то раз сестра зашла к Нарышкиным, а сразу после ее ухода к ним пришел старый барон Фитенгоф-Шель. Хозяйка пошутила: *"Что же вы, барон, опоздали. Пришли бы раньше и познакомились с прелесной Ольгой Веригиной"*. Барон заволновался: *"Как вы назвали ее? Чья она дочь?" — "Миши Веригина". — "Да ведь это мой двоюродный брат — моя мать была сестрой его отца"*.

На другой же день мы получили милое письмо от Нарышкиных, и это позволило нам встретиться и познакомиться с бароном Фитенгофом. До революции он жил либо в Санкт-

Петербурге, либо за границей, на юге России не бывал, и мы знали о нем лишь по семейным фотографиям. Вскоре он приехал в Кламар с визитом к моей матери. Пожилой и грузный, но внимательный, веселый, умеющий вызвать на разговор и слушать, чарующий одновременно своим барством и простотой, он сразу же расположил нас к себе. Было интересно слушать его воспоминания о давно умершем отце, и оттого, что он так просто, по-детски, называл его Мишей, все в его рассказах становилось необычным. Во время обеда я открыл ему свои мечты, поведал о заботах и неудачах. Внимательно, не перебивая, выслушал он меня и с милой улыбкой обещал сделать все, что будет от него зависеть, чтобы помочь мне. И действительно, вскоре я получил от него письмо. Он направлял меня к графу Сергею Александровичу Кутузову на службу. Здесь же был и адрес Дома "Шанель" на улице Камбон. Ожидая приема, я впервые увидел духи этого Дома. Не предполагал я тогда, что большая часть моей дальнейшей жизни будет связана с ним.

Ждать пришлось недолго. Маленький грум с забавной важностью ввел меня в кабинет директора. Граф Кутузов обстоятельными, хотя и любезными расспросами как-то сразу заставил меня поверить в успех. На другой же день, с рекомендательным письмом от него, был я принят Эрнестом Эдуардовичем Бо. Он был в то время главным представителем "Hugues Ainй-Charabot" — крупной грасской фирмы по производству натуральной эссенции. Контора его находилась возле Мадлен, в самом центре элегантных модных Домов Парижа.

Молодая секретарша попросила меня подождать в небольшой приемной, более похожей на гостиную XVIII века, чем на бюро. Мне запомнился запах болгарской розы. Не успел я сесть, как отворилась дверь, и я услышал приветливый голос хозяина, говорившего на чистейшем русском языке, что меня очень поразило. Вслед за голосом появился его обладатель, среднего роста, плотный, с энергичным, властным и открытым лицом. В те годы я охотно занимался хиромантией и поэтому сразу же подумал: *"Вот соединение Марса с Юпитером, дерзновенного действия с умением закрепить победу"*. В дальнейшем я убедился, что мнение мое было верным. Эрнест Бо, соединявший в себе достоинства француза с широкой русской хлебосольностью, заслужил в первую мировую войну Военный крест и орден Почетного легиона, русский орден Святого Владимира с мечами и

бантом и английский Военный крест. И в его лице я впервые встретил истинного парфюмера, то есть творца нового и прекрасного в искусстве аромата. Созданные им для этого Дома "Шанель № 5" уже сделали его имя знаменитым во всей парфюмерии. Он первый сумел соединить в духах блистательную дерзновенность, переходящую в тонкий, безукоризненный пир чувств...

Пригласив меня перейти в свой кабинет, Эрнест Бо стал меня расспрашивать о моем образе жизни и полученном образовании. Окончание мной Лилльского католического университета пришлось ему по душе, и, прощаясь, он обещал уважить просьбу графа Кутузова, устроив меня на работу. Уверенность тона, в котором чувствовался искренний интерес ко мне, очень меня обрадовала. Я понял, что впервые имею дело с опытным человеком, непосредственно связанным со всей французской парфюмерией. Я ушел от него окрыленный, и предчувствие не обмануло меня.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Годы работы в парфюмерии.

Читатель, не случалось ли тебе вдыхать

В хмелю и в замедленном гурманстве

Эту крупицу ладана, наполняющую храм,

Или запах застарелого мускуса в саше?

Ш. Бодлер.

Весной 1926 года благодаря Эрнесту Эдуардовичу Бо я получил долгожданное место на парфюмерной фабрике. Заветная мечта моего детства исполнилась, и я был счастлив. Предо мной открывался мир ароматов и душистостей. Я знал, что мне предстоят долгие годы упорного и терпеливого труда, но работы я не боялся. Не многим дана возможность заниматься тем, что ими любимо, что их действительно интересует, и я принадлежал теперь к этим немногим счастливцам. И точно, работа в парфюмерии никогда не разочаровывала меня, напротив, мой

интерес к ней увеличивался, расширялся и возрастал. Снова, как в студенческие годы, надо было рано вставать по утрам, но теперь не казалось, что жизнь уходит напрасно, что делаешь что-то ненужное... Всякий день приносил нечто новое, и все казалось интересным.

Мы жили тогда в Кламаре. Я должен был идти пять минут до вокзала; десять минут поезд вез меня в Париж, на станцию Монпарнас; потом я спускался в метро и выходил на площади Конкорд, около которой, на одной из наряднейших улиц столицы, находилась моя служба. Несмотря на автомобили и автобусы, воздух города в те утренние часы казался благоуханным — столько хороших духов было на молодых женщинах, торопившихся, как и я, на службу. Для многочисленных парижанок несколько капель духов являются не ненужной роскошью, а необходимостью, законченностью их утреннего туалета.

В те годы, несмотря на то, что фабрика, в которой я работал, была уже известна всему миру, она занимала лишь большую квартиру в четырнадцать комнат на четвертом этаже барского дома, четыре из которых были отведены под производство и хранение душистостей. Весь персонал был молод; вас встречали веселые, приветливые лица, и день начинался легко и радостно. Переодевшись в белый халат, я быстро принимался за текущую работу и попутно нюхал, сравнивал, изучал, запоминал многочисленную гамму ароматов. На полках лаборатории, снизу доверху, стояли большие бутыли, маленькие пузырьки и металлические коробки с химическими душистыми солями; тут же в фаянсовых банках хранились различные маслоподобные благовония. В соседнем помещении стояли большие металлические чаны со спиртовыми красками; кроме них, стояли также духи, лосьоны, одеколоны, туалетная вода. Пахло от всего сильно, но при нормальном состоянии здоровья особого утомления эти запахи не вызывали. Конечно, с некоторыми из них, особенно с крепкими душистостями, необходимо было обращаться с особой осторожностью...

Производство духов осуществлялось в два приема. Первая часть приготовления так называемой отдушки происходила в лаборатории. Из несгораемого шкафа доставались расчеты с

нужной формулой, и по ней делались вычисления для производства указанного количества духов. Затем на большом столе, на котором находились точные весы, приготовлялись все необходимые душистости, входящие в данную формулу. Вслед за этим начиналось постепенное их взвешивание с проверкой каждого вещества обонянием. По окончании общий вес смеси также проверялся; после чего на паровой бане производилось растворение душистых солей и смол. На этом заканчивалась первая половина работы. Вторая заключалась в размешивании отдушки с соответствующим количеством спирта. Полученную жидкость оставляли для отстоя, после чего охлаждали до 4-5 градусов в специальных холодильниках и немедленно фильтровали. Замораживание делалось для того, чтобы духи никогда не мутнели под влиянием изменения температуры и оставались всегда светлыми и прозрачными. С этого момента духи считались готовыми для разлития по бутылям и для продажи.

За мое 35-летнее пребывание в этом Доме мне пришлось не раз менять место работы, но больше всего мне полюбилась служба на фабрике, и это несмотря на то, что мне нужно было ехать туда целый час в душном метро от Отэя, куда я переселился из Кламара, до пригорода Парижа, где она находилась. Объясняю я это той удивительно дружественной атмосферой, которая царила среди всех работавших в отделе отдушек. Трое молодых лаборантов были веселы и благожелательны друг к другу, что не так уж часто встречается в жизни или на работе.

Старшим из них был Жильбер Ж., небольшой стройный брюнет с интеллигентным лицом. Он любил напоминать нам в шутливой форме о своем нормандском происхождении, настаивая на том, что он бесстрашный потомок славных викингов (варягов). Он много читал, любил поэзию и был приятным собеседником. Несмотря на худощавость, любил выпить, закусить и отлично разбирался в винах. Работником он был замечательным — быстрым, точным, неутомимым. И вне работы мы чувствовали его нашим добрым товарищем, полным фантазии и задора. Он обладал небольшим, но верным голосом, репертуар его песен порой бывал крайне несерьезен, но он умел веселить нас неожиданными концовками своих песенок. Сослуживцы относились к нему с неизменной симпатией; дирекция его ценила.

Вторым, но старшим по возрасту был Жан Н. Бургундец по происхождению и характеру, он сразу же понравился мне своим лукавым добродушием, роднившим его с веселыми богами античной Греции. Жан был небольшого роста, но широким в плечах, с фигурой гимнаста. Он также обладал несильным, но приятным голосом и на все случаи жизни находил подходящую песенку. В работе же он был особенно тщателен, не торопился, многократно проверял результаты своих взвешиваний до полного завершения работы. На заводе его любили за ровный, спокойный характер.

Третьим, младшим из всех, был Андре Л. Среднего роста, жгучий брюнет, он был бретонец. Веселый, услужливый, великолепный работник, он бывал порой великим бузотером, также любил петь. Все песенки его репертуара отражали его характер и были задорны, бравурны, наступательны... Его любили, и среди женского персонала фабрики он пользовался немалым успехом. С этими милыми, простыми людьми я провел немало лет жизни, и все эти годы совместной работы не были ничем омрачены.

Отдел концентрированных душистостей, в котором мы работали, был очень важен и ответственен. В нем изготавливались отдушки для всех изделий фабрики: духов, лосьонов, туалетных вод, одеколонов, бриллиантинов, кремов, белил, губных помад, пудр, тальков, мыла. Помещались мы в первом этаже дома в длиннейшей лаборатории: 22 метра длины на четыре метра ширины; в конце ее находилась небольшая комната с паровой ванной для растворения душистостей. При входе справа во всю длину помещения шли полки. На верхних стояли бутыли от половины до двух с половиной килограммов весом, на нижних — бутыли от пяти до двадцати килограммов. Было их около семисот, общим весом от девятисот до тысячи килограммов. Атмосфера этого помещения была максимально насыщена ароматами. Однако даже подобная концентрация не могла нейтрализовать некоторые индивидуальные запахи. Иногда вдруг новая душистость начинала выявляться и затем полностью доминировала в атмосфере всего помещения. Происходило это обычно тогда, когда кто-нибудь приступал к взвешиванию чрезвычайно интенсивных веществ. В помещении имелось немало

синтетических душистостей, сила аромата которых была такова, что несколькими каплями можно было отдушить целый литр спирта; тут же ее лили десятками, а то и сотнями граммов! В одном грамме содержится от 40 до 50 капель. Для того чтобы дышалось легче, работали мы почти всегда с открытыми настежь окнами. Благодаря этому особого утомления к концу дня мы не испытывали, и даже насморк, несмотря на вечные сквозняки, бывал у нас редко.

Что с первых же дней работы меня очень тронуло — это исключительная внимательность ко мне со стороны всех трех вышеописанных сослуживцев. Так, при малейшем затруднении кто-нибудь из них немедленно приходил на подмогу без всякой просьбы с моей стороны. Что также пришлось мне по душе — это глубокая порядочность каждого из них. Так, за многие годы, проведенные вместе, мне ни разу не пришлось услышать злого слова, клеветы на кого-нибудь, как это постоянно происходит в жизни и на службе, особенно в коммерческих Домах. Тепло и благожелательность между нами как-то сами собой перешли в дружественность, почти дружбу — явление весьма редкое. Совместная работа вызывает порой уважение к знаниям и человеческим качествам некоторых сослуживцев, но не дружбу. Дружба есть величайший дар, который по высшему повелению может быть дан человеку, но длится он главным образом в детском возрасте за сердечный подход, за светлость мечтаний, за умение интуитивно разбираться в людях. Вырастает она нередко и на полях сражений, так как в лишениях и опасностях войны очищается человек и шире открываются духовные его очи. Но все же никогда не бывает она так глубока и сильна, на всю жизнь, как детские годы, ибо идет она тогда не от ума, а от сердца. Умом же человек судит человека. В обыденной жизни один видит другого без прикрас, оценивает его истинный облик, прикрытый налетом цивилизации. По словам поэта А. Д. Мещерякова:

Страшно жить, томясь всечастно той мучительной загадкой,

Интуицией тяжелой и гнетущей, как судьба, -

Что под маской херувима ясно виден облик гадкий,

Под личиной господина - сущность жалкого раба!

В душистых волнах ароматов проносилось время. Самые

простые отдушки, которые нам приходилось делать, содержали от 12 до 18 компонентов; обычные же формулы духов или лосьонов содержали их от 30 до 50, а то и больше. Два подсобных работника помогали нам, следя за тем, чтобы всего было достаточно, наполняя бутылки и коробки.

Взвешивания начинались лишь тогда, когда все необходимые душистости были принесены и расставлены с правой стороны весов. После чего делалась первая проверка, заключавшаяся в сравнении названий на бутылках и коробках с данной формулой. Только вслед за этим начиналась сама работа со второй проверкой, на этот раз обонянием, перед каждым взвешиванием. Проверка эта давала возможность избежать катастрофы, если в бутыль случайно попадал не тот продукт.

Помнится, я делал отдушку на 400 литров очень дорогих духов. Формула их была длинная, но работа уже на три четверти была проделана. Знал я их состав наизусть, так как сотни раз приходилось мне его проверять, но все же я то и дело сверялся с формулой и каждый раз перед взвешиванием аккуратно подносил к носу каждое душистое вещество. И вдруг сердце мое остановилось, и я замер, предчувствуя опасность. И действительно, вместо тонкого, но очень слабого метилизоэвгенола, запаха из семейства левкоев, в бутыли оказалась сильнейшая синтетическая душистость из семейства нарцисса-туберозы. Количества ее было более чем достаточно, чтобы испортить все четыреста литров духов!

Этот случай — пример того, сколь огромного внимания требовала наша работа и как было велико наше напряжение, если формула была длинной и исполнение ее требовало много времени. Зато по окончании работы, в минуты отдыха, мы всеми силами искали способ стряхнуть с себя усталость и находили его в шутках, веселых разговорах и смехе. Первенство в выдумках принадлежало Жильберу, но и другие не уступали ему. Послеобеденное время больше всего способствовало проказам, так как большая часть текущей работы оказывалась законченной, но нередко и утро располагало к ним.

Как-то раз весна уж слишком задорно ворвалась и наше помещение и подтолкнула нас к веселой шутке. В этот день работы было немного, и Жан решил не торопясь сделать отдушку для мыла. Формула была недлинной, всего на 18 компонентов, но количество каждого было изрядным, так что предстояло работать главным образом с бутылями от десяти до двадцати килограммов. В этот день один из наших помощников заболел, а другой был занят приготовлением вытяжки из бензойного ладана. Жану предстояло самому подобрать все необходимые душистости, но только часть их оказалась в достаточном количестве. Расставив душистости на столе слева от весов (он был левша), он нагрузил на тележку восемь бутылей и отправился на склад, чтобы их заполнить. Только этого мы и ждали: как только он ушел, мы немедленно бросились к его столу и вмиг очистили его, аккуратно вернув все приготовленные им душистости на прежние места. Выражение физиономии Жана при возвращении сторицей окупило наши усилия. Мы наслаждались

произведенным эффектом, но наша невозмутимость выдала нас — уж слишком все это было неестественно. Достаточно ему было взглянуть на нас, чтобы все немедленно открылось. Выругавшись, Жан сам рассмеялся вместе с нами. Не раз потом мы вспоминали выражение его лица.

Среди различных проказ не меньший смех вызывали шутливые баталии, причиной которых являлась история Франции. Так, например, Андре совершенно не переносил, когда Жильбер вдруг с деланным презрением и надменностью говорил ему: *"Ну, вы, бретонцы, всегда были вассалами у нас, нормандцев!"* Горячий Андре немедленно шел в атаку, уверяя, что подобного никогда не было, да и быть не могло. Я очень веселился, когда Андре и Жильбер, объединившись, нападали на Жана, уверяя его, что он как бургундец полностью ответствен за выдачу Жанны д'Арк англичанам. Благодушно усмехаясь, Жан только отмахивался от них...

Подобные шутки и выдумки вызывали немало веселья, скрашивали работу, давали максимальную возможность выносить атмосферу помещения, ибо ничто так хорошо не восстанавливает силы человека, как безобидный смех. Вспоминая о приятных людях, а их было немало, с которыми мне пришлось тогда работать, не могу не вспомнить главного бухгалтера Рене Д. Он царил этажом ниже. Был он высокого роста, плотный, на редкость выдержанный человек. Цифры и сложная бухгалтерия не только не иссушили его ум и душу, но, наоборот, сложные расчеты и размышления придали ему немало мудрости и человечности. Было приятно забежать к нему по делу или просто так, и он всегда встречал вас с неизменной благожелательностью и добротой. Несмотря на серьезную внешность, любил он веселое слово и ценил шутку. Бескорыстный, прямой, он всегда был готов оказать вам услугу, дать совет, и, думается, не было на заводе человека более популярного, чем он.

Здесь, на этой фабрике, среди простых людей узнал я лучшие стороны характера французов, умеющих сочетать отличную работу и улыбку на лице. На фабрике числилось около восьмисот человек, и везде кипела работа. В полуподвальном этаже помещались отлично оборудованные мастерские. Недалеко от них находился отдел стекла, в котором также работало множество

народа. Недорогие флаконы в огромном количестве доставлялись на завод уже готовыми к употреблению, тогда как все наиболее ценные доставлялись незаконченными и доделывались на месте. Их обтесывали, полировали до блеска, и затем каждая стеклянная пробка пригонялась к своему флакону. Было очень интересно наблюдать, с какой легкостью и быстротой опытные рабочие производили эту работу.

В бельэтаже находились дирекция, бухгалтария, отдел статистики, касса и т.д. Там же помещался и склад готовой продукции для отсылки ее во все концы мира. Этажом выше располагались мы и отдел по производству пудры. В этом помещении воздух был пропитал тончайшей пылью. Рядом с ним находился склад, где в огромных деревянных ящиках хранились различные виды пудры. Было странно видеть ее в россыпи, иметь возможность погружать в нее руки или совок и любоваться переливами нежных красок. К складу примыкало помещение с машинами для быстрого заполнения пудрениц через круглое отверстие в донышке, которое немедленно после заполнения заклеивалось ручным способом. Затем пудреницы передавались в отдел расфасовки, где на них наклеивались этикетки и их упаковывали в большие коробки.

Второй этаж был отведен для косметики. В нем находилось два отдела по производству и общий отдел расфасовки. В части, отведенной для производства жиросодержащих продуктов, царили блеск и чистота. Многочисленные машины производили различные операции и в огромной степени облегчали работу: увеличивая эффективность производства, они нуждались в сравнительно небольшом количестве работников. Наиболее зрелищным для непосвященных было производство кремов, особенно в его последней стадии, когда вся движущаяся в котле машины масса начинала приобретать гладкую блестящую поверхность и выглядеть на редкость аппетитно.

Помимо разнообразных кремов, здесь же вырабатывались бриллиантины, жидкие и твердые, косметическое молочко, губная помада, жирные румяна, карандаши для бровей и ресниц, маскара (средство для наложения теней), жидкие пудры, средства для очистки кожи от грима т. д. На этом же этаже находился отдел по производству сухого грима. В первой комнате отдела

необходимые составные части грима смешивались в больших чанах с помощью машин. Затем влажную массу вводили в специальную машину, которая выдавливала ее в виде маленьких круглых комочков. Вслед за этим каждый комочек приклеивали к тонкой таблетке и переносили в соседнее помещение, где происходила их автоматическая медленная сушка. Заканчивалась работа легким обтесыванием каждой таблетки, наполненной гримом.

Остальная часть второго этажа была занята отделами по расфасовке всех вышеназванных продуктов, а также различных мыл. Происходило это в очень большом помещении, залитом светом из окон шириной во всю стену, где за длинными столами сидели работницы, занятые расфасовкой. Это помещение вызывало особенно радостное и веселое впечатление из-за ярких коробок, этикеток, флаконов, а также из-за множества молодых и оживленно работавших девушек. Дух Парижа и парижанок стоял в этом помещении, и отсюда во все страны мира рассылались изделия французской парфюмерии, неся всем женщинам частичку парижского шарма и вкуса, того настоящего парижского вкуса, который присущ не только богатым, но и парижанкам со средним достатком.

На третьем этаже помещался цех парфюмерных жидкостей и их расфасовки. В обширном помещении, залитом воздухом и светом, находились многочисленные баки для смешивания и хранения жидкостей. Сюда из отдела концентраций доставлялись необходимые отдушки, и здесь происходило их смешивание с чистым 96-градусным спиртом для духов и со спиртом и водой для одеколонов, лосьонов и туалетных вод. После чего душистым жидкостям давали отстояться, а затем их замораживали и фильтровали. С этого момента они были готовы для расфасовки. Первым ее процессом являлась разливка. Помещение для разливки парфюмерных жидкостей находилось рядом. Из него на специальных подносах духи передавались в отдел окончательной расфасовки. Расфасовка люксовых флаконов с притертыми пробками производилась особенно тщательно, самыми опытными работницами, исключительно ручным способом и под строжайшим контролем, благодаря чему результат всегда был безукоризненным. Каждая, даже самая маленькая деталь была изучена и представлена с максимумом элегантности и шика, присущим только центру высококлассной французской

парфюмерии — Парижу.

Расфасовка менее дорогих жидкостей происходила на конвейере. Подобная работа в огромной степени увеличивает норму производства, но мне кажется, что она не только утомляет, но и сильно отупляет работниц.

Весь самый верхний этаж фабрики был отведен для производства картонных изделий и различных аксессуаров парфюмерии. Множество работниц обслуживали его; некоторые были весьма искусны в отделке шелковых люксовых коробок, вернее, ларцов для одного флакона духов с различными парфюмерными дополнениями, например пудрой, мылом и флаконом лосьона или одеколона. Возглавлял этот очень большой отдел фабрики милейший человек. Это был веселый, услужливый и отлично знающий свое дело бургундец. Память у него была замечательная, что давало ему возможность немедленно отвечать по телефону на многочисленные заказы, вопросы и требования. Было всегда очень интересно подниматься к нему, чтобы увидеть новые модели коробок, этикеток, упаковок, пудрениц, футляров для карандашей и губных помад, коробочек для туши, различных пульверизаторов, аэрозолей и т.д. Не менее занятно бывало порыться в уже отживших свой век изделиях парфюмерии, представлявших вкус Парижа до 1914 года.

С интересом следил я за тем, как из года в год расширялось дело, как медленно, но верно поднималось оно в иерархии мировой парфюмерии, пока не заняно в ней первое место. Две главные причины объясняли этот успех: первая — это замечательное ведение дела хозяевами, ни разу не сделавшими ошибки, оказавшейся пагубной для целого ряда могущественных конкурентов. Второй и, пожалуй, еще более важной причиной был главный парфюмер Дома Эрнест Бо, не только создавший замечательные духи, но и умевший удержать их на первоначальной высоте. Это было нелегко в условиях вечной внешней и внутренней борьбы. Внутренней — с некоторыми коммерческими директорами, требовавшими снижения себестоимости отдушек, и он умел им противостоять. Внешней — постоянной борьбы с поставщиками, из которой Бо обычно выходил победителем благодаря отличному знанию рынка и великолепно развитым обонянию и вкусу, в результате чего

поставщики постепенно пришли к убеждению в необходимости поставлять нам товар самого лучшего качества, так как все получаемое немедленно и строжайше сверялось с представленными образцами. В результате не только духи, но и все другие, менее дорогие изделия Дома неизменно держались на раз набранной высоте. Это, безусловно, являлось одной из причин неуклонного роста дела, так как покупательницы никогда не испытывали разочарования при покупке одного и того же товара.

После девяти лет службы мне было предложено заняться проверкой всех душистостей при их поступлении на завод. Начальство наконец пришло к убеждению, что мой опыт и познания достаточны для той особой работы, которая почти целиком основана на обонянии. Физико-химические анализы ненадежны не только для сравнений качества, но даже их количественные данные недостаточно точны, ибо они не улавливают мельчайшие частицы. А между тем именно эти почти невесомые частицы, примеси или небольшие изменения структуры и придают характерную приятность аромату синтетических душистостей и способствуют необычайной яркости натуральных эссенций. Обонятельная же память парфюмеров прекрасно запоминает оттенки, поразившие их, и никогда их не забывает.

Снова, как в университетские годы, засел я точные весы, тетради с записями, но на сей раз перед огромными шкафами, полными образцов. Для сравнения и изучения душистостей необходимо было сперва размешивать их в чистом 96-градусном спирте. В зависимости от силы и крепости запаха использовался либо один грамм продукта на сто кубических сантиметра спирта, либо в десять раз меньше на то же количество спирта. После полного растворения начиналось сравнение с предыдущей концентрацией раствора или с образцом, по которому был произведен заказ. Для сравнения брались две полоски белой промокательной бумаги размером 10-160 мм, на которых писались названия продуктов, их количество и концентрация. Затем кончики бумажек погружались в испытываемую жидкость. С этого момента начиналось наблюдение, сравнение яркостей первого взлета душистости, полноты, силы и качества аромата на протяжении нескольких часов его действия и, наконец, замирания душистостей, и деградации их. Благодаря этой работе обоняние мое обострилось, и оценки мои становились все строже и вернее.

При выборе я все больше стал отдавать предпочтение эфирным маслам с душистостью более тонкой. Особенно если это касалось дорогих эссенций, например неролиевых и жасминных масел, играющих весьма важную роль во всех первоклассных духах. Научился я также понимать и ценить особенности, связанные с различными способами вытяжки аромата из одного и того же цветка, а также принимал во внимание некоторые отклонения в душистостях, связанные с произрастанием цветов в разных климатических условиях. Именно эти сравнения показали мне, насколько различными по качеству могут быть эссенции одного и того же цветка в зависимости от фирмы, их производящей. Я пришел к выводу, что нужно иметь дело только с самыми серьезными и надежными Домами Грасса и никогда, ни под каким видом не требовать от них натуральных эссенций ниже принятого уровня.

Убедился я также в том, какая осторожность нужна при работе с синтетическими продуктами, как тщательно надо изучать их реакции и как опасно в раз установленной и имеющей успех формуле делать замены марки продукта, так как многие синтетические душистости, несмотря на то же наименование и ту же химическую формулу, разнятся по запаху. И причина этого — в качестве первоначального сырья и способе приготовления продукта, присущего каждой фирме. Так, запахи альдегидов С8, С9, С10 конкурирующих фирм, несмотря на одну и ту же химическую формулу, всегда в немалой степени различаются между собой.

Я был чрезвычайно рад новой работе, так как она давала мне возможность тщательно изучить многочисленные душистости, а также сложные композиции наших поставщиков, порой исключительно интересные и в дальнейшем легшие в основу целого ряда построений. Моя жизнь стала еще ярче, полнее, интенсивнее. Редкий день не приносил нового: таинственный мир ароматов все шире и глубже раскрывался передо мной.

В те же годы на завод все чаще стал приезжать сын хозяина. Он обладал хорошо развитым, но весьма своеобразным обонянием, поэтому его суждения и оценки бывали нередко очень интересными. Благодаря ему для лаборатории были отпущены специальные кредиты и куплены почти все лучшие французские

духи, так что в нашем распоряжении оказался полный набор духов. Изучение их было на редкость поучительным. Каждый из нас стал аккуратно записывать свои впечатления, а затем мы сверяли их. Таким образом у нас начал накапливаться материал о манере составления композиции духов самыми главными парфюмерами страны. Это изучение оказалось столь увлекательным, что и мы захотели попробовать свои силы на этом поприще и, конечно, начали с имитаций.

Были они весьма несовершенны, то есть не блистали ни точностью, ни верностью, но все же благодаря многочисленным попыткам привели к некоторым достижениям. Вскоре мы все больше стали доверяться собственной фантазии и искать свои пути, собственный полет... В этой работе мы, разумеется, не могли избежать влияния формул Дома и некоторых соотношений душистостей, хорошо нам известных. Опыты, разочарования, надежды все больше стали заполнять наши изыскания. Шаг вперед нередко сопровождался ста шагами назад. Изыскания эти привели меня к убеждению, что характерная нота духов всегда образуется в сочетании небольшого количества душистостей. Некоторые из моих благоуханных смесей заинтересовали высшие инстанции, и мне было предложено заняться главным образом этими изысканиями. Вскоре после того, как мои первые духи были приняты, я официально приобрел статус парфюмера.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Великий парфюмер Эрнест Бо.

Тридцать лет моей жизни связаны с Эрнестом Бо. Он был для меня и почитаемым учителем, и близким другом. Тридцать лет я учился и работал возле него, творил и пересматривал сделанное; его манера понимать искусство парфюмерии оставила во мне глубокий отпечаток.

Эрнест Бо родился в Москве в 1882 году; там же учился; там же женился на мадемуазель Швех. Их сын Эдуард, следуя примеру отца, стал парфюмером.

Часто с увлечением рассказывал он мне об этом периоде своей жизни. Говорил прекрасным русским языком, который, как коренной москвич, знал в совершенстве. Даже будучи патриотом Франции, он сумел сохранить на всю жизнь пламенную любовь к императорской России своего детства и юности. Любил он русское великодушие и гостеприимство, русскую природу и литературу, музыку, театр, манеру видеть мир и передавать его

красоту. Влияние русского балета также сказалось на его творчестве.

Он писал об этом в "Воспоминаниях парфюмера", напечатанных в журнале "Industrie de la Parfumerie" за октябрь 1946 года, и этот же текст был им прочитан в техническом отделе французской парфюмерии в Доме химии несколько раньше, 27 февраля 1946 года.

"Пусть наши мысли — только фантазия, но фантазия эта благодаря таланту парфюмера находит возможность осуществиться. Да и мысли наши рождаются под влиянием среды, в которой мы живем, под впечатлением прочитанного или игры любимых нами актеров. Такое влияние имели на меня французские поэты и писатели, а также произведения Пушкина, Тургенева, Достоевского; музыка Бетховена, Дебюсси, Бородина, Мусоргского; Императорский театр и его балет и Московский Художественный театр; живопись французской школы и большие русские художники — Серов, Левитан, Репин и многие другие — и, главное, артистические круги того времени, с которыми я много общался".

Его карьера парфюмера также началась в Москве, у Ралле, который имел в то время один из самых больших парфюмерных Домов мира.

"Я начал свою работу в 1898 году в Москве. Мой старший брат был тогда администратором у Ралле, одного из самых крупных русских парфюмеров. До самой демобилизации я изучал во Франции сначала производство мыла, потом, по возвращении в Россию в 1902 году, занялся чистой парфюмерией. На этом большом предприятии работало 1500 рабочих. Фабричное оборудование и социальная организация были совершенны по тому времени. Дому приходилось приспосабливаться к чрезвычайно обширному рынку (180-миллионная Россия, Китай, Персия, Балканы и т.д.) и считаться со вкусами русских женщин в использовании духов и предметов роскоши. Полные поезда увозили во все стороны света туалетное мыло, рисовую пудру, одеколон и духи. Вероятно, в связи с этим успехом, возобновляя после русской революции дело Ралле в местечке Ля-Бокка на юге Франции, мы установили здесь поворотный круг, соединенный с железной дорогой. С 1902 года наш

технический директор Лемерсье стал обучать меня парфюмерному искусству. С радостью воздаю я ему дань глубокого почитания за его артистизм и блестящие технические навыки. Все в нем было оригинально, начиная с его манеры жить и одеваться. Это был великий новатор, никогда не соглашавшийся следовать привычным меркам и отчетливо предвидевший все новое, что химия и производство натуральных продуктов внесут в парфюмерию, содействуя ее расцвету".

Эрнест Бо, как и его учитель, разыскивал неизвестные еще продукты и употреблял их в самых замечательных и неожиданных комбинациях. Сменив Лемерсье, он стал первым парфюмером у Ралле. Для этого Дома он создал целый ряд духов, основанных на экстракте "Tsarsky Veresck"; потом, в 1912 году, к празднованию столетия Бородинской битвы он выпустил "Bouquet de Napolйon", имевший, по собственным его словам, невероятный успех. Думаю, что причина этого успеха в его большой любви к Наполеону и в преклонении перед той эпохой, которую он особенно хорошо изучил. Таким образом, в создании "Bouquet de Napolйon" сила любви играла очень большую роль, облегчала работу, обостряла талант. И всю свою жизнь Э. Бо оставался верен Императору. Иногда, чувствуя, что сумел верно передать то, что искал, и будучи в особенно хорошем настроении, он принимал победоносный вид и, смеясь, объявлял, что чувствует себя Наполеоном французской парфюмерии. Мадемуазель Алетанс Ревель, выдающаяся женщина и преданный его секретарь, да и я сам — мы кланялись ему тогда придворным поклоном, и тогда вся атмосфера лаборатории заряжалась творческой энергией, способствовавшей новым открытиям в области ароматов.

При первой нашей встрече особенно поразили меня его мужественный вид и величественная осанка. Только позднее узнал я о его храбрости, проявленной во время войны 1914 — 1918 годов и об орденах, которые он получил тогда. Иногда он рассказывал о своем нелегком и славном прошлом, и воспоминания его были всегда интересны и живы — у него был настоящий дар рассказчика.

Русская революция лишила Э. Бо и положения и состояния. Мужественно он снова принялся за работу. В 1920 году вторично поступил к Ралле, на его новый завод в Ля-Бокка, недалеко от

Канн. Здесь он создал ряд экстрактов для больших парижских кутюрных Домов, и среди них "Шанель № 22" и "№ 5". Успех "Шанель № 5" был ошеломляющим: знающая публика сразу поняла, что эти духи открывают новую эпоху в парфюмерной индустрии. В своей публичной лекции, прочитанной 27 февраля 1946 года, Эрнест Бо говорил именно об этом.

"Меня спрашивают, как мне удалось создать "Шанель № 5"? Во-первых, я создал эти духи в 1920 году, когда вернулся с войны. Часть моей военной кампании прошла в северных странах Европы, за Полярным кругом, во время полуночного солнцестояния, когда озера и реки излучают особую свежесть. Этот характерный запах я сохранил в своей памяти, и после больших усилий и трудов мне удалось воссоздать его, хотя первые альдегиды были неустойчивы. Во-вторых, почему такое название? Мадемуазель Шанель, имевшая очень модный кутюрный Дом, просила меня создать для нее духи. Я показал ей серии от 1-го до 5-го и от 20-го до 24-го номера. Она выбрала несколько, и среди них № 5. "Как назвать эти духи?" — спросил я ее. Мадемуазель Шанель ответила: "Я представляю коллекцию платьев пятого числа пятого месяца, то есть в мае. Значит, и оставим духам номер, который они носят. Этот 5-й номер принесет им успех". Сознаюсь, она не ошиблась. Эта новая нота духов еще пользуется большим успехом; мало у каких духов было так много подражателей, мало какие духи так старательно подделывали, как "Шанель № 5"."

После развода Эрнест Эдуардович Бо женился вторично на мадемуазель Ардисон, и от этого брака родилась дочь Магдалина. Тогда он прекратил свою работу у Ралле и поступил в качестве представителя в фирму "Hugues Aine" (в Грассе), принадлежавшую его другу Шарабо. Здесь он проработал до 1926 года. Весь свой замечательный талант парфюмера и делового человека он отдал этой фирме. Его критика всегда была конструктивной, а советы другим парфюмерам бесценны.

Весной 1926 года Эрнест Бо оставил представительскую работу и вернулся к работе по созданию духов, согласившись стать парфюмером Домов "Шанель" и "Буржуа", главными советниками которых были Пьер и Поль Вертеймеры. Благодаря его деятельности успех этих Домов рос из года в год, и к тому времени, как Бо вышел в отставку, они стали одними из первых

парфюмерных Домов мирового рынка.

Самые известные из духов, созданные у "Шанель" — это "Шанель № 5", "№ 22", "Gardйnia", "Bois des Iles", "Cuir de Russie". У "Буржуа" он выпустил "Soir de Paris" и "Kobako".

Не вынося никакого подражания, Э. Бо тем не менее очень хорошо знал все, что содействовало успеху французской и иностранной парфюмерии, однако это не влияло на его творения.

Мне думается, единственным парфюмером, которым он действительно восхищался, был Парке из Дома "Убиган". В отличие от других парфюмеров они оба искали в ароматах мускусную, а не амбровую ноту. Он любил "Idйal", "Fougire Royale", "Сњur de Jannette", созданные Парке, и находил замечательными духи "Aprиs l'Ondйe" от Герлена. Среди английских духов, которые были модными в начале этого века, он выделял "Essbouquet" от Бейля.

Э. Бо полагал, что должен знать все ароматы, которые создают славу его конкурентам, даже если он сам от них не в восторге. По его мнению, во всех удавшихся духах есть какие-то интересные аккорды и переходы, которые следует запомнить. Потому-то он и настаивал на необходимости развития хорошей обонятельной памяти.

За время моей долгой работы с ним я узнал об очень многих духах. В прошлом веке он выделял "Jicky" от Герлена, "Chypre" от Любена; в нынешнем — "Trifle Incarnat" и "Pompeп" от Пивера, "Vera Violetta" от Роже и Галле, "Rose Jacqueminot", "Jasmin de Corse", "Origan" и "Chypre" от Коти, "Heure Bleue", "Mitsouko" и "Shalimar" от Герлена, "Narcisse Noir" и "Nuit de Nolл" от Карона, "Toujours moi" от Кордея, "Scandale" и "Aprиge" от Ланвена.

Наряду с другими парфюмерами, Э. Бо относился к своей работе как к искусству. " *Подобно музыканту, который должен понимать ноты и сольфеджио, подобно художнику, изучающему рисунок и краски*, — говорил он, — *парфюмер должен знать то*

сырье, которое служит для изготовления ароматов. Он должен анализировать, пытаться раскладывать запах на составные части, запоминая все элементы, бывшие когда-либо в поле его обоняния. Удерживая в памяти то, что всего более его поразило, он составляет гамму, которой и будет следовать в своей работе. Художник также остается верен гамме своих красок, даже меняя манеру письма. Таким образом, парфюмер всегда сохранит свой стиль и будет узнавать собственные произведения, если гамма употребляемых им веществ будет ему хорошо известна. Со временем парфюмер создает себе несколько образцовых аккордов, которые будут долго служить ему и помогать в работе. И лишь тогда он сможет приступить к изготовлению духов. Для этого ему надо знать, что именно он хочет создать, чтобы все его усилия вели к цели, избранной им".

Выбирая ароматные химические продукты, Э. Бо всегда избегал тех, которые употребляли другие. Зато он работал с синтетическими продуктами очень большой крепости, порой даже с малоприятными запахами, если только это могло дать ему новую, оригинальную ноту. Он считал, что всякий характерный продукт может быть дополнен, окружен, облагорожен за счет добавки достаточно большого количества ценных натуральных эссенций и тонких синтетических ароматов. Большая заслуга Э. Бо заключается в том, что он первым стал употреблять в своих экстрактах самые дорогие натуральные эссенции, в результате чего все истинные ценители ароматов почувствовали богатство, тонкость и великолепие его произведений.

Глубоко любя свою работу и даже гордясь ею, Э. Бо почти никогда не говорил о ней с посторонними, считая, что общих правил в создании духов не существует и что каждый случай следует считать единственным. Только исполнив "этюды" по четко записанным им формулам, взвешивая необходимые вещества на точных весах, можно понять, какая мысль руководила им при создании того или иного аромата.

Он работал с поразительным терпением, сотни раз повторяя пробы, даже если они были удачны с самого начала, постоянно стремясь к совершенству. Все эти пробы делались с использованием ста кубических сантилитров чистого 96-градусного спирта. Таким образом, достаточно было увеличить

количество смеси в десять раз, чтобы знать, какое количество отдельных компонентов нужно брать на литр спирта и сколько это будет стоить. Как только смесь была составлена и растворена в спирте, Э. Бо нюхал ее и давал о ней свое первое заключение; то же он делал и на следующий день, затем давая смеси устояться с неделю или больше, так как время, по его мнению, влияет на ароматы и нередко улучшает их.

Его знание различных душистостей было необычайно глубоким. Он покупал продукты только высшего качества, и его замечания об их достоинствах или недостатках, по мере того как душистости поступали на фабрику и сравнивались с ранее полученными образцами, были всегда существенны и точны. Эрнест Бо принадлежал золотому веку французской парфюмерии (1900—1935). *"Я нашел поддержку у друга моего, Леона Живодана*, — говорил он, — *который сумел поднять на мировой уровень синтетические душистости благодаря новым элементам и способам, что очень помогло мне в моих собственных исканиях. Кроме того, некоторые парфюмеры Грасса, и в частности Эжен Шарабо, очень помогли мне в придании моим духам именно той ноты, которую я искал, создав для меня "super absolues d ĭcolorŭes"* (обесцвеченные концентрированные абсолютные масла) *."*

В разговорах со мной Э. Бо постоянно настаивал на том, что всякий парфюмер должен быть артистом и, следовательно, интересоваться всем, что прекрасно в мире, любить красоту, искать и творить ее. Всю свою жизнь он интересовался искусством и смог оставить своим наследникам значительную коллекцию фарфора, картин, книг, миниатюр, мебели, ковров, серебра, икон. Нередко он говорил мне о своих находках и приглашал к себе, чтобы я мог полюбоваться ими. Большая часть его собрания была из России. Немало редких сокровищ было в свое время вывезено русской аристократией, бежавшей с родины, и эти вещи можно было приобрести за сравнительно небольшую цену. За короткое время его большая квартира на бульваре Делессер стала настоящим музеем. Он терпеливо изучал историю каждого приобретенного предмета. Так, всю жизнь он собирал русский фарфор, тарелки из знаменитых сервизов: св. Анны, св. Владимира, св. Андрея, маршалов, св. Георгия. Помнится, в этой коллекции было более 60 предметов. Ему удалось также приобрести целый ряд картин известных русских художников.

Кроме того, он был известен как chevalier du Tastevin (член Ордена рыцарей дегустации), коллекционируя лучшие вина Франции. В его подвалах было более двух тысяч бутылок самых лучших марок. Он любил угощать гостей своими винами, объясняя их достоинства. Обеды его были всегда весело и прекрасно организованы. Еда неизменно хороша. Существовала лишь одна опасность — потерять способность ясно судить о марках вин Бургундии и Бордо...

Помню, как однажды, еще молодоженами, субботним июльским вечером гуляли мы с женой в садах Трокадеро и решили подняться к Эрнесту Бо. Он встретил нас, как всегда, радушно. Было четыре часа дня. Он угостил нас малиной, только что полученной из деревни. Заговорили о ее чудесном запахе, и Бо решил, что только шампанское ("великого года") достойно дополнить ее. Он поднял из подвала пять бутылок различных марок шампанского. Первой была осушена бутылка "Молт et Chandon". Второй — "Pommery". Небольшое сообщение о разнице вкуса и запаха этих двух марок вин мы прослушали заранее. После третьей бутылки, на этот раз "Roederer", моя голова несколько затуманилась, но Бо распил с нами еще две бутылки. После чего мы уже были не в состоянии вернуться пешком, хотя жили в Отее, совсем рядом, и наняли такси.

Э. Бо любил шутки, смех и общество молодых, сохраняя в себе юношескую веселость и остроту языка. От него исходила особая притягательная сила, и в своей неординарности он был незабываем. Свободно высказывая свое мнение, делая острые замечания, давая блестящие ответы, он неизменно демонстрировал широкую образованность.

Весь персонал любил его за внимание и вежливость, даже в сочетании с самой высокой требовательностью и безупречностью в работе. Он внушал уважение к себе, но все работавшие у него чувствовали его доброту и считали его основой благосостояния Дома.

Э. Бо любил шутку, но шутку добрую. Так, однажды он дразнил меня моим вегетарианством, которого я придерживаюсь даже во время хорошего обеда. Это было в 1949 году, когда я

впервые был в Нью-Йорке. Я должен был заменить его там, так как он уезжал во Францию. В телефонном разговоре с директором Дома синтетических душистостей он вдруг стал меня расхваливать, представляя как своего преемника и достойного ученика, но имеющего одну странность: он питается лягушками! Повесив трубку, он весело рассмеялся как ребенок, от всего сердца. Несколько дней спустя мне пришлось ужинать с этим директором в одном из лучших ресторанов Нью-Йорка. Он сразу же с улыбкой сказал мне, что лягушки, если я желаю, имеются...

Время шло. Э. Бо тяжело заболел. Его крепкий организм поборол болезнь, но в конце года нас потрясло известие о том, что на его место в двух парфюмерных Домах взяли другого ведущего парфюмера. С этого времени состояние его здоровья стало резко ухудшаться, и 8 марта 1961 года после короткой болезни он скончался. Ему было тогда 79 лет. В его лице страна потеряла героя войны и великого парфюмера. Похороны состоялись в его приходской церкви Notre Dame de Grвce de Passy. Все утопало в розах — его любимых цветах, запах которых он умел так замечательно воссоздать и который составил основной аккорд его лучших творений.

С его смертью закончилась целая эра французской парфюмерии.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Грасс.

И звуки музыки дрожали,

И словно счастье обещали

Благоухавшие цветы.

А. Апухтин.

Возможно ли говорить о Грассе в книге, посвященной парфюмерии? Если Париж является Меккой парфюмеров, то Грасс, вне всякого сомнения, их постоянный *pulerinage aux source*(*"возвращение к истокам"*). В Грассе в зависимости от времени года каждый час дня имеет свой аромат, полный силы и крепости. В

его воздухе уже чувствуется горная живительность, но к ней еще примешивается соленый дух моря. Небо Грасса поражает своей чистотой, ясностью, лучезарностью. Не этим ли объясняется тяга наиболее утонченной части его жителей к красоте, искусству ароматов, подобно тому как атмосфера Тосканы всегда окрыляла художников.

Из всех городов Французской Ривьеры только Грасс сохранил собственный облик и не превратился в проезжий караван-сарай. Въезжая в этот маленький провансальский городок, с трудом веришь, что в нем обрабатываются каждый год миллионы килограммов цветов местного производства, что сюда стекаются многочисленные ароматы со всех концов мира и что фабрики Грасса обрабатывают их. Франсис де Круассе сказал о Грассе: *"Вот единственный город в мире, где слово фабрика полно поэзии..."* И точно — достаточно посетить заводы Грасса, окруженные прекрасными садами, присутствовать при разгрузке сырья и убедиться, что это не уголь и не руда, черные и грязные, а чудесные, ароматные цветы, целые грузовики роз, жасмина, туберозы, — чтобы с радостью согласиться со словами де Круассе.

Грасс из-за своего прекрасного местоположения уже с давних пор стал играть большую роль в россыпи прибрежных городов Средиземноморья. Положение его на холме и высокие городские стены привлекали к нему прибрежных жителей, уставших от постоянных нападений пиратов-сарацин и искавших защиты от них. Эти поселенцы, предприимчивые и энергичные, и создали все богатства города. Уже в XII веке Грасс считался коммерческой республикой, почти независимой от графов Прованса. Тогда богатство его было так велико, что он состоял в коммерческом союзе с такими могущественными итальянскими республиками, как Пиза и Генуя. Но в XIII веке Грасс начинает терять свою независимость и ему приходится делить судьбу Прованса, перенося ужасы гражданской войны и иностранных вторжений. Всего более пострадал он в 1546 году от войск Карла V. В эти особенно трудные и жестокие годы XVI века поселился в нем флорентиец по имени Томбарелли и начал в Грассе парфюмерное дело. С установлением во Франции абсолютной монархии и централизации власти Грасс вновь расцвел, и в городе начали появляться другие парфюмерные Дома. Цветочные поля расширялись, воздух местности становился все более душистым, и ужасная чума 1720 года, пронесшаяся по Франции и почти по

всей Европе, миновала Грасс. Очевидно, ароматы цветов явились своеобразной дезинфекцией. С XVII века Грасс был объявлен королевским городом, то есть король являлся единственным его хозяином. Он был освобожден от всех феодальных повинностей, что являлось его гордостью и способствовало росту благосостояния его жителей. Даже австрийская оккупация 1707 и 1747 годов не помешала расширению его торговли. На протяжении веков управление Грассом находилось в руках выборных людей города, состоявших из дворян, адвокатов, докторов, состоятельных граждан, нотариусов, аптекарей и богатых купцов. Несмотря на частые распри между ними, Грасс все же обязан этой системе правления своим нынешним богатством и мировой известностью.

До середины XVII века основной индустрией Грасса была кожевенная. Выделывались главным образом буйволовые кожи, доставлявшиеся из Египта и Турции. Сначала их вымачивали на протяжении 18 месяцев в настое дубовой коры с примесью мирты и мастики, что придавало им зеленый цвет и высокую прочность. Затем кожи выдерживались в жировых ваннах, после которых они становились абсолютно непромокаемыми. Только в Грассе кожи выделывались подобным образом, что очень высоко ценилось и в Испании, и в Италии, и по всех концах Франции.

С XVIII века в Грассе началось усиленное развитие парфюмерии. Поля флердоранжа, туберозы, розы, жасмина окружали город. Из этих цветов вырабатывались душистости, помады, пудры, но все это еще носило характер семейного производства. Большим затруднением для сбыта было отсутствие хороших путей сообщения. Так, до середины XVIII века не существовало ни одной проезжей дороги и все товары приходилось вывозить на спинах мулов и ослов.

С постройкой же первой дороги производство душистостей из года в год стало расти за счет первоначальной индустрии. После первой мировой войны парфюмерная индустрия Грасса достигла расцвета, что объяснялось главным образом высоким качеством ее натуральных душистостей. Тонкость и сила их зависели от исключительных климатических условий и почв Грасса, а также от огромного опыта, знаний и вкуса его парфюмеров.

Не менее важной причиной расцвета Грасса в настоящее время является увеличение общего благосостояния населения страны и его покупательной способности. Средний класс начал интересоваться парфюмерными изделиями не менее, чем высший, и не жалел на них денег. К тому же цена на духи стала более доступной по сравнению, например, с XIX веком в связи развитием способов извлечения душистостей, но об этом речь пойдет дальше.

Необычайная тонкость грасских эссенций объясняется местоположением цветочных плантаций, подобно тому как вкус и букет прославленных вин Бургундии связан со склонами холмов, по которым сбегают виноградники. Для производства большого количества знаменитого вина марки "Grand Cru" этих виноградников явно недостаточно; к счастью для цветоводов, местность вокруг Грасса хороша во всех отношениях: умеренная высота и мягкий климат, плодородная почва, вода в изобилии и прекрасного качества, чистота воздуха, направление ветров, редкие туманы, множество пчел. Климат Грасса — лучший во Франции: средняя температура весны и осени составляет 15 градусов тепла, зимы — 9 градусов тепла и лета — 23 градуса тепла. Горы защищают от зимнего ветра, летом легкий бриз с моря смягчает жаркие часы дня, а ночью он же уносит в море ароматы его плантаций. Количество дождливых дней в Грассе редко превышает 90 в год, тогда как в Париже их насчитывают 150; количество влаги так же велико, как и на севере Франции. Все посадки Грасса орошены водами четырех горных речек, к этому необходимо добавить обилие росы, поддерживающей свежесть цветов в жаркие дни, и воды, позволяющей заморским растениям отлично прижиться в Грассе. Главным образом это жасмин, роза, флердоранж, фиалка. Затем идут цветы, плантации которых не столь велики, но которые очень нужны для производства целого ряда духов, такие, например, как нарцисс, акация фарнез, ирис, тубероза, мимоза, гвоздика, гиацинт, жене, шалфей мускатный и т. д.

Кроме того, в Грассе и его окрестностях производится огромное количество эссенций, извлекаемых из различных трав. На первом месте стоит лаванда, затем идут мята, розмарин, тимьян, базилик, майоран, вербена и т. д. К ним следует добавить различные мхи, лучшим из которых является дубовый, так как в

современной парфюмерии эссенция из этого мха применяется весьма широко. Нельзя забывать и характерный аромат Прованса, создаваемый ладанником. В небольшой главе просто невозможно перечислить все растения Грасса, из которых добываются ароматы. К тому же, как мы уже говорили, на местные заводы свозятся многие заморские душистости для окончательной их обработки. Главными из них являются эссенции заморских трав, листьев, деревьев, таких, как масло санталовое, кедровое, кайенское, розовое, листья пачулей (сегодня они снова в моде), трава ветивера, химическая обработка которой привела к созданию целой серии новых духов, пользующихся большим успехом. Из заграничных цветочных эссенций следует упоминуть эссенцию иланг-иланга, которую современная парфюмерия употребляет в большом количестве. К этим ароматам добавим также и различные вытяжки из амбры, мускуса, цибета, бобровой струи.

На протяжение трех веков росла, крепла и расширялась парфюмерия Грасса, и способ извлечения аромата из цветов все более совершенствовался, достигнув современного уровня. В настоящее время используется главным образом четыре способа извлечения ароматов. Самым старым является перегонка, которая была известна всем древним цивилизациям с незапамятных времен. В Грасс метод перегонки попал, вероятно, из Испании. Мавры не только хорошо ее знали, но и умели совершенствовать. В Грассе перегонка, или дистилляция, длительное время производилась самым простым способом, что нередко портило качество получаемой эссенции. В настоящее время перегонка производится на самых совершенных машинах, под строжайшим контролем, в результате чего качество и количество эссенций значительно улучшилось.

Второй способ извлечения аромата — анфлераж — составляет гордость Грасса, так как именно качеством получаемого с его помощью продукта Грасс прославился на весь мир. Анфлераж заключается в следующем: в специально приготовленный жир, тонко распределенный по раме, втыкаются цветы; после определенного времени они заменяются новыми, и так продолжается до тех пор, пока не происходит полного насыщения жира ароматом цветов. После чего жир хорошо смешивается в плотно закрытой мешалке с определенным количеством спирта. Спирт в свою очередь впитывает из жира

весь аромат цветов, и полученную жидкость замораживают и фильтруют, после чего спирт удаляется с помощью специальных аппаратов, и получается цветочная помада. Для туберозы и жасмина операция анфлеража производится при комнатной температуре, но для большей части цветов, таких, как фиалка, резеда, флердоранж, требуется более высокая температура для достижения наилучших результатов. С помощью анфлеража рождались продукты исключительной душистости, но крайне дорогие: необходим жир самого высокого качества, очень мощный холодильник, много специального оборудования и, главное, многочисленный и очень опытный персонал.

Понижение цен в мировой парфюмерии объясняется третьим способом извлечения аромата цветов — посредством легких летучих растворителей, таких, как нефтяной эфир, бензол, толуол, сероуглерод. В большие аппараты специальной конструкции помещают цветы и вводят растворитель, после чего при комнатной температуре все хорошо перемешивается, причем время от времени растворитель обновляется. Таким образом, весь аромат, все смолы и воск цветов поглощаются растворителем. Затем полученную жидкость переливают в новый аппарат, где при очень незначительном подогревании (из-за низкой температуры кипения растворителя) выводится растворитель. При этом аромат продукта очень близок к запаху переработанных цветов. Подобные продукты называются "конкрет" того или иного цветка. Так, существует конкрет жасмина, конкрет ириса и т. п. Он имеет вид жироподобной, сильно окрашенной массы. Для полного очищения конкрета от нерастворимых примесей его подвергают обработке спиртом с помощью следующих операций: растворения, замораживания, фильтрации. Затем производится удаление спирта, в результате чего получаются жидкие продукты, называемые "абсолютные масла" с прибавлением имени обработанного цветка. Этот способ извлечения также требует дорогой аппаратуры и чрезвычайной тщательности в работе, связанной с возможностью пожара. Персонал может быть не очень многочисленным, результаты же получаются отличные. Абсолютные масла очень хороши по качеству и полноте душистости, да и работать с ними удобно. При простом смешивании со спиртом легко и быстро можно достичь растворов желаемой концентрации. Их также легко смешивать с синтетическими душистостями, что очень облегчает работу по композиции духов и их производству. Именно на этих маслах основана вся современная большая парфюмерия, и именно они

составляют от 30 до 50 процентов всех первоклассных духов.

За последние 25 лет, особенно после второй мировой войны, стал употребляться новый метод извлечения аромата цветов с помощью сжиженных газов: пропана, бутана и т. д. Несмотря на очень большие начальные затраты на аппаратуру, а также необходимость соблюдения исключительной осторожности в работе, этот способ будет, вероятно, иметь блестящую будущность, так как многие душистые вещества, производимые таким образом, чрезвычайно хороши.

Говоря о Грассе и его продукции, нельзя не воздать должного всем тем, кто своим талантом, вкусом и работоспособностью добился столь блестящих результатов. Только благодаря Грассу парижская парфюмерия добилась мировой гегемонии. Увы! Широкой публике имена великих творцов парфюмерной индустрии, как правило, неизвестны, и это в высшей степени несправедливо. Хочется верить, что эти имена будут вписаны золотыми буквами в историю французской парфюмерии. Привожу некоторые из них, ориентируясь по хронологии: Томбарель, А. Ширие, Лотье Фис, Жан Ниель, Каналье, Шарабо, Рур Бертран, Жюстен Дюпон, Бруно Кур, Дюмез, Роберте, Шмолер-Бомпар, Шове Гаек, Д'Аржевиль, Ноэль, Теро-Буаво, Молинар, Пиляр Фрер, Камилли—Альбер—Лялу, Бертран Фрер, Паган и Бертран и др.

Меня всегда особенно радовали встречи с некоторыми представителями парфюмерии Грасса, горевшими огнем истинного творчества и умевшими зажечь им всех тех, кто соприкасался с ними. Помню, и самом начале моей работы в парфюмерии мне пришлось встретиться с Шарабо, который нередко заходил к нам, чтобы встретиться с Э. Бо. Его открытое лицо было весьма привлекательным, и разговор с ним всегда интересен. Его успехи в науке, коммерции и высокое политическое положение нисколько не высушили его душу; наоборот, они обеспечили широкий кругозор и доброжелательность, в результате чего самая короткая встреча с ним всегда была информационно насыщенной и приятной; если же разговор переходил на технические темы, его глубокие знания и опыт обогащали всех.

С 1937 года начались мои встречи и беседы с Морисом Мобером — одним из владельцев Дома "Роберте и Ко", который он вознес на небывалую высоту. Многие продукты этого Дома составили основу самых знаменитых духов современности. Небольшого роста, Мобер казался выше из-за своего решительного вида. Был он приветлив, принимал широко, умел очаровать своей живостью и энтузиазмом. Он весь искрился любовью к своему делу, имел исключительно глубокие познания и великолепное обоняние. Все это делало его исключительно ценным собеседником в вопросах парфюмерии. Нередко беседа с ним или изучение его последних творений давали толчок идеям по созданию новых духов или улучшению существующих.

Не менее интересны были встречи с Камилли. Он был одним из директоров и владельцев фирмы "Камилли — Альбер — Лялу", которая произвела целый ряд исключительно тонких по своей душистости эссенций, составивших основу нескольких самых прославленных парижских духов.

Подобно Коти, Камилли был корсиканского происхождения и соединил в себе лучшие черты своей родины. Он как-то сразу вызывал полное доверие к себе, был скуп на слова, но все, что говорил, было интересно и поучительно. Особенно я любил встречаться с ним в Грассе, где сама южная природа соответствовала его облику и где все его замечания приобретали особую глубину и значение.

Хочется упомянуть добрым словом и более скромных сотрудников фирм Грасса, так как каждая встреча с ними была отмечена особой благожелательностью и приветливостью. Их отношение к жизни отличалось южной легкостью, добрым юмором, помогавшим в преодолении жизненных трудностей и дававшим особую полноту ощущений в минуты радости и счастья.

Не эта ли легкая ирония, интенсивность жизни запечатлены Фрагонаром на его полотнах? Его мастерство и изысканность связаны именно с воздухом Грасса! Порой мне кажется, что этим духом жизнерадостности и счастья наполнены все лучшие

французские духи. Обучаясь в Париже у Буше и Шардена, Флагонар проникся изысканным духом Версаля времен Людовика XV, который в Европе называли "благоуханным двором", благодаря духам и душистостям, употреблявшимся там. Став парижанином, Фрагонар не забыл Грасс и сумел соединить в своих творениях негу юга с гармонией Иль-де-Франса, задор Парижа и изысканность Версаля. Так и первоклассная французская парфюмерия, замешенная на слиянии Грасса и Парижа, обеспечивает себе неизменный успех.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Об ароматическом искусстве.

Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник,

У дыханья и ветра есть понятный язык.

А. Фет.

В 1933 году женился я на Софочке Шабельской и приобрел в ее лице умного и бесценного критика моей работы; она обладала тонким вкусом и хорошим обонянием и неизменно интересовалась моими ароматическими композициями. Через год у нас родилась дочь, маленькая Ирина, и жизнь моя заполнилась и осветилась еще больше, чем в прежние годы. Теперь, возвращаясь домой по вечерам, я уже не чувствовал усталости рабочего дня, видя милое лицо моей жены и наивные глазки дочери. И с каждым днем крошечная Ирина занимала все большее место в моей жизни. Иногда я заставал ее уже спящей в бело-голубой колыбельке, и так спокойно становилось на сердце.

Сколько лет провел я среди дорогих эссенций, редких ароматов, первоклассных духов! Сколько волнующих аккордов знает мое обоняние! Но есть что-то ни с чем не сравнимое в радости благоухания чистого и здорового младенца. Необыкновенная прелесть разлита вокруг него; вся детская пронизана свежестью его дыхания, согрета душистой теплотой его присутствия.

А как хороши моменты пробуждения малюток. На локотках чуть приподнимается тельце, появляется над колыбелькой

головка, широко открыты еще не совсем проснувшиеся глаза. Возьмите его на руки — и он прижмется к вам, словно во сне, и такой теплотой повеет на вас, такой радостью, что все вокруг покажется сияющим.

Частичку именно этого душистого счастья и содержат в себе все прославленные духи; в этой близости их к истокам существования и кроется главная причина их успеха.

Но хороших духов очень немного, а действительно первоклассных в настоящее время вряд ли найдется десять-двенадцать. Но прежде чем говорить о духах, постараемся определить, чем отличаются они от других ароматов. Духи — это концентрированная ароматическая смесь на спирту, душистые эманации которой легко и сильно воспринимаются в радиусе нескольких метров и в продолжение многих часов. Эманации эти должны обладать ярко выраженной оригинальностью аромата, вызывать впечатление тонкости, богатства, приятной сухости. Первый их взлет должен пленять своей красочностью, крепостью, полнотой, а разлившееся благоухание должно казаться нашему сознанию красивым, а подсознанию — чем-то близким. Чтобы создать такое совершенство, одного таланта недостаточно — нужны знания, долгая работа и тонкое понимание людей.

Изучая лучшие духи нашего времени, мы почти всегда найдем в них одни и те же особенности: им присущи ароматы всех четырех стихий и веет над ними что-то высшее, прекрасное, полное жизни и не уловимое никаким химическим анализом. Это необъяснимое и главное в духах и есть то, что высококлассная французская парфюмерия называет *"limpondürable dun parfum"* (*"неуловимость духов"*). Но нужны точная выдержанность пропорций душистых веществ и различных благоуханностей, точное взаимоотношение стихийных сил, ими вызванных, чтобы могла загореться эта прекрасная искра, появиться и вознестись над духами сама душа аромата.

Итак, ничто не должно отяжелять воздушность душистых вибраций, и ими же должна окрыляться приятная, влажная свежесть; волнующее, нежное тепло должно пронизывать аромат, и почти осязаемой благоуханностью должен развиваться и

крепнуть в нем могучий и живительный дух земли.

Для успешного творчества парфюмеру недостаточно хорошо устроенной и богато оснащенной лаборатории, ему нужны и другие условия, главным из которых является место работы — город, страна. В настоящее время, мне думается, этим наиболее благоприятным местом является Париж — прекрасная столица Франции, а может быть, и всего цивилизованного мира, чудесный город, не сравнимый ни с каким другим.

Все в Париже способствует работе парфюмера и благоприятствует ей: климат, еда, женщины, развлечения и, главное, сам диапазон жизни. Париж с его легкостью, элегантностью, манерой жить полон чисто женского обаяния. Париж создан для женщины — прекрасной Незнакомки Блока, принцессы Грезы Ростана, — женщины, вдохновляющей поэтов, художников и... парфюмеров. Мягкость парижской атмосферы благоприятствует парфюмерному творчеству, подобно тому как качество лионской воды способствует выделке и тончайшей окраске бархатных и шелковых тканей, производимых в этом городе. Парижский воздух особенно воспринимается парфюмерами и в определенное время года способствует их творческому подъему. Так, ранней весной город затянут лиловатой дымкой, и вся она пронизана лаской и нежностью. Хочется бродить по улицам и ничего не делать; лаборатория кажется тюрьмой, пленом. На улицах же смена впечатлений, обонятельная память ярко впитывает все весенние веяния, которые впоследствии порой обретают форму в новых духах. Осенью же происходит обратное. В воздухе вновь разлит хмель, но этот осенний хмель вызывает желание работать, искать, творить, запечатлевать желаемое в душистых аккордах. Работа в Париже облегчается также тем, что этот город — центр мировой парфюмерии, поэтому все лучшее и новое демонстрируется сначала там и лишь потом отсылается в другие страны.

В Париже и его окрестностях находится несколько сот парфюмерных фабрик. Там постоянно кипит работа, исполняются заказы, присланные со всех концов света; в лабораториях идут непрерывные поиски нового. Специалисты работают над созданием новых духов, стараются найти нечто самое тонкое, трудноуловимое, то, что, заслужив успех, принесет славу

парфюмерному Дому. Но интересных достижений бывает немного. Молодым начинающим химикам в начале работы кажется, что каждая их новая композиция замечательна; с восторгом и гордостью они представляют ее на суд опытных парфюмеров; но он неизбежно бывает строгим. Известный парфюмер от Дома "Либер" Пьер Арманжа сказал однажды об этих композициях: *"То, что в них хорошо, к сожалению, не ново, а то, что ново, нехорошо"*. Но такая же строгая критика касается нередко и известных парфюмеров; как часто возвращаются они в своих новых композициях к фону прежде созданных, отчего новый аромат становится как бы не совсем новым. К тому же, подобно художникам, каждый талантливый парфюмер имеет свою собственную манеру, свою особенность; оттого-то все лучшие их творения имеют единую основу.

Так, парфюмер, нашедший когда-то тонко вибрирующий амбровый аккорд, остается как бы зачарованным им, не может забыть его и передает его во всех последующих творениях. Другой творец, нашедший однажды полную эманаций мускусную базу, уже не смеет изменить ей. А тот, кто приобрел мировую славу и известность перечно-ванильным аккордом, остается ему верным навсегда.

Вероятно, найти подлинную основу аромата, вибрирующую на расстоянии, столь нелегко, что нашедший ее однажды старается извлечь из нее все возможное. Трудно парфюмерное искусство. Вряд ли есть другая область творчества, где бы процент первоклассных произведений был столь ничтожен. Какое богатство оставляют после себя великие композиторы, художники, скульпторы! А парфюмеры? После лучших из них, самых прославленных остаются лишь две-три композиции действительно хороших духов.

А чтобы создать новые духи, надо обладать еще неизвестными или мало употребляемыми душистыми веществами, которые могут стать центром благоуханного ядра. И выбранное вещество должно обладать ярким и сильным запахом, порой "на первый взгляд" не слишком приятным, но всегда крепким, оригинальным, вызывающим новую, неизвестную ноту в ароматическом аккорде; кроме того, полученное ядро должно быть устойчивым, то есть крепость сцепления между

составляющими его должна быть очень велика, иначе дальнейшая работа над ним невозможна. Работа же эта заключается в расширении, увеличении емкости духов, их тонкости, богатства, достижении наибольшей фиксации и, наконец, очень медленного, постепенного угасания. В настоящее же время от духов требуют не только чрезвычайной крепости, но и очень большой сложности впечатлений. Возможно же это только при наличии длинных формул и больших концентраций. Зато развитие благоуханности тонких духов всегда красочно и многообразно, и лишь основной их аккорд остается верен своему "лейт-аромату". Но, какими бы продуктами ни располагал парфюмер, его творческая фантазия всегда остается связанной с его эпохой и топологией. Так, все прославленные французские духи глубоко пропитаны духом Парижа, и в этом состоит, вероятно, главная причина их феноменального успеха.

В то же время французских парфюмеров никогда не смущает очень высокая себестоимость духов, что женщины со вкусом вполне осознают. Сделать хорошие духи без большого количества дорогих эфирных масел совершенно невозможно, так как только тонкие эссенции способны подобающим образом окружить, одеть благоуханное ядро. Этим и объясняется тот факт, что большую часть лучших произведений Грасса — мирового центра натуральных эссенций — закупает Париж; и сколь бы велика ни была цена душистого продукта, это не остановит столичного парфюмера, если качество оправдывает цену. Кроме того, парижская парфюмерия, находясь в руках многоопытных специалистов, отлично знает грасский рынок, манеру работы каждого Дома, чистоту и тонкость натуральных эссенций, им продаваемых. Не менее важно и то, что Париж точно осведомлен о ценах на первоклассные душистые масла и покупает их только по этим ценам. Таким образом, если цена чистой майской розы составляет 4600 франков за килограмм, парижская парфюмерия не предложит за нее 3000, так же как она не потребует хорошую лаванду по 80 франков за килограмм, если ее цена 110 франков, что нередко допускают второстепенные парфюмерные фирмы или люди, недостаточно знающие дело. Грасские продавцы редко отказывают подобным покупателям, но в таких случаях чистота товара соответствует его цене.

Столь же необходимо знание возможностей грасского рынка. Не следует заказывать большее количество продукта, чем имеется

на местном рынке. При получении заказа его следует немедленно и очень тщательно проверить, каким бы добросовестным ни был продавец. Ошибка всегда возможна, и первым лицом, ответственным за ошибку является парфюмер Дома!

Итак, создать новые хорошие духи удается крайне редко; вот почему, даже когда успех духов кажется обеспеченным, нельзя снижать их качество и себестоимость. Очень многие женщины обладают отличным обонянием, и ухудшение качества духов неминуемо скажется на их продаже...

Помимо душистостей и тинктур очень большую роль в производстве духов играет спирт. Французский спирт, употребляемый в парфюмерии, всегда 96-процентный и абсолютно читый, ни и коем случае не денатурированный, что нередко встречается в других странах и пагубно сказывается на аромате и развитии благоуханности.

Всю свою жизнь парфюмер должен учиться, наблюдать, запоминать, совершенствоваться, чтобы суметь затем в душистых аккордах передать все лучшее из пережитого им.

Первым и главным его наставником является природа. Душистость цветов, трав, фруктов, благоуханность лесов, полей, гор, рек и морей, впечатление от времен года, часов дня и ночи — все подсказывает ему, как развивается и видоизменяется аромат. Города и различные страны также обучают парфюмера, открывая ему то блестящие, то теневые стороны жизни, сопровождающиеся отрицательными, разъедающими запахами.

И наконец, последнее откровение, неожиданное, прекрасное и вдохновляющее более всего, — это женщины. За ничтожным исключением, все наиболее прославленные духи созданы мужчинами для женщин, и в них чувствуется мужское дерзновение и благотворное влияние женщины. Правильно выбранные духи усиливают шарм женщины, а душистые аккорды подчеркивают ее тип, меняющийся под влиянием эпохи и по требованию дня.

Франция тесно связа с парфюмерией уже не одно столетие. Нелегко объяснить изменение моды на типы женской и мужской красоты, на различные виды искусства, но, думается, эти вкусы зависят главным образом от класса, управляющего страной. Так, правление аристократии диктует моду на пышную, непригодную для работы одежду; демократии — на практичное и более простое платье. Духи королевского Версаля отражали характер сановников того времени. В них за маской изысканных манер таились дерзкий любовный реализм и уверенность в быстром достижении желаемого. Духи этой эпохи почти всегда афродизиачны; их формулы нам хорошо известны — они в избытке содержат мускус, амбру и цибет. Остальные ароматы лишь скромно их дополняют. А вместе с тем уже многие другие благоуханности были тогда хорошо известны, просто они не соответствовали требованиям эпохи.

Ужасы революции, кровопролитные наполеоновские войны, приход к власти буржуазии — и вкус на духи изменился. Буржуазный класс не знал ни темперамента, ни размаха аристократии; страсти были чужды ему, и в духах он искал лишь натуральности и доброкачественности. И только что созданные одеколоны, и новые духи несли свежесть, несложность, душистость цветочных масел. Но простота натурализма быстро приелась, и с 60-х годов прошлого столетия ее сменила романтическая школа, завоевав вкус широкой публики. Все способствовало этой победе: музыка, литература, искусство. Снова аромат духов стал полон силы и крепости, но в него вошла небывалая фантазия, чему способствовали достижения химии в области ароматов. От натуралистической школы романтизм сохранил большой процент цветочных эссенций, от реалистической — прибавил животные ароматы, не превышая известной "приличности". И духи стали по-новому нежными, благоуханными, капризными, как женщины того времени. Они сразу же были оценены по достоинству. Понравились не только их внешние качества, но и внутренние свойства: умение подчеркивать женственность, слабость, беззащитность и все то, что особенно воздействует на психику мужчины.

Романтическая школа дала целый ряд первоклассных духов, полных жизни, тепла и законченности; она сумела наиболее полно осветить лучшие стороны женского характера.

Целый ряд французских, а также некоторые английские Дома способствовали огромному успеху этой школы. Главным образом успех этот обязан исключительному таланту трех французских парфюмеров: Герлена, Коти и Парке из Дома "Убиган". Один за другим они выпустили духи, замечательные по оригинальности и качеству. Вслед за ними и другие Дома дали целый ряд первоклассных произведений. Эти годы мира, благосостояния, легкости жизни особенно способствовали расцвету романтической школы.

Со временем все большая эмансипация женщин, их "модернизм", пристрастие к курению, любовь к путешествиям и автомобилю да еще механизация жизни произвели новый сдвиг во вкусах широкой публики. И ужасы войны 1914 — 1918 годов ускорили этот сдвиг. Люди, побывавшие на фронте, а за ними и молодежь меньше верили в будущее, торопились жить и чувствовать, требуя от настоящего всей полноты переживаний, всей яркости и красочности. Требования эти не довольствовались мечтами и фантазиями, они принадлежали новому мировоззрению и были совершенно чужды нашим бабушкам, еле понятны матерям, но близки нам и нашим детям. Новая музыка, новые танцы, быстрота передвижения, характерный запах автомобилей и вокзалов, связанный с радостью дальних путешествий, горечь папиросы, вкус сложного коктейля, а главное, любовь к жизни в дыму и шуме больших городов — все характеризует этот сдвиг. Уже в конце прошлого столетия Гюисманс гениально предвидел новую перемену, и в его романе "A rebours" ("Наоборот"), написанном в 1890 году, герцог дез Эссент создал духи, внеся в них нотки горечи, вполне отвечающие современной концепции жизни.

Импрессионистская школа берет свое начало от духов "Шанель № 5", появившихся в конце первой мировой войны, в 1922 году. Их появление было восторженно встречено молодежью и людьми передовыми, с отрицательным недоумением — старшим поколением, закосневшим в узких рамках прошлого. Яркость и радость жизни, которые давали "Шанель № 5", были им непонятны, а сила нового аромата слишком велика и ослепительна. Так, вихрь вальса опьяняет людей молодых и сильных и недоступен старикам. Цена на "Шанель № 5" была

очень высока, и этим сразу воспользовались их противники, уверяя, что своим успехом новые духи обязаны обычному снобизму. Однако эти духи первыми сумели благороднейшим образом ответить на новые веяния, новый вкус эпохи... Вслед за ними огромный успех выпал на долю "Crkpe de Chine" от Мило и "Arpige" от Ланвена, и победа импрессионистской школы была закреплена.

Школа эта не отказалась от основ романтизма, преклоняясь перед прелестью его фантазии, нежной женственностью, особенно редкой в наш тяжелый и грубый век, но дерзновенную яркость впечатлений она предпочла слишком большой "округленности" романтических духов. Так, одной из причин успеха импрессионизма является сила благоуханного шока, покоряющая и как бы удивляющая обоняние, а затем, не давая рассеяться первому впечатлению, умеющая развиться в красочном аромате до максимальных пределов восприятия.

И психологически действие новых духов оказалось более глубоким и сильным, чем действие духов романтической школы, так как в них было введено все то лучшее, что было в прежних духах, но в несравненно большем количестве. Как мы уже говорили, нельзя создать духи без элемента огненности, но огонь бывает разным; и импрессионизм семул внести в духи не утомляющий свет электричества, а живительный блеск и тепло свечей, и в этом его большая заслуга.

Благодаря такому умению обращаться со стихией огня металлический холод химических душистостей был уничтожен, что позволило употреблять их в очень большом количестве; а это и дало новым духам чрезвычайную мощность и невиданную до сих пор красочность благоухания. В аромате новых духов многое заимствовано из прекрасного прошлого, из блеска и нарядности прежнего уклада жизни с его балами и обедами при зажженных свечах, которые так удивительно оттеняли красоту женских лиц, заставляли играть драгоценности, переливаться ткань, усиливали шарм благоуханности.

Хорош импрессионизм и тем, что ему удалось выразить невысказанное желание женщин: самим как бы оставаться

центром благоуханности, только окруженной и дополненной нежной душистостью цветов и поддержанной и вознесенной основным ядром аромата.

Заканчивая этот краткий обзор, я надеюсь, что мне удалось показать читателям, не посвященным в тайны ароматического искусства, как непросто создать новые хорошие духи. Приходится только сожалеть, что имена их настоящих творцов так редко фигурируют на флаконах. Это, вероятно, объясняется тем, что на первых порах собственник парфюмерного дела и создатель духов были одним и тем же лицом. Однако теперь это совпадение встречается нечасто, и справедливость заставляет нас желать, чтобы в парфюмерии, как и во всех других видах искусства, имя автора не оставалось в неизвестности.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Об истоках вдохновения.

О родине каждый из нас вспоминая,

В тоскующем сердце унес

Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая,

Кто заросли ялтинских роз...

С. Черный.

Мы уже говорили в начале этой книги, как велика обонятельная память человека, максимальное развитие и обогащение которой происходят в дни молодости, когда все впечатления ярче и свежее, отчего они и воспринимаются особенно глубоко. Для большинства людей воспоминания, связанные с запахами, являются самыми долговечными, особенно если эти переживания овеяны благоуханиями. Вероятно, роль подобных воспоминаний велика и они отражаются на всей дальнейшей жизни человека. Вероятно также, что они составляют запас счастья и оптимизма, который человек вносит в жизнь из первых лет своего детства и молодости. Эти же благоуханные мгновения ложатся в основу всей артистической природы человека, в них кроются истоки ароматического искусства, и их-то и старается передать и выразить в своих творениях всякий талантливый парфюмер. Нелегко проследить за мыслью и чувствами, связывающими эти молодые впечатления с законченной душистой композицией и духами. Вотпочему некоторые специалисты ошибаются, утверждая, что большая часть прославленных духов обязана своим появлением простому случаю, то есть неожиданному образованию душистого аккорда во время лабораторных опытов, и что лишь дальнейшая работа над этим аккордом зависит от знания и таланта парфюмера. Работа последнего заключается якобы в окружении, округлении, фиксации и максимальной экзальтации "случайно" создавшейся благоуханности. Разумеется, подобные утверждения никогда не преподносятся широкой публике. Нет сомнения, что простой случай может вознаградить долгий и упорный труд; такие случаи встречаются нередко, но только одаренные парфюмеры могут их использовать, выразить и запечатлеть. Удается это лишь при

условии, что данный аромат им близок и созвучен.

Однако далеко не все могут ответить на ясно поставленный вопрос: *"Как и почему зародилась у вас идея таких именно духов?"* Одни не ответят по недоверию, из-за страха за свои достижения; другие — потому, что сами не отдают себе в этом отчета; третьи же вспомнят что-нибудь очень личное, непередаваемое, нежное и такое далекое, что и выразить нельзя. Но помнятся мне два разговора об идее зарождения духов с двумя очень известными парфюмерами. Гостил я летом у милейшего Фрайса в его прелестном имении Кло-Муссю. Перед завтраком вышли мы прогуляться к реке. Дети убежали вперед, я же остался с двумя братьями хозяина — Андре и Жоржем. Было это после небольшого летнего дождя, дышалось легко, и вдруг налетел ветерок и принес сильный свеже-горьковатый запах трав и теплый аромат летней земли. Андре Фрайс вдруг встрепенулся и, обернувшись к нам, сказал каким-то необычным голосом, словно он не видит нас, а говорит сам с собой: *"Да, условия, при которых я начал строить свои композиции, были исключительно удачны. Был я молод, жил в Париже, работал у Ланвена, видел вокруг себя прелестных элегантных манекенов, красивых женщин... Все это способствовало моей работе, и все это я передал в своих духах. Удивительного в этом ничего нет"*.

Никакой позы, театральности нет в этих словах. Но они так подходили к его элегантной манере держаться, разговаривать; и действительно, основой всех его лучших духов был шарм женственности, подчеркнутый легкой дымкой горечи первых осенних дней. Думается, что эти слова Андре Фрайса представляют очень большой интерес, так как он — один из талантливейших парфюмеров Франции. В этих словах не только указывается на то, что вдохновляло его, но и объясняется, что работа его была легкой именно потому, что протекала в исключительных условиях. Мне хочется особенно подчеркнуть значение этого утверждения, ибо мало кто из хозяев парфюмерных Домов отдает себе в этом отчет. Очень немногие парфюмеры в начале своей карьеры имеют подобные условия для работы, а от этого во многом зависит расцвет или преждевременное увядание их таланта. Андре Фрайс вовсе не говорил о случайной композиции; для него ароматическое построение зависит не от каприза судьбы, а, наоборот, от чувства, размышления, опыта и упорной работы в благоприятных

условиях.

В 1927—1928 годах мне пришлось впервые присутствовать при создании дорогих духов. Непередаваемо, как вырастает ароматическое построение, как ширится его благоуханность, как все ярче становится его первоначальная душистость и как с каждой новой пробой аромат становится все тоньше и определенней.

Духи эти во многом отличались от предыдущих творений Эрнеста Эдуардовича Бо и представляли для нас, его учеников и сотрудников, особый интерес. Создание их было делом нелегким. В основу были взяты эфирные масла, добытые из заморской древесины. Вещества эти дают чудесный фон и тонкую ноту, но, будучи весьма вязкими, замедляют ход развития начальной и центральной душистости. Необходимо было добавить к ним такие душистые вещества, которые сразу бы пленили обоняние, затем ускорить максимальное развитие основной благоуханности и придать ей необходимый радиус, так как успех духов в значительной степени зависит от этого. Эти духи были названы "Bois des Iles" ("Дерево далеких островов"), и это название было чрезвычайно верным. Их экзотика была очень тонкой, лишенной знойной и тяжелой страстности аравийско-восточных духов. От них веяло как бы XVIII веком, его пышностью и богатством. Как-то раз Эрнеста Эдуардовича спросили, что натолкнуло его на мысль создать эти духи. *"Пиковая дама"*, — ответил он. И действительно, духи эти могли бы подойти ко времени молодости Пиковой дамы, когда Венера Московская блистала на версальских балах. Подходили они и к музыке оперы "Пиковая дама". Эрнест Эдуардович не раз наслаждался этой оперой Чайковского в замечательной постановке Императорского Большого театра Москвы, где и декорации и костюмы были до мелочей верны эпохе, поражали богатством, великолепием и вполне соответствовали уровню музыкального исполнения. Эта опера оставила глубокий след в душе Бо.

Человеческая природа сложна; ни один артист не может замкнуться в своей сфере, так как свет, звук и аромат тесно связаны между собой. Оттого-то музыка может влиять как на творение художников, их композицию, краски, так и на ароматические произведения парфюмеров, на гамму их

душистостей... Но только в зрелом возрасте Эрнесту Эдуардовичу удалось создать духи, навеянные мотивами "Пиковой дамы". Вдохновение пришло во время исполнения этой оперы, но уже в Париже. Зато это вдохновение было столь сильным, что он сразу же с необыкновенной ясностью почувствовал аромат этих еще не созданных духов. "Bois des Iles" стали его любимым детищем, и я не раз слышал, что эти духи он считает чуть ли не самыми тонкими из всех им созданных.

И как часто вспоминался мне один из ярких зимних дней моего раннего детства. Вся усадьба занесена глубоким снегом. Морозно, но в большом доме тепло и уютно. Завтрак закончен, и все взрослые разошлись. Наши гувернантки тоже поднялись к себе и временно забыли о нашем существовании. Мы одни и свободны. Мешкать нечего — наш поход задуман с утра, и, как мышки, мы проскальзываем один за другим в коридоры и комнаты и добираемся до кабинета дяди Юрия. Это большая высокая комната с ковром и шторами в осенних тонах. Легкие волны табака, сигар, аромат юфти, дубовых книжных шкафов с редкими книгами. Запах этих книг и прежде поражал меня: что-то старинное, неживое, но близкое и берущее за сердце. Вероятно, это чувство понятно всем коллекционерам, любителям книг... Все в этой комнате располагало к раздумью, работе, чтению. Казалось, и сам становишься умнее и что-то важное начинаешь понимать. Пушистый ковер заглушает шаги; кресла глубоки и удобны. Тишину нарушает лишь веселое потрескивание березовых дров в большом камине да тиканье часов на нем. *"Мужчинами здесь пахнет"*, — сказала вдруг Зина, и я подумал, что это верно подмечено; ничего здесь нет цветочно-женственного, ничего сладкого; пахнет сухо и крепко... Я еще не знал тогда, что что-то мускусное было в этом запахе.

Но задерживаться здесь мы не могли: цель нашего визита была другая, и от нее, отделяла нас только одна из плотных, массивных дверей кабинета. С большим трудом отворяем мы тяжелую дверь, спускаемся на пять ступеней — и замираем. Контраст поражает нас. Только что мы вдыхали сухой воздух кабинета, и вдруг нас окружает влажная атмосфера оранжереи, насыщенная всевозможными ароматами. Воздух кажется почти осязаемым; голова слегка кружится, но сердце бьется радостью... Как хорошо! Всего острее мы чувствуем запах земли, но это не благоуханность чернозема при таянии снегов, не теплая свежесть

земли после короткого летнего дождя. Все мы чувствуем этот запах как что-то чудесное, давно забытое... Быть может, такой запах был в утерянном Адамом раю?.. Минуту стоим мы у входа, а потом медленно идем по оранжерее, стараясь видеть все. Посредине бьет фонтан, и его тонкие струйки рассыпаются во все стороны; свежесть, блеск капель, их ритм и своеобразная мелодия, преломление световых лучей в воде — все зачаровывает чувства...

За фонтаном цветет и благоухает лиловый сиреневый куст. Что-то теплое, вкрадчивое в его аромате, но не созвучное нам. Мы окружаем сирень, но только для того, чтобы искать "счастье" в ее пушистых гроздьях... Зато рядом большая рассада ландышей с их девственной свежестью напоминает нам о весне, и мы нюхаем их с восторгом. Удивителен аромат у этого тонкого цветка! И вдруг мы поднимаем головы. Что за новый запах? Над нами в цвету деревья флердоранжа, переносящие нас в южное горячее лето. Как фимиам стелется этот аромат по всему зимнему саду, сливается с влажным воздухом земли, мхов, папоротников, пальм и лавров. Тут же цветут гиацинты и, подобно ландышам, говорят о весне, и аромат их вливается в общую гамму, общий букет. И вдруг новая благоуханность заслоняет для нас все другие. Перед нами соблазнительно краснеют зрелые пушистые плоды персикового дерева, притягивая нас своим ароматом. Вкусовая душистость его вливается в оранжерейную благоуханность, придает ей утонченную законченность и легкий, шаловливый вызов, мечту о чем-то осязаемом... Много-много лет прошло с тех пор, а я все помню сложный и чудесный аромат зимнего сада моего раннего детства.

Немало часов провел я потом, желая восстановить это благоухание, выразить его в духах. Работа эта оказалась нелегкой, но интересной, поучительной и не напрасной, так как этот аромат отвечает определенному типу женщин и принадлежит к одной из основных групп душистостей в парфюмерии, где цветочность тонко, но тесно сплетается с фруктовостью на влажно-пряном фоне запаха земли, зелени и мхов. Быть может, в моих поисках помог случай. Только случай этот уж очень зависел от меня, так как мои знания, упорство, фантазия, опыт — все вело в этом направлении и выкликало это нечто из небытия.

Большую роль в жизни парфюмера играют путешествия — новые места и впечатления очень часто являются источником вдохновения. Парфюмер не должен жить на одном и том же месте всю жизнь и дышать все тем же воздухом. Путешествия ему так же нужны, как благоприятные условия для работы, как внутренний огонь в поисках красоты. Вспоминается не очень жаркий день августа на юге Франции. Я жил тогда в Гольф-Жуане. Друзья заехали за мной утром, и мы отправились купаться. Потом очень весело завтракали в Каннах, а вечером играли в теннис. Когда совсем стемнело, мы поехали ужинать в Мужен. Плавно поднимался в гору открытый бьюик. Все тонуло в лунном свете. Чудесно дышалось полной грудью и сладко было ни о чем не думать, ничего не желать... И вдруг мы въехали в посадки жасмина и погрузились в волны аромата этого скромного белого цветка. Автомобиль остановился; мы вышли из него и молча вдыхали пленительный запах; не хватало слов, чтобы выразить наше восхищение. А тут еще легкий ветер с моря то усиливал, то смягчал запах, как бы дразня нас. Казалось, не одно наше обоняние, а все поры нашего тела, все чувства наши наполняются ароматом. Долго простояли мы там, а потом вновь поехали среди цветочных плантаций. Луна поднималась все выше; становилось светлее; кто-то включил приемник — и звуки "Травиаты" донеслись до нас из Милана. Ехавшая с нами прелестная Маришка замолкла, и ее гордая головка стала еще привлекательней. Мы все засмотрелись на нее. Автомобиль поднимался все выше, вновь въехал в волны жасмина и вновь остановился... Вероятно, подобные переживания навеяли идеи создания немалого количества духов. Среди них особенно ярко запомнился мне с времен моего детства "Jasmin de Corse". В ту пору это были дорогие духи, в которых гениальный Коти сумел передать притягивающую чувственность и шарм легкой задорной душистости этого цветка, без эссенции которого нельзя создать ни одних хороших духов...

Путешествие в Англию принесло мне не менее интересные переживания, хотя и совсем иного рода. Я впервые попал туда вскоре после окончания второй мировой войны. Вначале я жил в самом Лондоне, пострадавшем от бомбардировки: почти везде были пустые провалы вместо домов. Тем не менее город понравился мне своим размахом, серьезностью, патриархальностью, и по мере моей жизни в Англии эти качества становились для меня все рельефнее и четче. Со временем поселили меня в прелестном предместье столицы — Эпсон-Дауне,

где многие дома казались сошедшими с рождественских английских открыток. Поместили меня у милейшей мисс Фрэзер — сдержанной, воспитанной, типичной англичанки, говорившей по-французски. Уклад жизни этих людей, их манеры и отношение друг к другу были пронизаны теплом, сохранившимся от прошлого столетия. В начале моего пребывания часть дня я проводил в Кройдоне, на парфюмерном заводе, а другую часть — в Лондоне, где тоже было немало дел. Как во всех больших городах, в воздухе Лондона присутствовал запах выхлопных газов, но иногда он вдруг растворялся бодряще-живительным морским ветром. Было нечто в атмосфере города, чего мне никак не удавалось разгадать. Словно встреча со знакомым человеком, имя которого не удается припомнить.

Несколько дней я мучился, пытаясь ассоциировать с чем-нибудь этот запах. Наконец в какой-то из дней Жак В. пригласил меня поужинать в модный ресторан с французской кухней, где, для условий того очень трудного времени, кормили неплохо. За столиками сидели элегантно одетые мужчины и красивые, нарядные женщины разных национальностей. Ужин прошел за интересными разговорами и наблюдениями. Когда же при выходе лакей подавал мне пальто, я вдруг неожиданно для себя понял: *"Да ведь Лондон — единственная в мире столица, где доминирует мужской, а не женский запах"*. Атмосфера ли ресторана, сигара ли Жака навели меня на эту мысль, но теперь я уже в ней не сомневался. Где только мне ни пришлось бывать ранее — во всех столицах Европы доминировала женская душистость. Здесь же — на улицах, в домах, в поездах, в метро, в ресторанах и даже отчасти в театрах — в силу каких-то тайных причин царствовал мужской дух. Порой казалось, что и камни старых домов, площадей и мостов да и сама Темза пропитаны этим духом.

Да, Лондон — город мужской. Здесь редко удается увидеть на улице действительно элегантных женщин, если только элегантность эта не спортивная, и постоянно встречаются мужчины, как бы сошедшие с модных картинок. И мужские магазины Лондона — сплошной соблазн. Мне потом не раз пришлось ездить в Англию; я много встречался и разговаривал с англичанками и глубоко убедился в том, что они любят духи и понимают их воздействие на окружающих. Но по причинам векового пуританского воспитания, укоренившихся законов и предрассудков против всякого рода душистостей они не решаются

в достаточной степени ими пользоваться. Наибольший успех у них имеют цветочные духи, в то время как на Европейском континенте женщины все чаще предпочитают духи без определенно выраженной цветочности. Аромат этих духов крепче, радиус их благоухания больше, и они ярче выявляют надушенную ими женщину. Но эти духи обязательно должны быть исключительно высокого качества. К сожалению, таковых немного. Как правило, большинство духов основано на дешевых, крепких синтетических душистостях, тогда как дорогих цветочных эссенций не так много. Такие духи могут даже представлять некоторую опасность для окружающих из-за их утомляющей назойливости, а для самой женщины, пользующейся ими, они опасны тем, что уничтожают ее личную благоуханность, превращая ее в существо искусственное — "софистике", и нередко весьма вульгарное. Духи же цветочные, более слабые, этого впечатления обычно не создают; их аромат лишь приятно добавляет, а не изменяет естественный аромат женщины. Вероятно поэтому англичанки предпочитают цветочные духи, боясь вызвать недовольство мужчин, избегающих чар душистостей... и все же подпадающих под их обаяние...

В 1948 году я впервые побывал в Соединенных Штатах Америки. Добирался я туда на комфортабельном корабле "Королева Елизавета". Море было спокойным, пассажиров не слишком много; я занимал очень большую и удобную каюту первого класса. Пять дней плавания прошли быстро: я наблюдал жизнь на борту чудесного корабля, наслаждался величием океана, вдыхал его живительный воздух. Нью-Йорк нас встретил туманом, и мы прибыли в порт с некоторым опозданием, простояв на рейде около двух часов. Мы шли медленно, и, как смутное видение, перед нами высились небоскребы. Каким-то фантастическим, эфемерным показался нам город, и это первое впечатление навсегда осталось во мне, несмотря на многомесячное пребывание там. Нью-Йорк не похож на другие города. Здесь люди забыли историю Вавилонской башни и вновь осмелились возвести до небес грандиозные сооружения, но не во славу Божию... Поселили меня в старомодном уютном отеле "Лафайет", где почти весь персонал говорил по-французски, что очень облегчало мою жизнь.

Тотчас же по прибытии я погрузился в парфюмерную работу по строго французской системе, одновременно знакомясь с

жизнью Америки. Ко многому надо было привыкнуть, но великодержавность этой страны сразу же покорила меня. После отъезда из императорской России я нигде не ощущал этого чувства. В Америке оно вызывалось множеством вещей: и размерами страны, и манерой работать, и интересом ко всему новому, и широким гостеприимством ее народа. Двое моих верных друзей — Наташа Молодовская и граф Сергей Александрович Кутузов — окружили меня участием, скрасили мое долгое одиночество и предоставили массу интересного и поучительного материала, без которого я бы многого не сумел узнать. Владельцы и дирекция предприятия во главе с Грегори Томасом отнеслись ко мне с большим вниманием, благодаря чему я приобрел возможность посылать в Европу, где после недавней войны испытывалась нехватка во всем, множество посылок.

В свободные от работы часы я много ходил и ездил, приглядываясь к американской жизни и стараясь уловить, чем Северная Америка отличается от других стран. Необычайную нервную напряженность Нью-Йорка я почувствовал сразу, но помимо этого существуют в атмосфере этого города и всей страны какие-то особые вибрации, неизвестные Европе. Они обладают некой разрушительной силой, вкусом и запахом. Относится это главным образом к фруктам, овощам и цветам, привезенным из Европы. Многие из них приобрели большие размеры и яркость окраски, но утратили вкус и значительную часть аромата. Примерно то же происходит с европейцами, переселившимися в Северную Америку. Так, через несколько поколений женщины теряют свои особенности и превращаются в средних "американок": высоких, длинноногих, с небольшой головкой, чудесным цветом лица в молодости, но как бы недоразвитых, с небольшой грудью и узкими бедрами, женщин-амазонок, более предназначенных для различных видов спорта, нежели для любви и материнства. В этом — огромная драма Америки, так как, несмотря на красивую внешность, сексуальная привлекательность американок невысока. Искусственностью, холодом веет от них, а не благоуханным теплом женственности. Вот почему американские экраны заполнены актрисами европейского телосложения, менее красивыми, но с большим шармом. Инстинктивно чувствуя, что ей чего-то не хватает, американская женщина, в отличие от француженки, предпочитает духи жгучие, "перченые"; но обиходное пользование духами еще очень примитивно и не развито. Впрочем, спрос на хорошие французские духи из года в год увеличивается, и, возможно, в

ближайшем будущем американки будут больше и чаще прибегать к ним. Тем более что покупательная способность женщин Соединенных Штатов Америки весьма велика: ни в одной стране мира институты красоты не работают столь интенсивно, как в Америке, и нигде предметы косметики не продаются в таком большом количестве. Надеюсь, что, поняв роль аромата в жизни и опасность дешевой парфюмерии, американки станут покупать лишь лучшие фрацузские духи, полностью изготовленные и разлитые на месте их производства, в Париже.

Прожив довольно долгое время в Америке, я вынес глубокое убеждение в том, что нигде духи так не нужны, как там. Но духи эти должны давать радость, а не возбуждать, не действовать на нервы людей, которые в этой стране тотальной механизации и без того чрезмерно взвинченны. Это в наибольшей степени касается больших городов, и главным образом Нью-Йорка — города исключительной перевозбужденности, бешеного темпа жизни и огромного количества электричества, разлитого в атмосфере.

Правда, есть в воздухе Нью-Йорка и что-то благодатное, светло-экзальтирующее, но этой живительной волне нелегко пробиться сквозь запахи автомобильного смога, разношерстной толпы, примитивно приготовленной пищи, домов, построенных наскоро и не имеющих благородного дыхания старины. Лишь в моменты могучих порывов морского ветра светло выявляется истинная сущность Нью-Йорка, и тогда понимаешь, что есть в нем своя горячая вера в предназначение и возможности человека. Особенно глубоко это чувствовается в ночное время, когда воздух насыщен живительным озоном и так легко дышать и думать. Наиболее остро эта легкость ощущается на верхних этажах небоскребов, что, возможно, объясняет и оправдывает эти постройки. Думается, что этот воздух дает мужчинам оптимизм и дерзновение, а женщинам — желание нового, неизведанного, какую-то неудовлетворенность. Полагаю, немало жизненных коллизий объясняется составом воздуха и резкими его изменениями.

В ночные часы, когда Нью-Йорк превращался в призрачное, феерическое видение, любил я бродить по его затихшим улицам. Ночь скрадывала все то, что при свете дня казалось уродливым, и ощущался лишь изумительный размах этого странного города.

Реальностью оставались лишь мерцающие огоньки на головокружительной высоте верхних этажей небоскребов, и казалось, что это лампады или свечи, горящие в небе перед престолом Всевышнего. И в эти мгновения по-иному смотрели мои глаза, и я начинал понимать любовь и гордость ньюйоркцев своим городом...

Итак, роль путешествий в жизни парфюмера весьма велика. В этой связи нельзя не отметить того особого значения, которое может иметь в его жизни и творчестве путешествие по Италии. Пребывание в ней так же необходимо парфюмеру, как художнику, музыканту, поэту. В культурной жизни человечества роль Италии — преемницы античной Греции, огромна. Италия открывает артистам неисчислимые богатства античного мира с его лучезарным, вечно юным гимном любви и красоте. Италия еще вся проникнута Ренессансом, сыгравшим особую роль в искусстве и открывшим дорогу науке. Да и сама парфюмерия начала свое восхождение по Европе с итальянского Ренессанса, чему в немалой степени способствовали прекрасные ароматы цветущего Апеннинского полуострова.

С первого же моего путешествия в эту страну я подпал под власть ее чар... Начал я с Флоренции — города цветов, на гербе которого алеет лилия. Стоял август; было жарко, пыльно, ночью мучали комары, но все это меркло перед необычайной прелестью этого города. Мне казалось, что даже камни старинных домов, дворцы, площади преисполнены тончайшей благоуханности, причем блауханности амброво-женственной во всей светящейся ее золотистости. Помнится, как после осмотра дворца Медичи сидел я, утомленный, на площади в тени колонн. Мимо меня проходили бесчисленные группы людей различных национальностей, и все они представлялись мне серыми, уродливыми призраками нашей эпохи. Тогда как в реальности по-прежнему существовала незыблемая Флорентийская республика времен великолепных Медичи. И вся окружающая атмосфера подтверждала это ощущение своим тонким, богатым, чувственным ароматом Ренессанса. Теми же волнующими волнами благоуханий были наполнены Сиена, Пиза и вся Тоскана, почти не изменившая свой вид, в точности напоминающий картины великих мастеров Ренессанса. По вечерам, когда на небе зажигались первые звезды, любил я бродить по отдаленным улицам Флоренции, наблюдая за ее жителями, мирно сидящими в открытых харчевнях или у

порога своих домов. Быстро пронеслась неделя. Я был очень рад встретиться с моей кузиной — княгиней Оболенской (урожденной Урусовой). Общие семейные воспоминания еще более укрепили во мне впечатление мимолетности жизни и реальности прошедшего. Пребывание во Флоренции дало мне целый ряд новых впечатлений, особенно по работе над амбровым аккордом — альфой ароматического искусства. Возвращаясь во Францию, где меня ожидали друзья, я уже начал мечтать о том, чтобы снова вернуться в этот город Ренессанса и как можно дольше не расставаться с ним.

Вторично ездил я в Италию с моим сыном Михаилом. Мы пожили в Риме, побывали в Помпеях, отдыхали на острове Иския. Друзья предупреждали меня, что Римом я буду очарован, но реальность превзошла все мои ожидания. На римском вокзале нас встретили родственники — Алексей Оболенский с женой, — что очень нас тронуло и облегчило первые затруднения, связанные с незнанием языка. Выйдя из великолепного вокзала, я сразу же почувствовал великолепное дыхание Рима. Дыхание, преисполненное солнечной живительностью и чем-то близким и желанным... Остановились мы у графов Орловых-Денисовых — людей милых и благожелательных, — много и тепло говорили о Риме. Первый день провел я в окружении молодежи, так как и моя дочь Ирина с мужем присоединились к нам. Они возвращались с острова Иския и на два дня решили задержаться в Риме, чтобы побыть с нами. Было удивительно приятно оказаться среди молодежи: Миши, Ирины с Жераром, Алексея с Селеной. Радостно было смотреть на их оживленные лица, видеть их восторг, слышать их неожиданные замечания. Вместе мы ходили осматривать дворец Боргезе. Мой зять Жерар пришел от вида дворца в неописуемое восхищение, не мог глаз оторвать от некоторых статуй и картин. Затем мы долго гуляли по Риму, слушая пояснения Алексея Оболенского. Поздно вечером ужинали в маленьком ресторане недалеко от вокзала. Молодежь веселилась, выбирая незнакомые блюда, обучаясь есть спагетти и наблюдая за окружающими. В одиннадцать вечера, проводив дочь и ее мужа, уезжавших в Швейцарию, мы вернулись к себе. Бархатная римская ночь, южная, ароматная, сразу же погрузила нас в мир сновидений. На следующее утро за нами зашел граф Сергей Шереметьев, предложивший быть нашим "чичероне", и под его руководством мы посетили Форум. Объяснения его были так интересны и увлекательны, что время прошло незаметно и мы сильно опоздали на свидание с Кляйнмихелями, с которыми

намеревались позавтракать. Посещение Форума представляло для меня интерес с точки зрения не только истории, но и аромата. Весь воздух его был напоен теплотой земли, бальзамической благоуханностью римских пиний, пленительной горечью лавров и трав. Это был античный, незабываемый запах Древнего Рима во всем его царственном великолепии. Завтракали мы в хорошем ресторане. Володя и Мерика Кляйнмихель оказались чудесными рассказчиками, пленявшими тонким юмором; аппетит у всех был прекрасный, блюда — очень вкусны. Холодное белое вино пилось как-то само собой. Лучшего и желать было трудно.

Быстро пронеслось время. Более всего поразила меня исключительная гармоничность Рима и удивительная приятность воздуха, которая порой совершенно заглушала запах автомобилей и всего того, что присуще большим скоплениям людей. Было в этом воздухе что-то неизъяснимое, но желанное и близкое. Понятно, почему столько иностранцев, приехавших в Рим всего на месяц, так и не смогли покинуть его. Неслучайным было и место закладки города. В нем скрещиваются некие благодатные силы такой исключительной мощности, что их не смогли уничтожить даже реки крови наших братьев меньших — зверей, убитых и убиваемых. Не потому ли столько смут и войн испытали на себе жители Рима на протяжении веков? Не действуют ли здесь законы возмездия? Безжалостный Рим гладиаторов, вызвавший их восстание... Рим христианских мучеников... Рим Нерона и Диоклетиана... Рим понтийских болот и малярии... Но какой в нем аромат, какая красота жизни! Как же это возможно, если кровь вызывает кровь на радость темным силам ада, так как только им нужны убийства и насилие над несчастными людьми и животными?! Как страшны бойни!.. У скольких жителей больших городов они вызывают гнетущее чувство тоски и страха (болезнь века) перед чем-то неизбежным! Сколько людей все больше становятся восприимчивыми к предсмертным судорогам животных, преисполненных неописуемого ужаса.

О Риме, его дворцах, церквях и музеях написано множество интересных книг, но я искал в этом городе не знаний, а впечатлений — и нашел больше, чем искал. Прав Муратов, написавший в своей книге "Образ Италии", что *"каждое впечатление наших чувств стоит здесь* (в Риме) *на каком-то более высоком, чем обычный, уровне"*.

Блуждая по Риму, восторгаешься и красотой его зданий, и изяществом площадей, и прелестью фонтанов, и неожиданной строгостью ворот с очаровательным садом в глубине, и благородной походкой римских женщин. Так же благородна и благоуханность этого города, проникнутого естественным аристократизмом древней расы. Рим не утратил солнечной радости античного мира, даже на его узеньких средневековых улицах не чувствуется мрака и скуки, как это неизбежно случается в других городах Европы. Здесь весь воздух пропитан необъятной гаммой солнечных оттенков душистости.

В Риме в зависимости от времени дня и года по-разному, но всегда очень ярко парфюмеру открывается один из первых и главных секретов ароматического искусства — роль благоуханностей тепла при построении духов. Свежесть многочисленных римских фонтанов особенно выявляет эту душистость, противостоя ей и подчеркивая ее. В целом атмосфера города полна волнующей прелести юга, но легкостью благоухания она отличается и от Французской, и от крымской Ривьеры. В Риме встречается очень редкое для юга явление, а именно душистость мужского начала, где слегка доминирует женственная цветочная сладость. Вероятно, в период Римской империи этот фактор был выражен более резко и сильно, что многое объясняет. Сегодня это чуть заметное превосходство придает южной атмосфере Рима ни с чем не сравнимую прелесть.

Аромат Рима дает парфюмеру возможность создания летних духов, причем более легких, чем обычно. В настоящее время большая часть духов этой очень многочисленной группы основана главным образом на пряно-тяжелой сладости цветочно-женственного характера. Не меньший интерес представляет аромат римской пинии — чудесного дерева Вечного города. Необычайная легкость его бальзамической душистости располагает к созданию весенне-амбровых духов, наиболее верно отвечающих полнующей прелести природных блондинок.

Думаю, что любой парфюмер, живя длительное время в Риме и проникаясь его красотой, мог бы вынести немало других важных для себя впечатлений.

Надеюсь, что эта длинная глава хотя бы немного осветит таинственные истоки ароматического вдохновения. Надеюсь также, что, прочтя ее, парфюмер поймет, что одиннадцатимесячная прикованность к месту службы из года в год является медленной, но верной смертью для его фантазии, то есть потерей самого ценного в его работе, без чего никакое творчество невозможно.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

О духах, их выборе и использовании.

Она пришла и опьянила

Томящим сумраком духов

И быстрым взором оттенила

Возможность невозможных снов.

В. Брюсов.

Часто, беседуя о духах и ароматах, я замечал, что лучшее время для такого рода бесед — час дневного чая (five o'clock tea). На нем присутствуют главным образом дамы. Мы сидим в уютной гостиной. Ванильно-шоколадный дух идет от пирожных и тортов, и разносится тонкий аромат чая. Навожу разговор на тему о духах - и сразу же чувствую созвучность с присутствующими: редкая дама не откроет своих вкусов, мнений, пожеланий, а многие даже делают неожиданные и интересные признания. Примесь душистости чая усиливает аромат духов на платьях и волосах; создается атмосфера некоего будуара, и в этой неожиданной интимности можно коснуться многих тем и о многом поговорить. Причем к подобным разговорам располагает именно чайное, а не кофейное благоухание. Кофе же, в соединении с запахом дорогих сигар, наоборот, вызывает удачный обмен мнениями между мужчинами, настраивает на серьезные, деловые или спортивные темы.

Из этих "чайных" разговоров с женщинами я смог вынести прежде всего мнение о том, что определенным типам женщин

соответствуют определенные ноты духов. Заметил я также, что самые оригинальные и верные суждения принадлежат, как правило, совсем молодым дамам или девушкам, только что начавшим выезжать в свет. Объясняется это, вероятно, тем, что обоняние в их возрасте особенно тонко и что аромат духов, соприкасаясь с ними, развивается особенно полно. Хорошие духи облагораживают всех, но на молодых и здоровых женщинах их душистость словно раскрывается, расцветает, поет свою торжествующую песнь, у тридцатилетних этот эффект бывает не столь сильным, а после сорока аромат должен сначала нейтрализовать недостатки, первое веяние старости...

Разумеется, все эти наблюдения относятся и к мужчинам. Ярким примером нейтрализации запахов являются для меня лавандовые воды. Женщины с хорошо развитым обонянием могут их либо очень любить, либо не выносить совершенно, в зависимости от их отношения к жизни. Это становится особенно очевидным на примере использования лавандовых вод мужчинами. Для женщин, любящих эти воды, такие мужчины являются воплощением опрятности и чистоты; для тех же, кто не любит лаванду, все мужчины, употребляющие ее, переходят в разряд "старых холостяков" и лишены всякого интереса. По-своему правы и те и другие. Хорошая лавандовая вода элегантно оттеняет мужчин, на она же нейтрализует все сексуальные запахи, нейтрализует их, и тогда те, кто ищет "мужественности", ее не находят.

Значение аромата ценилось женщинами с незапамятных времен, и в истории всех великих цивилизаций парфюмерия и общая культура развивались параллельно. В настоящее время производство парфюмерных изделий очень развито, но изучение свойств ароматов и духов, роли обоняния в жизни человека еще почти не началось. Наши знания в этой области ничтожны в сравнении с знаниями прежних цивилизаций; на мой взгляд, мешают серьезному отношению к этим вопросам предвзятость, легкомыслие и некий культ неопрятности. Однако не думаю, чтобы наука могла еще долго игнорировать мир ароматов — слишком уж ненормальной становится жизнь в отравленной атмосфере городов, слишком много случаев переутомления и психических болезней, чтобы ученые не стали задумываться над ролью обоняния в жизни людей. Пока же только народная мудрость в красочных поговорках да в милых песнях повествует

нам о важности ароматов. Вспоминается старинное французское изречение, уже забытое в городах, но еще принятое в деревнях: "elle fleure bon" ("вкусный дух") — так говорят о молодой, здоровой женщине, не ожидающей детей, имеющей все права на любовь и счастье. Некоторые чуть открывшиеся орхидеи до оплодотворения так же благоухают, но потом теряют свой аромат.

Но так как большинству женщин присуще желание нравиться не только в молодые годы, то представляется вполне естественным желание продлить и усилить свой шарм при помощи душистых изделий, а правильно подобранные духи являются их верными союзниками в этой борьбе за успех в отношениях с людьми.

Одной чистоты здесь недостаточно. Чистота, безусловно, является первым условием цивилизованной жизни, но нередко запахи чистоты становятся даже неприятными, отдают дезинфекцией. Так, живя в англосаксонских странах, я заметил, что в туалетных комнатах многих прелестных женщин царит креазотный запах, убивающий все поэтические настроения, неожиданные мечты, тихую грусть... Нет, наша обонятельная память слишком сильна, и все пережитое нами навсегда сплетено с благоуханием. Красивое должно быть ароматным; лишь болезнь и смерть неизбежно связаны с запахами лекарств и тления, и вводить их преждевременно в свое жилище не следует. Так, вспоминается мне красивая, элегантная, но немолодая девушка. Она могла еще нравиться, несмотря на недовольное и презрительное выражение лица, но запах ее одежды отбивал и последних поклонников. Быть может, из-за ревматических болей она употребляла сильно пахнущую салициловую мазь, о которой говорят, что она "пахнет болезнями". Вероятно, хорошим одеколоном или тонкими свежими духами она могла бы перекрыть этот запах, но из-за отсутствия вкуса и такта по отношению к окружающим она признавала лишь духи фужерно-камфарного типа, усиливающие терпкий запах лекарств.

К счастью, немало женщин обладают хорошим и тонким обонянием и инстинктивно умеют выбирать духи, наиболее свойственные их типу. Если они к тому же имеют хороший вкус, то духи тонко подчеркнут их достоинства и скроют недостатки. Язык аромата говорит уму и чувствам человека больше, чем это

принято думать; и чем тоньше, чем субтильнее духи, тем сильнее их действие на психику, так как их невесомая, трудноопределимая, но полная прелести благоуханность воспринимается легче, чем всесокрушающая душистость более резких и могучих духов. Объясняется это тем, что благоуханность всех хороших духов замедленная; сначала она воздействует на чисто эстетические чувства и лишь затем, по мере своего развития, обращается к чувственности. Духи же более дешевые, но мощные сразу покоряют чувственность и вызывают предубеждение и недоверие к женщине, надушенной ими. Подобная ароматичность слишком подчеркивает желание женщины покорить, властвовать, повелевать; мужчины, как правило, этого не любят. Заслуга хороших духов в том и заключается, что они не подчеркивают властность женской натуры, а скрывают ее, выявляя и экзальтируя женскую слабость и нежность. И как часто именно хрупкость женщины, ее кажущаяся слабость являются сильнейшим ее оружием, против которого мужчина бессилен.

Законы против ароматов не имеют смысла. Благоухания, дарованные нам природой и созданные нами в духах, неотъемлемо соединены со всей нашей жизнью. Вот почему столь странно звучит английский закон от 1770 года, гласящий: *"That all women, of whatever age, rank, profession, or degree, whether virgins, maids, or widows, that shall, from and after such Act, impose upon, seduce, and betray into matrimony, any of his Majesty's subjects, by the scents, paints, cosmetic washes, artificial teeth, false hair, Spanishwool, iron stays, hoops, high-heeled shoes, boistered hips, shal incur the penalty of the law in force against witchcraft and like misdemeanours and that the marriage, upon conviction, shall stand null and void"*.

(*"Использование женщинами косметики и других искусственных средств украшения, согласно этому закону, действующему и поныне, приравнивается к колдовству"*.)

Но женщина без тепла благоуханности холоднее мраморной статуи. Да и сводится ли назначение духов только к созданию шарма и вызыванию чувственности? Нет. Сколько людей, не ищущих встреч и знакомств и живущих вдали от города, любят красоту во всех ее проявлениях, радуясь совершенству мира и творений человека.

"Все, что находится внизу, подобно находящемуся наверху, и все, что находится вверху, подобно находящемуся внизу ради выполнения чуда единства", — гласят изумрудные скрижали Гермеса Трисмегиста — великого законодателя Древнего Египта.

Еще в начале нашего столетия официальная наука отвергла этот основной закон бытия, базируясь на неделимости атома и невозможности трансмутаций. Сейчас она начинает все более осваивать этот основной закон жизни, закон отражения, подобия. Не он ли объясняет и тесную, прямую связь между женщиной и цветком и объясняет это как чудо единства красоты на земле?

Женщина подобна цветку. Трудно это выразить и объяснить, а вместе в тем многие этот факт осознают и понимают. Сколько поэтов сравнивали женщин с цветами! Как часто юные девушки напоминают слегка распустившийся бутон утренней розы!..

С какой неисчерпаемой щедростью награждена цветами земля! Как велика гамма красок, форм и отличительных черт! Но самые гордые и великолепные цветы, лишенные аромата, меркнут перед очарованием чайной розы или маленькой скромной фиалки. Не то же ли происходит и в мире людей? Не милее ли нам очарование женщины с шармом, чем холодная красота множества красавиц? А между тем как часто женщины, полные шарма, сдержанны в разговорах, скованны в движениях и не уверены в себе. Однако их шарм окружает их тонкой душистостью, притягивает, умиляет, волнует.

Каждому типу женщин соответствует определенная цветочная душистость, наиболее схожая с их темпераментом. Почему же женщины со вкусом, как правило, не признают духов с запахом одного лишь цветка? Думаю, они инстинктивно боятся выдать себя слишком уж родственным им ароматом. Так, даже заносчивые и самодовольные женщины типа "лилии" не смеют употреблять такую дерзновенную душистость, которая бы выявляла их слишком ярко. И не только женщины — парфюмеры также не любят точно копировать запах цветка, сознавая, что даже удачная имитация не воссоздает полностью оригинал. И тем

не менее всем духам присуща цветочность; без нее ароматическое построение кажется невозможным. Только душистость эта основана не на одном цветке, а на нескольких. Из их букета выделяется нередко целых три аромата, и только один слегка доминирует над другими. Этот третий, доминирующий аромат и соответствует определенному типу женщин... Так, например, женщинам темпераментным отвечают душистости пряных цветов: гвоздики, левкоя, иланг-иланга, да и сами они стремятся иметь "перченые" духи, чувствуя их созвучие себе. Женщины пышные, особенно восточные, ищут в духах еще большую цветочную пряность; их притягивает могучая сладость аравийских ароматов в соединении с флердоранжем, жасмином, туберозой, лилией. Немало золотистых шатенок с нежным цветом лица, кажущихся такими слабыми и хрупкими, требуют и от жизни, и от духов контраста; они любят в ароматах сильный и яркий взлет, полный благоуханного шока, тонко испаряющегося в цветочных аккордах гардении, акации, жимолости, душистого горошка...

Породистые, тонкие шатенки типа Дианы-охотницы ищут в духах экзальтирующей мускусности в сочетании со свежей, легко вибрирующей цветочностью, как у фиалки, ириса, ландыша, некоторых сортов роз. У смущающих же огненно-рыжих женщин, обладающих чудесным цветом лица, бывает особенно сильно развито обоняние, и, обладая исключительной жизнестойкостью, они требуют того же от духом, предпочитая ярко выраженную сексуальность. И цветочности духов они ищут силу, крепость и яркость, преисполненные волнами свежести. Вероятно, рыжие женщины сами по себе ароматичны; и их душистость особенно близка волнующему царству цветов. Наиболее же близок им аромат гиацинтового типа, ласкающий, дразнящий.

Главенствующее место принадлежит женщинам, пронзенным солнцем, и, чем больше света в их природе, тем тоньше и строже их вкус. Все истинно прекрасное доступно и понятно им; они не боятся любых косметических ухищрений, не чуждаясь духов, но требуя от них красоты, полной тонкости и благородства.

Исходя из многочисленных бесед с дамами об ароматах, их манере выбирать духи и пользоваться ими, мне пришло в голову разделить всех женщин на четыре категории. Деление это условно, но зато просто и ясно. К первой категории относятся

женщины с очень хорошо развитым обонянием и вкусом, умеющие абсолютно точно выбрать для себя духи и пользоваться ими. Ко второй принадлежат женщины с недурным обонянием, но не строгим вкусом. Они нередко ошибаются в выборе духов и часто меняют их. Затем идут женщины со средним обонянием, не доверяющие своему вкусу. Они либо слепо следуют моде, либо верят чужому вкусу и употребляют духи, подаренные им. К последней же категории принадлежат женщины, категорически отвергающие духи как для себя, так и для других. Они словно боятся их, словно не признают права людей на красоту мира. Мне всегда казалось, что, если такие женщины еще молоды и красивы, их надо остерегаться. В них таится некая одержимость, опасная для окружающих. Они несут в себе миазмы, разрушающие радость жизни, то прекрасное и доброе, что дано для счастья человека.

Правда, есть еще категория женщин, вполне безобидных, не претендующих ни на какое место в мире и не мешающих радоваться другим. Нередко они совсем лишены обоняния, слабы и больны. Однако опасность исходит не только от женщин, отвергающих духи, но и от тех, кто злоупотребляет ими, используя слишком крепкие духи и в слишком большом количестве. Духов с могучей синтетической основой, психическое действие которой далеко не безобидно, в настоящее время производится все больше, и все чаще, встречаясь с женщинами, надушенными такими духами, вы долго не можете отделаться от впечатления назойливости, дешевизны и липкого запаха. Ничто не в состоянии так пошло и грубо обнажить женщину, как плохо подобранные духи. Но зато как замечательно дополняют и "округляют" ее духи, точно соответствующие ее типу. Манеры, голос, черты характера, выраженные в ароматной волне, — вот что образует внешность человека. Женщина, желающая нравиться, помнит об этом, культивируя все стороны своей внешности.

Но и женщины, ушедшие в свою внутреннюю жизнь, не могут отказаться от красоты мира. Бог радовался своему творению, и не Он ли призывает человека творить красоту во всем? Не образом ли Божиим являются в человеке его творческие силы? Не должен ли он стараться скрыть, изменить все уродливое, окружающее человека, и творчески подчеркнуть красоту мира? И не с человека ли эта красота начинается? Недаром первым проявлением человечности в дикаре было желание украсить себя какими-

нибудь погремушками и, по-моему, не только для того, чтобы понравиться другому человеку.

Духи же, сотворенные людьми, продолжают божественное творчество. Они сами создают иллюзию жизни и, быть может, даже саму жизнь. Недавно одной прелестной американке был задан нескромный вопрос о том, что она надевает на ночь. Ответ был стремительным: *"Шанель" — это любимые мои духи, они дарят мне чудесные сновидения..."* Этим веселым, блестящим и таким женственным ответом она показала и свою изысканность, и свою глубокую утонченность.

К сожалению, подобное дано не всем: не многие умеют окружить свою жизнь поэзией, мечтой, любовью к прекрасному и душистому. Правящие круги великих цивилизаций, канувших в Лету, были несравненно изысканнее нас, и повседневное использование ароматов ими было не только внешним, но и как бы внутренним. Так, девушка, собиравшаяся замуж, в течение нескольких месяцев принимала душистые ванны, а ее тело умащалось различными благовониями. Кроме того, в ее пищу добавляли специальные ароматы, чтобы и ее кожа, и ее дыхание стали благовонными. Последним великим потребителем ароматов была Византия, где царила любовь к душистостям, а великое множество бань давало населению возможность быть чистыми и опрятными. С падением Византии Европа погрузилась во мрак грубости, невежества и нечистоты. Прошли века, и вот опять большая часть человечества стремится к чистоте и благовониям. Даже мужчины начинают понимать, что некоторые виды тонких духов не уменьшают их мужественность, а благороднейшим образом оттеняют ее.

Однако любви к душистости еще недостаточно. Надо уметь пользоваться духами, не вызывая диссонанса. Воспитание и вкус иногда помогают разобраться в этом, но область ароматов еще так мало изучена, что погрешности неизбежны. Как часто, например, злоупотребляют количеством благоуханности из-за притупленности обоняния. Нередко приходилось слышать от милых дам, что их духи выветриваются слишком быстро, а вместе с тем, на мой взгляд, они только что вылили на себя целый флакон духов. Объясняется это тем, что наше обоняние не воспринимает слишком знакомых ароматов; оно как бы

переутомляется и не реагирует на них. С этим фактом надо считаться, чтобы не стать неприятным для близких, чтобы после нашего присутствия не проветривали комнат и чтобы мы сами не лишались удовольствия чувствовать запах духов, нейтрализуя свое обоняние.

Возникает вопрос: как пользоваться духами? Вне всякого сомнения, пульверизатор распределяет духи всего лучше, максимально охватывая поверхность кожи, волос, мехов и платья. По-моему, следует опрыскивать духами и нижнюю одежду, чтобы каждое движение становилось ароматичным, так как распыление духов по легкой материи в контакте с теплом тела особенно экзальтирует духи. Не следует забывать также, что меха и волосы всего лучше фиксируют ароматы, особенно те, которые основаны на ценных, древесных, тонко опудренных эссенциях.

Необходимо считаться и с качеством материи, и, славное, с ее цветом, так как не все тона ткани одинаково отвечают различным нотам духов. Не рекомендуется душить одно и то же платье различными духами, так как их соединение не всегда бывает удачным. Во времена наших бабушек дамы любили смешивать духи в своих туалетных флаконах, чтобы удивить и заинтересовать новым запахом, но как редко им удавалось создать что-то действительно новое и интересное! Как правило, они только портили свои духи. В настоящее время смешивать духи еще опаснее, так как они содержат очень большой процент синтетических душистостей, легко вступающих в реакцию друг с другом. Парфюмеры потратили столько времени, знаний и таланта, чтобы создать удачное сочетание ароматов, что расстраивать его, смешивая с другими, абсолютно неразумно.

Употребляя духи, следует считаться и с временем дня, и с одеждой, и с местом пребывания. Нелепо встретить на утренней прогулке женщину, надушенную пряными, вечерними духами. Так же неуместна легкая душистость одеколона при пышном бальном туалете, требующем таких же богатых духов. Отправляясь на рандеву, не следует употреблять фужерно-камфарные ароматы. Нужно также принимать во внимание время года и соответственно зимой пользоваться какими-нибудь хорошими шипровыми духами, а летом, когда платья так легки и близки к телу, употреблять ароматы более легкие и медовые.

Ведь именно тогда женщины нам кажутся особенно похожими на цветы. Фруктовые духи отвечают ночному часу, так как они действуют одновременно и на вкус и на обоняние. Но все эти вопросы еще крайне слабо разработаны, и, быть может, правильнее всего при выборе духов просто доверять своему инстинкту. В вопросах чувства инстинкт, как правило, вернее рассудка, и к тому же он тесно связан с обонянием.

Итак, от рождения до смертного часа мы окружены волнами ароматов, то легких, полных запахов детства, то бодрых, наполненных прохладой ученических лет, то пряных, обжигающих чувством влюбленности; они то звенят, взмывают ввысь, передавая взлет творческой мысли, то струятся тонким фимиамом, окутывая ум и сердце; то взлетают торжественным захватывающим весенним аккордом радости перед красотой мира, то стихают осенним, тленным духом угасания и смерти. Мир запахов окружает нашу жизнь.

Но где же кончается красота линий и красок, налет поэзии, волн музыки? Где начинается мир ароматов? Не переплетено ли вокруг нас все прекрасное, чтобы, воспринимая его в цельности, мы одновременно умели радоваться, восхищаться и жить? Многие писатели, и особенно Ги де Мопассан, не раз описывали подобные мгновения жизни, когда человек всем своим существом воспринимает красоту мира, уже не отличая музыки от благоухания и благоухания от музыки. И так радостно и восхитительно думать, что столько прекрасного наполняет наш мир, и так просто и естественно для человека любить это прекрасное и стремиться к нему!

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

О названии духов.

И ароматы... и движенье,

И шум, и блеск, и красота

Зеленый бал - воображенья

Едва рожденная мечта...

И. Анненский.

Одним из самых важных и трудных вопросов в парфюмерии является выбор названия для новых духов, так как очень большое количество легких и простых созвучий для имен душистостей уже найдено и заявлено. Так, в настоящее время можно купить в Соединенных Штатах увесистый том в 750 страниц с перечислением уже закрепленных названий. Во Франции такой книги нет, что еще больше осложняет дело, так как всякий раз надо наводить справки в соответствующем департаменте. И, как часто бывает, найденное подходящее имя уже давно занято и принадлежит другим.

Значение же названия в том, что оно должно само вызывать интерес к духам и желание попробовать их. Название духов является фактически их первой рекламой, и рекламой более ответственной, чем многие думают, так как имя может не понравиться широкой публике и оттолкнуть покупателя. Нелегко объяснить причину выбора названия тех или иных духов. Вероятно, оно как-то связано со страной, системой правления, модой, литературой. Имена духов можно разделить на пять групп: цветочные; любовные — явно или иносказательно связанные с чувством; посвященные сильным мира сего, режиму или моде; иностранные или выдуманные созвучия и, наконец, просто обозначение духов цифрами или междометиями.

Итак, первую группу составляют цветочные названия духов. Каждый парфюмерный Дом имеет право назвать свои духи простым именем цветка — розой, фиалкой, нарциссом, но, как только к этому имени добавлено другое слово, название уже является собственностью Дома, закреплено за ним и никакой другой Дом не может им воспользоваться, например: «Rose Jacqueminot» («Роза Жакмино», 1900) и «Jasmin de Corse» («Королевский жасмин», 1906) от Коти; «Vera Violetta» (1892) от Роже и Галле; «Violette des Bois» («Лесная фиалка») от Пино; «Oeillet Fanй» («Увядшая гвоздика», 1910) от Греновилля; «Narcisse Noir» («Черный нарцисс», 1912) от Карона; «Temps des Lilas» («Сиреневая пора», 1923) от Убигана; «Narcisse Bleu» («Синий нарцисс», 1923) от Мураура.

Ко второй группе относятся названия духов, прямо или

косвенно говорящие о любви. Они встречаются на протяжении всех веков, у всех народов, при всяких режимах и модах, откуда следует, что это и есть те названия, которые отвечают главному назначению аромата. Число их очень велико, и я приведу лишь немногие: «Amour-Amour» (1929) от Пату; «J'aime» («Люблю», 1950) от Гейма; «Charme d'Amour» («Чары любви», 1917) от Вейнмейкера; «Amour Sorcier» («Любовь-колдун», 1947) от Леконта; «Nuit d'Amour» («Ночь любви», 1925) от Годе; «Ardente Nuit» («Опаляющая ночь», 1930) от Кордея и др.

Сюда же относится и целый ряд духов, также говорящих о любви, но более интимно и волнующе. Помню, какой интерес вызвало название «La Vierge Folle» («Неразумная дева», 1910) от Габилла у многих молодых девиц. Сюда же относятся: «Moment Suprkme» («Момент экстаза», 1931) от Пату; «Fruit Vert» («Зеленый фрукт», 1928) от Флорелле; «Ma Griffe» («Мой коготь», 1945) от Карвена; «Femme» («Женщина», 1945) от Роша; «Fleur Sauvage» («Дикий цветок», 1954) от Жармен Монтей и др.

К третьей группе можно отнести духи, связанные с модой, посвященные сильным мира сего, героиням дня или отвечающие тому или иному социальному режиму. Среди них немало духов, названных по имени актрис или дам полусвета, но почти все эти названия оказались столь же недолговечны, как и люди, в честь которых они были названы. Не привожу этих названий — от этих духов и нельзя было ожидать долговечности; их назначение было в том, чтобы позабавить, доставить мимолетное наслаждение и уступить дорогу последующим. Устойчивыми оказались духи, названные в честь сильных мира сего, как будто создатели их чувствовали себя ответственными за их доброкачественность. К таким ароматам относятся духи «Eau de la Reine d'Hongrie» («Вода королевы Венгрии», XVII в.), основанные на розмарине и имевшие очень большой и долговременный успех, или «Poudre et Parfum a la Marйchale» («Пудра и духи а-ля Марешаль»), созданные в честь герцогини де Омон и бывшие в большой моде в период Регентства и при Людовике XV. Очень многие духи XVII, XVIII, XIX и даже XX века носили и носят имена высшего аристократического общества Европы: «Chevalier Disby» («Рыцарь Дисби»), «La Duchesse» («Герцогиня»), названные в честь мадемуазель де ля Вальер (XVII в.); «Queen Elyzabeth» («Королева Елизавета», XVIII в.); «Bouquet Estherazy» («Букет Эстерази», «Fragipan» («Маркиз»), «Le Parfum du Comte d'Oxford» («Духи графа Оксфордского»), «Bouquet de

l'Impйratrice Eugйnie» («Букет императрицы Евгении») (XIX в.); «Chevalier d'Orsay» («Рыцарь д'Орсе») (1910) и целый ряд других. К ним относятся «Ambre Royale» («Королевская амбра») — душистая вода, которая особенно хорошо отвечала своему названию, или «Eau de Cologne Impйriale» («Императорский одеколон») от Герлена (1875), своей душистостью и выдержанностью флакона полностью соответствующий своей эпохе. Политические события и режим власти также отражались на названиях и этикетках. Во времена Империи была в моде «Eau de Braves» («Вода для храбрых») с изображением различных видов военной формы; во времена революции 1830 года — «Journйes de Juillet» («Июльские дни») с трехцветным флагом, а во времена франко-русского союза многие Дома выпустили одеколон «Russe», имевший значительный успех. Вспоминается и «Vol de Nuit» («Ночной полет», 1932) от Герлена, связанный с книгой Сент-Экзюпери того же названия, вышедшей в 1931 году.

К четвертой группе можно отнести названия неожиданные: они либо радостны и праздничны, либо звучат как мечта или фантазия, либо кажутся заимствованными из чужеземных сказок, либо из далеких и прекрасных краев. Так, исключительно удачным представляется мне название духов «Nuit de Noлl» («Рождественская ночь», 1923) от Карона. Они как-то сразу вызывают в нас воспоминания детства, светлое ожидание праздника, всех его радостей. Хорошо также название «Carnet de Bal» («Бальная книжечка», 1935) от Ревьона. В них мечты, ожидание встреч, радость от новых туалетов, музыки, танцев. «Cњur de Joie» («Радостное сердце», 1946) от Нины Риччи вызывает чувство легкости, веселья. А вот имена фантазии, уносящие в далекие годы, в прошедшее и волнующее: «Heure Bleu» («Голубой час», 1913) от Герлена; «Nuit de Longchamp» («Ночь в Лоншане», 1936) от Любена; «Sortilиge» («Чары», 1936) от Ле Гальона; «Soir de Fкte» («Праздничный вечер», 1946) от Жермен Леконт и др.

О красоте и великолепии прошлого говорят нам «Ambre Antique» («Античная амбра», 1908) от Коти и «Pompeп» (1907) от Пивера; «Byzance» (1925) от Греновилля.

В эту же группу можно включить названия, зовущие в далекие страны, к далеким путям и дорогам, такие, как: «Sleeping» (1939)

от Скиапарелли; «Tropique» (1935) от Ланком; «Shanghan» (1934) от Лентерика; «Bois des Iles» («Дерево далеких островов», 1925) от Шанель; «Nostalgia» (1938) от Жермен Монтей.

К пятой группе относятся духи с коротким названием числа или слога: «№ 5» и «№ 22» от Шанель, «10» от Баленсиаги, «8/8» от Стерле; «Si» (1957) от Скриапарелли, «De» (1960) от Живанши, «Y» от Сен-Лорана.

При выборе названия духов необходимо учитывать, чтобы его легко выговаривали иностранцы, так как, чем легче и проще название, тем больше раскупаются духи в туристический сезон. Не следует забывать, что и американки и англичанки отлично понимают комичность своего произношения трудных французских слов и стараются избежать неловкостей. Хорошо найденное название, простое и в известной степени отвечающее аромату духов, уже является залогом их успеха. Так, гениально название духов «Joy» («Радость», 1933) от Пату. Оно легко произносится на всех языках, красочно и звучно; тонкость и богатство цветочной душистости духов действительно полны радости жизни.

Но далеко не все парфюмерные Дома стремятся оправдать названия духов их ароматом; они забывают, что название обязывает, обещает. Человек, купивший духи, если только он обладает вкусом, может пережить неточность названия как обман, разочарование, кражу и после этого относиться с недоверием ко всем другим изделиям Дома.

Понятен успех духов «Miss Dior» (1947) от Диора, так как их аромат, основанный на свежей душистости весенних цветов, прекрасно сочетается с девичьей прелестью их названия. Так, и название «Aprиs l'Ondйe» («После ливня»), данное в конце прошлого столетия Герленом одним из лучших своих духов, удивительно верно отвечает светлому аромату земли после короткого летнего дождя.

Вероятно, с каждым названием духов связано еще множество тайных психологических причин, личных воспоминаний,

восторгов, грусти. Обо всем не расскажешь. Ограничусь лишь тем, что назову, чего следует особенно избегать, выбирая новые наименования для духов. Во-первых, надо бояться всего, что звучит «vieillot» («старообразно»), это отталкивает молодых и элегантных женщин, которые, как правило, боятся таких названий. Неудачны названия, содержащие слишком явные намеки, так как их не всегда удобно дарить и рекомендовать. Опасно давать названия, вполне корректно звучащие по-французски, но неблагозвучно — на других языках. Это надо проверять по словарям. Вспоминается такой случай. Новые духи, выпущенные в элегантном флаконе и составившие гордость Дома, получили звучное имя, ничего не значащее по-французски и вполне безобидное. Они вышли в продажу, и в прессе началась их усиленная реклама. Вдруг из Южной Америки приходит телеграмма: *«Что вы наделали? Остановите продажу — на нашем языке это слово в высшей степени неприлично!»*

Надеюсь, эти очень краткие сведения по столь обширному и сложному вопросу продемонстрировали читателю, что не только качество, но и название духов имеет немалое значение.

К. М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера.

Заключение.

...Цветы у нас стояли в разных залах,

желтофиолей много золотых

и много гиацинтов синих, алых,

и палевых, и бледно-голубых...

И я, миров искатель небывалый,

любил вникать в благоуханье их.

А. К. Толстой.

Мне посчастливилось жить во второй половине золотого века французской парфюмерии, расцвет которой я отношу к промежутку между 1885 и 1935 годами. В дни моей молодости создатели духов этого века были еще живы, и творения их

блистали во всем своем первоначальном совершенстве. И все они, помимо тонкости, богатства и оригинальности, вызывали всеобщий восторг своей необычайной жизнерадостностью! Они отвечали не последнему крику моды, а различным обликам женской красоты. Капризам моды подвержены, как правило, лишь недолговечные, второстепенные духи. Духи же первоклассные не боятся моды; они словно не знают времени, если только их формулы и качества сохраняются неизменными. Подтверждением этому служат духи "Aprиs l'Ondйe" ("После ливня"), выпущенные в 1895 году Герленом. Они и теперь пользуются тем же, если не большим успехом, так как их тонкость не изменилась за прошедшие годы. К сожалению, этого нельзя сказать о многих когда-то знаменитых духах: большинство из них сохранили лишь прежние названия и, быть может, основной аккорд душистости, но былой тонкости и богатства в них уже нет, отчего молодежь удивляется вкусу родителей и не понимает их. Особенно от этого страдают будущие молодые парфюмеры, так как они верят в авторитет старшего поколения и знакомы со статистикой былых продаж. Искажение первоклассных духов они воспринимают как настоящую трагедию. Ведь прославленных духов так мало! Не более двадцати. Между тем в продаже тысячи.

Ни одна область художественного творчества не сталкивается с такой массой трудностей, как ароматическое искусство. Знаменитые духи являются для молодых парфюмеров вечной ценностью. Создавая собственные творения, они не подражают им, но изучают иные взлеты и способы распространения душистости. Интересно и влияние различных духов на тех, кто душится ими, и на тех, кто окружает их. К сожалению, эта сторона дела изучена слишком слабо, несмотря на всю значительность этого вопроса. В настоящее время от парфюмеров все чаще требуют духов крепких, с чрезмерной силой аромата, совершенно не считаясь с психическими последствиями, вызываемыми запахами подобной интенсивности. А между тем немало синтетических душистостей, способных придать подобную насыщенность духам или одеколонам, представляют реальную опасность для здоровья людей. Но в парфюмерии все дозволено; запреты пока касаются лишь напитков и питания.

Однажды работали мы над созданием новых дорогих духов. Они были уже почти закончены, но наш парфюмер захотел ярче выявить в них флердоранжевую цветочность. Натуральной

эссенции этого цветка было использовано уже много, и он решил обратиться к синтетическим душистостям, обладающим тем же запахом. Мы испробовали массу веществ из этой довольно обширной группы препаратов: и яра-яра, и метилантранилат, и метилнафтилкетон, и бигардий с преобладанием аурантина. К вечеру мы оба — Алентинс Ревель и я — оказались совершенно больными, и только длительная прогулка сняла головную боль и избавила от чувства тошноты. Однако липкий, дешевый, приторно-сладкий запах еще долго нас преследовал. Он совершенно разрушил аромат прежней композиции, несмотря на очень незначительный процент этих душистостей по отношению ко всему богато сконцентрированному построению... Увы! Эти синтетические душистости все чаще вводятся в основы одеколонов, так как ими стараются заменить неролиевое масло, составлявшее основу первых одеколонов, которые прославились на весь мир благодаря тонкости аромата этого масла. В настоящее время его цена стала столь высокой, что почти все парфюмеры вынуждены отказываться от него, а порой и от менее дорогого петитгрейна и заменять их различными композициями. В результате большая часть одеколонов утратила былую легкость, заменив ее длительным воздействием дешевого оттенка флердоранжа. Не потому ли спрос на "натуральный" одеколон после второй мировой войны упал, а продажа сложных одеколонов — фактически лосьонов и туалетных вод — сильно возросла. Но, к сожалению, и среди последних лишь немногие отвечают своему назначению.

Великие цивилизации древности изучали действие благовоний на человека и знали, на какие части человеческого тела они воздействуют наиболее сильно. Нам эти сведения почти неизвестны, но в 90-х годах прошлого столетия Шарко и его последователи неожиданно соприкоснулись с этой тайной областью, о чем рассказывает доктор С. Лоуд в своей очень интересной книге "Les ймotions chez les hypnotiques" ("Гипнотические эмоции"). Он описывает целый ряд любопытных действий аромата на человека и замечает, что тот же аромат нередко вызывает совершенно различные реакции в зависимости от части тела, на которую он направлен. Опробованы были мускус, роза, гелиотроп, перец, анис, скипидар, валериана, табак, спирт и другие вещества, представляющие чрезвычайный интерес для парфюмерии. На эту работу тогда никто не обратил должного внимания.

В настоящее время ситуация несколько оживилась. Парфюмеры начали понимать, что успех духов зависит не только от яркости первого впечатления, не только от радиуса благоуханности, но и от влияния их аромата на подсознание. Приходится считаться с тем, что, подобно цвету и звуку, аромат действует на психику и организм человека в целом. Он может раздражать и успокаивать нервную систему не в меньшей степени, чем краски. Так, например, розмариновое, ирисовое и розовые масла, подобно красному и оранжевому цветам, вызывают радость, бодрость, оживление; тогда как ладан, сантал, костюс создают печально-религиозное настроение, как сине-фиолетовые оттенки.

Не меньшая связь существует между звуком и ароматом. Так, мускус, подобно мелодичной музыке, усиливает газообмен; тогда как бергамотовое, лимонное, мятное масла, как и возбуждающая музыка, сокращают его. Звуки неприятные, джазовые диссонансы, подобно фекальным запахам индола и скатола, повышают давление крови; в то время как приятная музыка, как и розовые масла, гелиотропин и ванилин, понижают его.

Научные изыскания последних лет показали также, что душистые вещества, помимо чисто обонятельных, могут одновременно вызывать и вкусовые, и тактильные, и термические, и зрительные, и другие ощущения. С этим явлением следует серьезно считаться при построении духов, так как нередко в смеси происходит соединение синтетических душистостей, образующих запахи, воздействующие не столько на обоняние, сколько на другие чувства человека. Так, ванилин в сочетании с целым рядом синтетических душистостей дает приторно-сладкий запах ярко вкусового характера; о таких духах с пренебрежением говорят: *"Они конфетой пахнут"*. Это, конечно, недопустимо. Для полноты восприятия аромат духов должен гармонично отвечать всему нашему существу, всем нашим чувствам, но не в ущерб обонянию. Этим объясняется определение некоторых духов в теплых, знойных терминах, а других — в свежих, как бы влажных. Действительно, гвоздичное масло, циклогескан, фенилэтиловый спирт повышают температуру тела и создают ощущение тепла, тогда как ментол, метилсалицилат, лауриновый альдегид вызывают впечатление свежести, холода. Одни видят благоуханности светлыми и звонкими, другие — темными и

глухими! Нередко наиболее интересные замечания о духах мы получаем не от специалистов, а просто от людей наблюдательных, с хорошо развитым обонянием, что позволяет парфюмерам делать тонкие поправки в аромате духов, усиливая их эффект. Вспоминаю верную стихотворную характеристику одних довольно известных восточных духов:

...льется жгучий, тягучий, глухой аромат...

В этих словах выражена вся сущность ароматов такого рода. Эти духи, основанные на вязких маслах ветивера, сантала, мирры, пачулей, вызывали впечатление тягучести; чтобы оживить этот темный, тяжелый, землистый дух, к ним прибавляют большое количество знойных и пряных душистостей, которые и вызывают жгучесть аромата. Необходимая для каждых духов цветочность создана пышным аккордом из ценных масел флердоранжа, туберозы и жасмина. Однако, несмотря на ощущение полноты и богатства, их аромат сумрачен и глух. Вероятно, в этих духах индол, содержащийся в вышеприведенных цветочных эссенциях, оказался недостаточно окружен и нейтрализован, что создает ощущение глухости. Индол обладает способностью понижать слух и зрение, а также действовать на голосовые связки. Любопытно, что многие известные певцы боятся всех этих цветов, сирени и фиалок, так как не раз из-за их присутствия в каком-либо виде во время вокальных выступлений артисты вдруг полностью лишались голоса. Иначе широкая публика воспринимает свежие духи, которые кажутся ей легкими и светлыми. В эти духи входят очень свежие эссенции, основанные на бергамотовом масле, а бергамотовое масло, в противоположность индолу, имеет способность улучшать, усиливать зрение.

Можно с уверенностью сказать, что каждая натуральная эссенция, каждое душистое вещество обладают определенным психофизиологическим воздействием. Многие из этих свойств со времен глубокой древности были хорошо известны в оккультных кругах. Недаром все деяния белой и черной магии всегда связаны с ароматом. Причем весь зловещий ритуал черной магии, помимо обязательной кровавой жертвы, включает в себя обильное использование дурманящих или возбуждающих ароматов.

Итак, мы видим, сколь осторожным должен быть парфюмер в своих деяниях. Создание низменно афродизиачных духов, рассчитанных на возбуждение животных страстей и ведущих к пороку, служит злу... со всеми вытекающими отсюда последствиями. К сожалению, немало всплесков страстей было вызвано действием подобных духов и, вероятно, немало преступлений. Эпоха Ренессанса наиболее известна подобными случаями. В Италии среди множества других наихудшей репутацией выделялась семья Борджиа; во Франции — Катерина Медичи, привезшая с собой из Флоренции Руджиери — знаменитого парфюмера и отравителя. Под прикрытием ароматов было совершено не одно злодеяние. Печальную известность приобрело убийство надушенными перчатками матери будущего Генриха IV, королевы Наваррской Жанны д'Альбрэ. Вероятно, и на Руси было совершено немало отравлений ароматами и белилами, которые были тогда в большой моде в высших кругах.

Отравления душистостями нередки и в настоящее время, отчего работа парфюмера с каждым годом становится все труднее и ответственнее. Парфюмеры все чаще вынуждены основывать свои духи на синтетических душистостях, количество которых из года в год увеличивается, однако их физико-психологические характеристики остаются неизученными. Кроме того, им приходится вести борьбу с предпринимателями, которые озабочены исключительно материальной выгодой и все чаще требуют от парфюмеров не духов, а "sent bon" (хорошо пахнущих составов) невысокой себестоимости, но с большим радиусом душистых волн. Подобные ароматы не только способствуют общему понижению вкуса, но и действуют на людей раздражающе. Парфюмер должен быть служителем красоты и добра, а не хаоса. Он не имеет права своими творениями играть на низменных страстях людей, не смеет погружать их мысли и чувства в дурман инерции. И без этого человечество страдает от искусственного перевозбуждения, что ведет к притуплению его лучших задатков и чувств.

Работы последних лет в области физиологии выявили многочисленные случаи сильнейшего влияния обоняния на все другие чувства. Среди разнообразных и порой таинственных явлений следует отметить глубокую связь запахов с инстинктом самосохранения, самозащиты, что является фактором исключительной важности. Постоянно растущая загазованность

городов, а также люди, несущие миазмы зла и разложения, представляют для выживания человечества страшную опасность. Понижение и притупление обоняния являются, как правило, признаком серьезной болезни или преждевременной старости. Здоровье человека, не воспринимающего с глубокой радостью благоуханную, благодатную живительность весенних ароматов, глубоко поражено. Между тем именно эти ощущения вновь и вновь дают человеку новые силы, как бы обновляя его. В деревне это, может быть, более заметно, так как люди там ближе к земле и постоянно живут на лоне природы; но и в городе обновляющий дух весны оказывает на людей свое воздействие, и хотя бы в мечтах они становятся художниками, поэтами, артистами, певцами:

Напоенный душистым дыханьем берез,

Воздух в полную грудь так и просится,

И, волшебных чарующих полная грез,

Далеко моя песня разносится...

К. Р.

Связь с природой все более необходима для человека, ибо без нее невозможно сохранить душевное равновесие, внутренний мир, ясный разум.

На страницах этой книги я почти не касался проблемы дурных запахов, но как избежать этого вопроса, когда роль парфюмера и заключается в том, чтобы всеми силами бороться с этим злом; всеми силами — значит, и словом. Еще раз считаю своим долгом напомнить, что вредные и дурные запахи, порождающие все развратное и злое, представляют реальную опасность. Вероятно, и то немногое, что я сказал об этом, вызовет недовольство и насмешки со стороны определенной группы людей, ибо слишком многие считают себя вправе отравлять жизнь вокруг себя не только своей персоной, но и массой других возможных способов. Надеюсь, когда-нибудь этому произволу будет положен предел.

В настоящее время я могу только пожелать, чтобы мой труд попал на глаза молодежи и открыл ей тесную связь нашей жизни с нашим обонянием.

Благоуханность нашу, подобно чести, надо беречь смолоду!

Париж, 1965.

Ольга Кушлина "Туманы и духи".

Рецензия на книгу К. М. Веригина "Благоуханность".

Аннотация не должна дезориентировать потенциальных покупателей книги, которые, по мнению издательства, якобы интересуются *"таинственным миром запахов и проблемами парфюмерии вообще"*. Решительно возражаю: отнюдь. Мы не по этой части. Благоуханностью как таковой мы заинтересуемся только задним числом, закрыв прочитанную на одном дыхании книжечку, затушив сигарету, и начав подозрительно принюхиваться к окружающему нас — доселе безуханному — миру. Повинюсь сразу во всех остальных грехах: даже название книги по первому впечатлению показалось безвкусным, не говоря уже об обложке, смахивающей на обертку мыла "Цветы России". Вот из-за этого — то есть из-за глупой предвзятости — Константин Веригин попал мне в руки с опозданием и совершенно случайно.

Между тем книга должна заинтересовать прежде всего филологов, и не только потому, что наш "широкий круг" поставляет самых усердных потребителей мемуаров, и уж вовсе не потому, что каждой главке у Веригина предпослан эпиграф из А. К. Толстого или Фета, Бунина или Блока, Гумилева или Ахматовой. "Благоуханность" надобно прописывать литературоведам как декокт, в терапевтических целях (не путать с новомодным шарлатанством "ароматерапевтов"), для профилактики профессиональной болезни — логоцентризма.

Вся ностальгия эмигранта-парфюмера переведена в область обонятельных воспоминаний, но именно это и составляет

главную ценность его прозы, ее уникальность. Даже трюизмы — "дух времени", "аромат эпохи" — вдруг наполняются всевозможными оттенками смысла: верхняя нота аромата — северная сирень, нижняя нота — крымская магнолия, глубинная нота — запах благородного дуба... Примерно в таких категориях продолжаешь какое-то время сопереживать книге, откликаться на прочитанное. Не говорю уже о потребительском подходе, о мелкой корысти историка литературы и комментатора. Многочисленные конкретные факты, свидетельства современника о быте и парфюмерном искусстве начала века, воспринимаешь уже как что-то сверх программы, как бесплатный подарок фирмы. Не удержусь от примера из собственного опыта.

Споткнулась я как-то о триолет Ф. Сологуба 1914 г., построенный на повторении одного образа: *"Мерцает запах розы Жакмино, который любит Михаил Кузмин"*. Как, спрашивается, это объяснять? Написать в примечаниях: гибридная ремонтантная Rose General Jacqueminot, темно-бордового цвета, очень душистая... А дальше что? Ни одного упоминания конкретного сорта розы в произведениях Кузмина нет. Зато духи "Роза Жакмино" рекламировались в то время весьма настойчиво в дамских журналах. Более того, обнаружилось, что к ним питали пристрастие почему-то именно мужчины, и мужчины... писатели. Тэффи умиляется наивным вкусам А. Куприна: *"Любил духи "Роз Жакемино" до блаженной радости. Если надушить этими духами письмо, будет носить его в кармане без конца..."* Алексей Ремизов, описывая внешность Кузмина, трижды (!) свидетельствует о "розовом благоухании": *"очень душился розой — от него, как от иконы в праздник"*. Пока эти косвенные свидетельства нашла — роза моя изрядно подвяла, а заодно выяснилось, что лет десять назад двое почтенных исследователей тоже над этим вопросом голову ломали и по тем же сусекам скребли. Заодно, правда, еще клоуна Жакмино обнаружили. А прочитали бы мы все вовремя Веригина, и алгебраическая формула упростилась бы до благородной краткости: "Rose Jacqueminot", 1900 год, классика парфюмерии, великий Коти, открывающий новый век новым остро-модным ароматом. И успокоились бы, поскольку всякие сомнения отпали. Впрочем, это я раньше могла бы словесным результатом довольствоваться, теперь же не успокоюсь, пока не понюхаю. Духи эти, по мнению Веригина, входят в десяток несравненных шедевров парфюмерного искусства, потому есть надежда, что они до сих пор живы.

Так же, как процветают и сегодня самые знаменитые в мире духи — "Шанель №5", запах которых, если верить фильму "Бриллиантовая рука", в России знает наизусть любой милиционер. Очаровательная "Шанель" — почти ровесница пассии Кузмина, а кто старушке даст ее годы! Сотворил это чудо, оказывается, москвич Эрнест Эдуардович Бо через два года после того, как обосновался в Париже. И открыл новую эпоху в парфюмерной индустрии. *"Меня спрашивают, как мне удалось создать "Шанель №5"? Во-первых, я создал эти духи в 1920 году, когда вернулся с войны. Часть моей военной кампании прошла в северных странах Европы, за Полярным кругом, во время полуночного солнцестояния, когда реки и озера излучают особую свежесть. Этот характерный запах я сохранил в своей памяти, и после больших усилий и трудов мне удалось воссоздать его..."*

Константин Веригин цитирует высказывания своего гениального учителя щедро, и действительно, на человека неискушенного они производят ошеломляющее впечатление: *"...мысли наши рождаются под влиянием среды, в которой мы живем, под впечатлением прочитанного или игры любимых нами актеров. Такое влияние имели на меня французские поэты и писатели, а также произведения Пушкина, Тургенева, Достоевского; музыка Бетховена, Дебюсси, Бородина, Мусоргского; Императорский театр и его балет и Московский художественный театр; живопись французской школы и большие русские художники — Серов, Левитан, Репин и многие другие — и, главное, артистические круги того времени, с которыми я много общался"*.

Самое любимое детище Э. Бо, духи "Bois des Iles", были навеяны, оказывается, мотивами "Пиковой Дамы", а вдохновение пришло во время исполнения этой оперы в Париже. То-то сейчас все в России как полоумные набросились на французские ароматы. И то сказать, истосковались мы по родной, неосквернённой "благоуханности"...

Первая часть книги К. Веригина посвящена воспоминаниям детства и юности, вторая — его работе во Франции. О разделяющих эти периоды жизни 1918 — 1920 годах не сказано ни слова. Только в заключительной главе мемуарист проговаривается: *"На страницах этой книги я почти не касался*

проблемы дурных запахов, но как избежать этого вопроса, когда роль парфюмера и заключается в том, чтобы всеми силами бороться с этим злом; всеми силами — значит, и словом". Повествование ведется в гармоничном ароматическом ключе, поэтому о запахе пороха, крови, пота, человеческого страдания и смерти, зверином запахе революции и гражданской войны книга "Благоуханность" умалчивает. В самом деле, не будем же мы, уподобляясь гимназисту-патриоту, спрашивать вернувшегося с фронта солдата: *"А какой в окопах дух?" — "Известно, какой... чижолый"*.

Узнаем случайно, по другому поводу, что К. Веригин в эмиграции стал строгим вегетарианцем. Хотя до этого, описывая пасхальный стол своего детства, он не находил в скоромных яствах ничего предосудительного: *"Ванильный дух куличей и свежесть сырных пасок ярко выделялись на басовом фоне мясных блюд и более высоких тонах рыбных запахов"*.Можно только представить, какой обонятельный кошмар пришлось пережить добровольцу лейб-гвардии конно-гренадерского полка, если он и через сорок пять лет не смог избыть этих впечатлений: " *Еще раз считаю своим долгом напомнить, что вредные и дурные запахи, порождающие все развратное и злое, представляют реальную опасность"*. Причинно-следственные связи для парфюмера выглядят именно так: " *дурные запахи порождают мировое зло"*. Обонятельный фанатизм или даже — нюхательный мистицизм.

Потребность запечатлеть упоительные ароматы детства и юности определила выбор профессии парфюмера, а все пережитое привело к пониманию своей миссии как высокого, почти религиозного служения красоте, "благоуханию духовному". Старинная дворянская фамилия и родственные связи сделали возможным устройство на работу в лучший из парфюмерных домов: чужаков сюда не брали, строжайше оберегая секреты.

Страшно представить, что случилось бы с К. Веригиным или с его великим учителем — Эрнестом Бо, если бы они вовремя не эмигрировали во Францию. Российский воздух, пропитанный запахами карболки, керосина, махорки, блевотины и крови, зловонием неправедного жизнеустройства, убил бы их раньше всего остального. Но дым отечества не отравлял благоуханности Европы, а память хранила дух дубового паркета петербургской

барской квартиры, сиреневый рай имения в Орловской губернии, роскошную симфонию ароматов крымской усадьбы Веригиных. Когда Константин Михайлович заканчивал в 1965 г. свои мемуары о работе в легендарном Доме Шанель, Россия пила "Огуречный лосьон" и одновременно — им же закусывала.

Во второй части книги много страниц посвящено путешествиям — источнику вдохновения парфюмера: золотисто-амбровое благоухание Рима, шипровая мужская гамма Лондона, светло-экзальтированный воздух ночного Нью-Йорка. Недавно прошла любопытная инсталляция в Хельсинки — запахи разных стран и народов. В большом зале стояли кувшины с национальными ароматами, а зрители ходили, и в каждый сосуд свой нос засовывали. Там, где *"русский дух и Русью пахло"*, был ... деготь. Слава богу, что после всего пережитого Россия вернулась хотя бы к дегтю. Запах этот хоть и не отличается особой изысканностью, но довольно приятен и основателен. К тому же он легко перекрывал все остальные "национальные ароматы" экспозиции и простодушно доминировал над всей выставкой. Будем пока утешаться хотя бы этим.

Две части книги написаны не только в разном стиле, но, кажется, даже на разных языках: вторая часть похожа на перевод с французского (может быть, просто автор, рассказывая о Франции, автоматически переключился и стал думать по-французски). К сожалению, "перевод" порою напоминает невыправленный подстрочник, происхождение ошибок установить трудно, но все они — на совести издателей. Если К. Веригин называет книгу П. Муратова — "Образ Италии", то его оговорка понятна, поскольку мемуариста волнует один единственный образ — обонятельный, — но ведь в выходных данных все-таки указана и фамилия редактора. Есть и более удивительные вещи: Ж. К. Гюисманс выступает под псевдонимом "Висманс" (спасибо, что не "Вискас"), название его романа дается без перевода, но с погрешностью в написании, дворянский титул главного героя хоть и переведен, но приблизительно... Многочисленные парфюмы именуются то по-французски, то на корявом языке родных осин (к примеру, "Bois des Iles" — это, оказывается, "Дерево далеких островов"). Единственная английская цитата почему-то кратко пересказывается в сноске "своими словами".

Чем занимался редактор — непонятно, корректор же вообще не обозначен, и его отсутствие подтверждается количеством опечаток на каждой странице. Но говорю все это не в осуждение, но, напротив, с чувством искренней благодарности: я, нерасторопная, вдвойне должна быть признательна КЛЕОграфу. В конце концов, даже к "фрацуским духам" быстро привыкаешь, а что единственная дочь Веригина — то Ириша, то Мариша, так это вообще несущественно. Важно другое: добрые люди издали чудесную книгу, да еще умудрились сделать это таким образом, что за четыре года тираж не разошелся. Поэтому "Благоуханность" К. Веригина все еще можно купить, и сделать это нужно непременно, поскольку даже филологу ориентироваться в окружающем мире только при помощи зрения и слуха, оказывается, все-таки трудно. Во всяком случае — скучно.

(с) Ольга Кушлина.

НЛО. № 43 (2000).

К дню рождения К. М. Веригина (08.02.1899)

Биографическая справка.

"...Он был настоящим русским барином - может быть, последним - каких уже более не будет... Он был пропитан запахами жизни, повседневной жизни, и как поэт - а он являлся поэтом в широком смысле - он умел о них говорить: запах снега, запах осени (который он узнает в некоторых великих духах двадцатых годов), запах утреннего кофе отца, запах цветов, цветов его детства в деревне, в Крыму, летом. Он всюду умел с глубокой чувственностью открыть запахи красивых вещей; ныне его душа в раю парфюмеров с наслаждением вдыхает невещественные запахи неба, напоминающие ему запах снега так любимой им русской зимы..." - сказал на собрании Технического Общества Парфюмеров 20 января 1983 года, посвященном памяти К. М. Веригина его друг Юрий Гутзац.

8 февраля 2009 года исполнилось 110 лет со дня рождения Константина Михайловича Веригина. По недоброй традиции это имя, как и множество других ни о чем не говорит жителю современной России. Однако в мире К. М. Веригин известен как создатель непревзойденных духов "Суар де Пари" ("Soir de Paris"), "Мэ уи" ("Mais oui") и "Рамаж" ("Ramage"), составляющих славу знаменитого Дома Шанель.

Константин Михайлович Веригин родился в Санкт-Петербурге 25 января (старый стиль) 1899 года в семье потомственного дворянина, воспитывался во 2-м Кадетском Корпусе в Петербурге. После смерти отца, в 1911 году семья перебирается в Крым. Веригины живут в Ялте, (бывшая Никольская, 16).

Константин с детства любил духи, одна комната в башне их дома в Ялте называлась "Лаборатория Кота" (он всю жизнь оставался "Котом" для семьи и близких друзей). Веригин учится в Ялтинской Александровской гимназии, которую закончил в марте 1919 года. Примечательно, что аттестат зрелости № 345 был выдан Константину Веригину 25 марта 1919 года, а послужной список корнета лейб-гвардии конно-гренадерского полка Добровольческой Армии Константина Веригина заведен 20 марта того же 1919 года. Экзамены на зрелость пришлось сдавать не только в гимназических классах, но и в окопах Перекопа и затянулись они на два года. Последняя запись в послужном списке, сделанная 15 ноября 1920 года на пароходе "Крым", идущем в Стамбул гласит: " *В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оному"*.

В ноябре 1920 года Веригин навсегда покидает Россию. На том же пароходе "Крым" уезжают его родные - мать и сестра. Брат Михаил, который тоже служил в рядах Белой гвардии остался и никогда уже не увидится с семьей.

После нескольких месяцев в Константинополе уже неполная семья Веригиных уезжает в Югославию. В конце 1921 года Веригин получает визу и переезжает во Францию, которой суждено было стать ему второй Родиной. Образование Константин Веригин получил в Университете города Лилля, который закончил в 1924 году с дипломом инженера-химика. После учебы он работает в Париже на заводе красок "Франк", работа ему не нравится, но надо жить. К счастью, благодаря знакомствам одного родственника, ему удается поступить в Дом Шанель и стать сотрудником знаменитого французского парфюмера Эрнеста Бо.

Кстати, факт не слишком известный - "знаменитый французский парфюмер Эрнест Бо" родился в Москве в 1882 году. Говорил прекрасным русским языком, который, как коренной москвич знал в совершенстве. Даже будучи патриотом Франции, он сумел сохранить на всю жизнь пламенную любовь к императорской России своего детства и юности. Русская революция лишила Э. Бо и положения и состояния, талант его раскрылся во Франции. Но это уже другая история, которая ждет своего сказителя.

Творческая работа по созданию духов была важным, но не единственным занятием Константина Михайловича Веригина. Мало один раз получить исключительный результат, важно, чтобы каждый флакон духов от Шанель был неотличим от первого, лабораторного. Контроль за качеством духов Домов Шанель и Буржуа, закупка эссенций и других составляющих косметики также входили в обязанности Веригина. Константин Михайлович Веригин избирался Председателем Ассоциации парфюмеров Франции.

Константин Михайлович Веригин умер в декабре 1982 года так никогда и не побывав на Родине.

В 1996 году дочь Веригина, Ирина Константиновна, издала в Москве книгу отца "Благоуханность. Воспоминания парфюмера". Книга была издана очень ограниченным тиражом и сразу стала библиографической редкостью.

Источник: форум сайта "Франция по-русски".

Константин и Ольга Веригины.

В мае 1997 года Ялту впервые посетила группа потомков эмиграции первой волны. Были среди них Николай Алексеевич Можайский и Ирина Константиновна Веригина-Бизе. Они рассказали нам о прошлом старинной русской фамилии Веригиных.

В XIX веке Веригины служили на флоте и в армии.

Основатель интересующей нас ветви – Константин Михайлович (1813-1882) был женат на Марии Ивановне Похвисневой (1836-1896) и через нее породнился с известными в России семействами Татищевых, Нарышкиных, Кологривовых, Челищевых, Огаревых.

Как выразилась одна из представительниц рода, *"женщины в нашей семье как будто сильнее мужчин",* они единолично решали судьбу детей, сами выбирали им мужей и жен. Это правило дерзко нарушил поручик лейб-гвардии гусарского полка Михаил Константинович Веригин (1870-1911), женившись по страстной любви на красавице цыганке Домне Алексеевне Мосальской (1872-1960) – солистке знаменитого петербургского хора Шишкина. После этого Михаил Константинович был вынужден уйти в отставку.

На генеральном плане Ялты 1905 года на углу Чукурларской и Николаевской улиц отмечен земельный участок под № 225, приобретенный в самом начале столетия на имя Д. А. Веригиной. Через несколько лет тут стоял нарядный двухэтажный дом с башенкой, позднее прозванный "теремком". Автором проекта являлся Л. Н. Шаповалов, один из самых известных архитекторов Крыма, построивший Белую дачу для А. П. Чехова. Сохранилось описание четырнадцати комнат. Кабинет и спальня главы семьи располагались на первом этаже. На втором находились столовая, гостиная, детские комнаты.

"Окна были очень большие, двойные, пропускающие огромное количество света". Богатым убранством отличался кабинет хозяина дома. Тут стояли *"шкафы, полные книг, большею частью в старинных кожаных переплетах, темно-красные шторы, мягкая мебель, толстый ковер во всю комнату, картины, гравюры, фотографии по стенам, бронза на столах и бюро"*. Некоторые из этих вещей сейчас находятся в собрании Севастопольского художественного музея. В экспозиции можно увидеть комплект часов и ваз севрской мануфактуры XIX века; живописные полотна "Парусные лодки" Виллена ван де Вельде и "Меркурий и Аргус" К. Хольстейна содержатся в фондах, периодически появляясь на выставках.

Все в доме любили цветы, сами сажали их в саду. В комнатах постоянно зимой и летом стояли роскошные букеты. В атмосфере, где отец, " *избалованный жизнью и, главное, разнообразием дарований, которыми природа его одарила"*, а мать, *"как только она начинала петь, казалась вышедшей из другого высшего мира"*, воспитывалось трое детей Веригиных: Константин (1899-1982), Михаил (1903-1943), Ольга (родилась в 1903).

Мальчики посещали Александровскую гимназию, Ольга училась в частной гимназии госпожи В. К. Фьерфор и дополнительно занималась с Еленой Сергеевной Ляминой, двоюродной сестрой поэта М. Волошина. Главным любимцем матери считался Михаил, *"всего более на нее похожий и лицом и способностями. Он единственный унаследовал голос, музыкальность и крепкое здоровье матери"*. Обращала на себя внимание и Ольга. *"К пяти годам она как-то сама выучилась читать и писать, а музыкальность в восприятии слов и рифмованной речи была у нее развита необычайно"*.

Не будь революции, карьера старшего сына - Константина сложилась бы так же, как у его предков, то есть на военном поприще. Однако, оказавшись во Франции, он закончил химический факультет Католического университета города Лилля, добился успехов в парфюмерной промышленности Франции, участвуя в создании изысканнейшей серии духов "Шанель". К. Веригин даже избирался Председателем ассоциации французских парфюмеров. Он оставил воспоминания, которые благодаря усилиям дочери Ирины увидели свет в России в московском издательстве "Клеограф" в 1996 году.

Первые главы этой книги с многозначительным названием "Благоуханность" посвящены жизни автора и его семьи на родине. Естественно, что тут Ялта занимает главное место. Дыхание сосновых горных лесов и морских бризов, пряный аромат цветущих ялтинских садов и парков, запах отчего дома и магия девичьих духов на гимназическом балу – вот та атмосфера, в которой прошло счастливое детство К. Веригина, оставившее неизгладимый след в его жизни. Определяя запах как эстетическую категорию, он писал: *"Действие аромата на человеческий организм сложно и многообразно, но особенно способствует полету фантазии. Если же переживаемый момент*

сам по себе полон яркости, то обрамленный ароматом, он особенно сильно запечатлевается в памяти". Вот так, в "обрамлении аромата" воскресают картинки беззаботной Ялты предреволюционной эпохи, ее повседневного быта. Со страниц книги встают перед нами многие известные и забытые люди.

Наиболее близкими к Веригиным были дети их родственников Нечаевых и Новосильцевых. Их великолепный дворец, построенный О. Вегенером в 1902 году, по праву считался, да и остается сейчас одним из лучших в Ялте. Сюда обычно направлялись после пасхального ночного бдения члены обоих семейств. Одна из лучших страниц книги посвящена описанию торжественного наряда благоухающего пасхального стола: *"Посреди стола возвышался огромный кулич-баба с сахарным барашком и хоругвью над ним. С обеих сторон от кулича блестели груды веселых яиц всех оттенков и красок. На углах стола стояли куличи поменьше и четыре творожные пасхи – заварная, сырная, шоколадная и фисташковая, чудесного светло-зеленого цвета"*.

Ялтинских краеведов, несомненно, привлечет описание некогда известного, а сейчас пребывающего в запустении дома княгини Багратион. Старшая из сестер, Елизавета, *"деятельная, умная, горячая, прошедшая всю войну 1914-1918 годов на передовых позициях сестрой милосердия, отдавала всю свою жизнь больным и несчастным"*. Жили они в непосредственной близости от Веригиных. Дети часто бывали в доме княгини, хорошо запомнили *"большую желтую гостиную с цельным окном во всю стену, выходящим на море, с родовыми портретами в золоченых рамах, среди которых выделялся своей работой портрет их деда, генерала князя Багратиона, героя войны 1812 года"*. Михаилу Веригину, оставшемуся в Ялте при красных, именно здесь помогали выжить в годы репрессий.

"Совсем исключительное место среди моих знакомых и друзей занимала семья Мещеряковых, - вспоминает К. Веригин. - *Самым выдающимся был старший из братьев, Александр, человек высокой души, светлого ума, обладавший абсолютной памятью"*. Это редкое свидетельство об А. Д. Мещерякове, ставшем мужем Екатерины де Куртен, бывшей ялтинской гимназистки и будущей основательницы знаменитого русского монастыря во имя Покрова

Пресвятые Богородицы в Бюсси-ан-От во Франции (там нашел упокоение И. С. Шмелев).

Вторая часть книги повествует о жизни К. Веригина за границей, о годах учения в институте и начале работы в парфюмерной промышленности, о встречах со старыми русскими друзьями и знакомстве с новыми. Учителем Константина Михайловича был величайший парфюмер Франции Эрнест Бо, который, оказывается, родился в Москве. *"Даже будучи патриотом Франции, он сумел сохранить на всю жизнь пламенную любовь к императорской России своего детства и юности"*.

Казалось, Ялта ушла в далекое прошлое. И все же образ любимого города нет-нет да и прорывается сквозь дымку воспоминаний. Вот он цитирует, например, строки стихов друга юности, никому неизвестного А. Д. Мещерякова:

Страшно жить, томясь всечасно той мучительной загадкой,

Интуицией тяжелой и гнетущей, как судьба, -

Что под маской херувима ясно виден облик гадкий,

Под личиной господина – сущность жалкого раба!

Вот, пожалуй, и все, что осталось от творчества того, кого знали и любили в Ялте. Если найдется человек, который сумеет дополнить биографию Мещерякова, заранее ему благодарны. Всю свою сознательную жизнь вела дневники Ольга Михайловна Веригина. Впоследствии для детей и внуков она отобрала лишь то, что считала достойным внимания, в первую очередь записи 1916-1925 годов. Получились три тетради машинописного текста. Из них одна – ялтинская. Начинается она исповедью тринадцатилетней девочки, пытающейся "в себе разобраться" и "работать над собой". С одной стороны, вспыльчивость, несдержанность, гордость, с другой – вера, богомольность и незлопамятность, да еще любовь к России и к русским. Стремление заглянуть в себя, постоянная самооценка проходят через весь дневник.

Тем интереснее наблюдать, как день ото дня формируется характер девушки, оказавшейся волею судьбы в центре водоворота исторических событий. Сначала их отголоски только фон среди гимназических и семейных впечатлений. Между тем обстановка в городе становится все более напряженной и личные переживания отходят на второй план. Дневник это фиксирует. 17 мая 1917 года *"из Севастополя приехали в Ялту солдаты и моряки делать обыск у членов царской семьи и местных "аристократов". Они были у В. К. Ксении Александровны, у Поповых (предводитель дворянства), еще у кого-то. На следующий день, в 7 вечера, пришли и к нам и остались до 10-го часа"*. Эта часть записей особенно интересна, так как дополняет и уточняет конкретными деталями те исторические дни 17 января 1918 года: *"Встретили мы Новый год у В. В. Коншина. Нас было 20 человек за пятью столиками. Всю ночь пел Вертинский. Именины мамы тоже прошли хорошо. Но 9-го, вместо занятий, начались беспорядки. Из Севастополя пришли большевики и стали сражаться с Крымским конным полком и татарами. После подошли офицеры из Симферополя. Матросы стреляли по городу с миноносца, на улицах шла ружейная перестрелка, красноармейцы ловили офицеров, расстреливали, бросали с мола в море. С 14 января начались обыски, похожие на грабеж. 16-го к нам приходили 6 раз. Матросы взяли у нас все охотничьи ружья и сабли… Уже больше недели я сплю почти одетой"*. Далее записи в дневнике прерываются, потому что *"пришлось на три месяца запрятать дневник"*, опять обыски, аресты, убийства знакомых офицеров - князя Бориса Мещерского, Вл. Иванова-Дивова. Бывшие гимназисты становятся юнкерами, многие гибнут. 26 марта 1919 года Ольга видит, что в городе началась паника. *"Власти уезжают. Ждут большевиков. Члены Царской семьи уходят на английском дредноуте. Другие на транспортах"*..

Вместе с ними уезжают Веригины. Сначала был Константинополь, потом Мальта, встреча с императрицей Марией Федоровной… И опять Ялта. 4 сентября 1919 года пароход подошел к берегам Крыма. Жизнь как будто вошла в привычное русло. Утром гимназия. Вечером прогулки. Почти ежедневно в доме № 16 по Николаевской улице принимают гостей, слушают музыку, читают вслух. Часто приходит А. Д. Мещеряков. Ольга записывает свои и чужие стихи, среди них – Волошина:

Мне так радостно и ново

Все обычное для Вас -

Я люблю обманность слова

И прозрачность ваших глаз…

"Размеренные часы. Уроки. Чтенье. Вечерни в соборе с Наташей С. Полу-молитвенное, полу-учебное настроение. Все хорошо…"

2 ноября 1920 года стояла *"тихая, ясная погода, которою так часто балует нас наша крымская осень и которая совершенно незнакома на севере"*. От причала один за другим отшвартовывались последние пароходы – "Св. Георгий Победоносец", за ним "Крым" с солдатами корпуса генерала Барбовича. На нем – семья Веригиных. *"Прощай, Россия", – тихо говорит какой-то невзрачный солдатик, и в тревожном молчании его слова служат сигналом: дружно сползают шапки с голов. По лицам катятся крупные слезы. Все сердца слились в одно, и с одной стороны парохода грустно раздается "Боже, царя храни"… Одна за другой поднимаются грубые и тонкие руки и творят крестное знамение – разве гимн не молитва? Разве одно слово – Царь – не святыня?.. Из города доносится громкий звон колоколов. Все оставшиеся друзья и родные в церкви…"*

Вторая и третья тетради дневников за 1920-1925 годы написаны в эмиграции в Сербии. Ольга Веригина одной из первых вошла в ряды русского христианского студенческого движения. Вместе с ней там были многие ялтинцы, как, например, Юлия и Екатерина Рейтлингер, Александра Оболенская и Наталья Сабурова, Мария и Татьяна Клепинины. На формирование ее внутреннего мира оказала влияние семья богослова и философа Н. Н. Зернова, организатор Движения, будущий автор "Истории и философии" В. В. Зеньковский. Момент аскезы, характерный для русской молодежи за рубежом, особенно остро переживался в период раскола Движения в 1925 году, когда многие девушки и юноши ушли путем монашеского и церковного служения Православию, а другие – в семейную жизнь. 14/27 ноября 1925 года отец Сергий Булгаков, чьей второй родиной была та же Ялта, обвенчал Ольгу Веригину с Алексеем Николаевичем Можайским в

Сергиевском подворье в Париже. Жениха благословил его дядюшка – знаменитый философ Николай Бердяев.

С рождением одного за другим троих детей молодая мать полностью отдалась их воспитанию. Но никогда не переставала писать стихи, сказки. Когда поселилась в Бюсси-ан-От, рядом с женским Покровским монастырем, много и с любовью занималась садом, постоянно вышивала, считая вышивание особым духовным послушанием. Теперь ее шитье украшает православные монастыри и храмы, где молятся вдали от родины русские люди, "в рассеянии пребывающие".

Пусть, словно дальние звоны

В сердце молитву неся,

Все плащаницы, иконы

Напоминают меня.

Из ее стихотворений, очень личных, исповедальных, немногие были опубликованы. Исключение составляют "Сказки", вышедшие маленькой книжицей. Будем надеяться, творчество Ольги Веригиной в конце концов найдет своего читателя в России. В том числе и стихотворения, посвященные Ялте, ибо куда бы ни забрасывала ее судьба, везде и всегда с нею был ее светлый град, " *детство золотое на пройденном пути"*, где *"песни матери и брата, звучащие вдали. Сияние скрытого заката за круглым Могоби"*, где произносят это странно звучащее, из языка птиц извлеченное, слово "Чукурлар". " *И видят, засыпая, дальние края, где некогда, играя, мечтала тоже я"*. Уже давно разрушен дом, и в самой Ялте мало кто помнит о Веригиных, но звучат эти строки:

Стрелою кипарисы

Взметнулись в небеса,

Чуть теплится ирисом

Морская полоса.

Оттенками опала

Родной сияет дом,

И, просто, не бывало

Все бывшее потом.

Любовь к Ялте перейдет у Ольги Веригиной в чувство особой привязанности к друзьям, учителям и наставникам, кто "в детстве казался столпами".

В Сербии она часто вспоминала скромную плещеевскую церковь в Ялте, где молилась девочкой, пыталась восстановить образы ушедших из жизни людей, среди них А. Д. Мещерякова, "*его высокую фигуру, бледное, худое лицо, длинную шею в высоком воротничке студенческого мундира и сухие тонкие руки с коротко обрезанными ногтями […] синие глаза с каким-то своим особенным выражением"*. А в конце добавит очень важное для себя: *"Изучивши и буддизм и теософию, он стал строго православным, и одной лишь своей фразой, чуть ли не случайной, направил и меня в сторону церкви"*. Одно из самых проникновенных стихотворений Ольги Веригиной посвящено матери Евдокии:

Я все чаще гляжу на зеленый рассвет

Между сосен, у синего моря,

С тихой мыслью о том, что прошедшего нет

И не будет грядущего вскоре…

Алупка.

А. Галиченко, "Московский журнал" 1.09.1998.